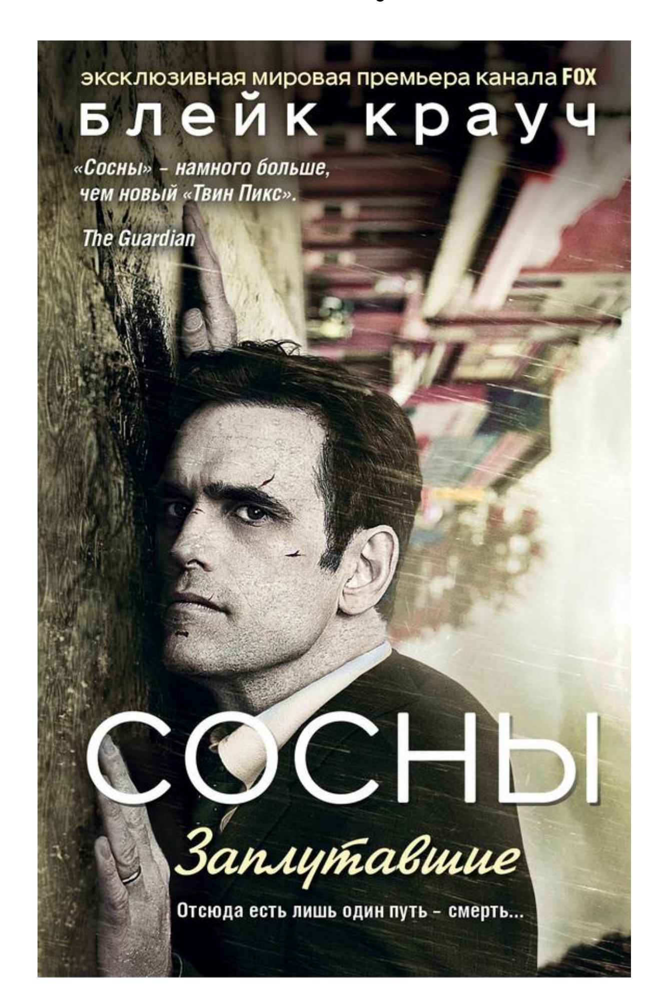
Крауч Блейк

Сосны. Заплутавшие

* * *

Город Заплутавшие Сосны окружен оградой с колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток, и находится под неусыпным круглосуточным наблюдением снайперов. Каждый из 461 обитателя города просыпается тут после ужасного несчастного случая. В каждом жилом доме и офисе находятся скрытые камеры. Обитателям говорят, где им следует работать. Где жить. На ком жениться. Некоторые полагают, что они мертвы и это – загробная жизнь. Некоторые думают, что они заперты в экспериментальной тюрьме. Все втайне мечтают покинуть город, но тех немногих, кто осмеливается на такую попытку, ожидает кошмарный сюрприз. Итан Бёрк видел мир за пределами города. Он – шериф и один из немногих, знающих правду: Заплутавшие Сосны – не просто город. И то, что находится по другую сторону ограды, – кошмарный мир, который никто не в силах даже вообразить.

Персонажи и события, описанные в этой книге, вымышленные. Любые сходства с реальными людьми, умершими или живыми, чисто случайны.

Чаду Ходжу

Ум – место сам в себе, он может сам

Из Ада сделать Рай, из Рая – Ад.

Джон Мильтон, «Потерянный рай»[1]

Если вы посмотрите на природу, вы обнаружите, что там, где вы склонны видеть прекращение жизнедеятельности, вы видите бессмертие.

Марк Рот, доктор наук (цитолог)

«Вчерашний день – история. Завтрашний день – загадка. Сегодняшний день – дар. Вот почему он называется подарком. Работай усердно, будь счастлив и наслаждайся жизнью в Заплутавших Соснах!»

Объявление для всех жителей Заплутавших Сосен (обязательно вывешивается на самом виду во всех жилых домах и учреждениях)

Часть I

Глава 01

Мастин добрый час наблюдал за существом сквозь оптический прицел «Шмидт энд Бендер». Существо пересекло горный амфитеатр на рассвете. Помедлило, когда первые солнечные лучи ударили по его прозрачной шкуре. А теперь медленно и осторожно пробиралось через усыпанное валунами поле, время от времени останавливаясь, чтобы обнюхать останки себе подобных. Тех, кого Мастин убил.

Снайпер потянулся к оптическому прицелу, исправил параллакс[2] и снова принялся наблюдать. Условия были идеальными – видимость отличная, погода мягкая, безветрие. Визир был установлен на 25-кратное увеличение, и силуэт создания возник на сером фоне потрескавшегося валуна. На расстоянии полутора миль его голова была не больше песчинки.

Если не выстрелить сейчас, придется снова определять расстояние до цели. И оставалась возможность, что к тому времени, как он приготовится сделать выстрел, создание уже покинет визирную линию. Это не будет концом света. В полумиле вниз по каньону все еще стояла ограда с пропущенной по ней током. Но если существо ухитрится взобраться на утесы, возвышающиеся над колючей проволокой, быть беде. Придется сообщить об этом по рации и вызвать подмогу. А это – лишняя работа. Лишнее время. Нужно было любой ценой помешать твари спуститься в город. А если ему это не удастся, Пилчер почти наверняка устроит ему головомойку.

Мастин сделал глубокий длинный вдох.

Легкие расширяются.

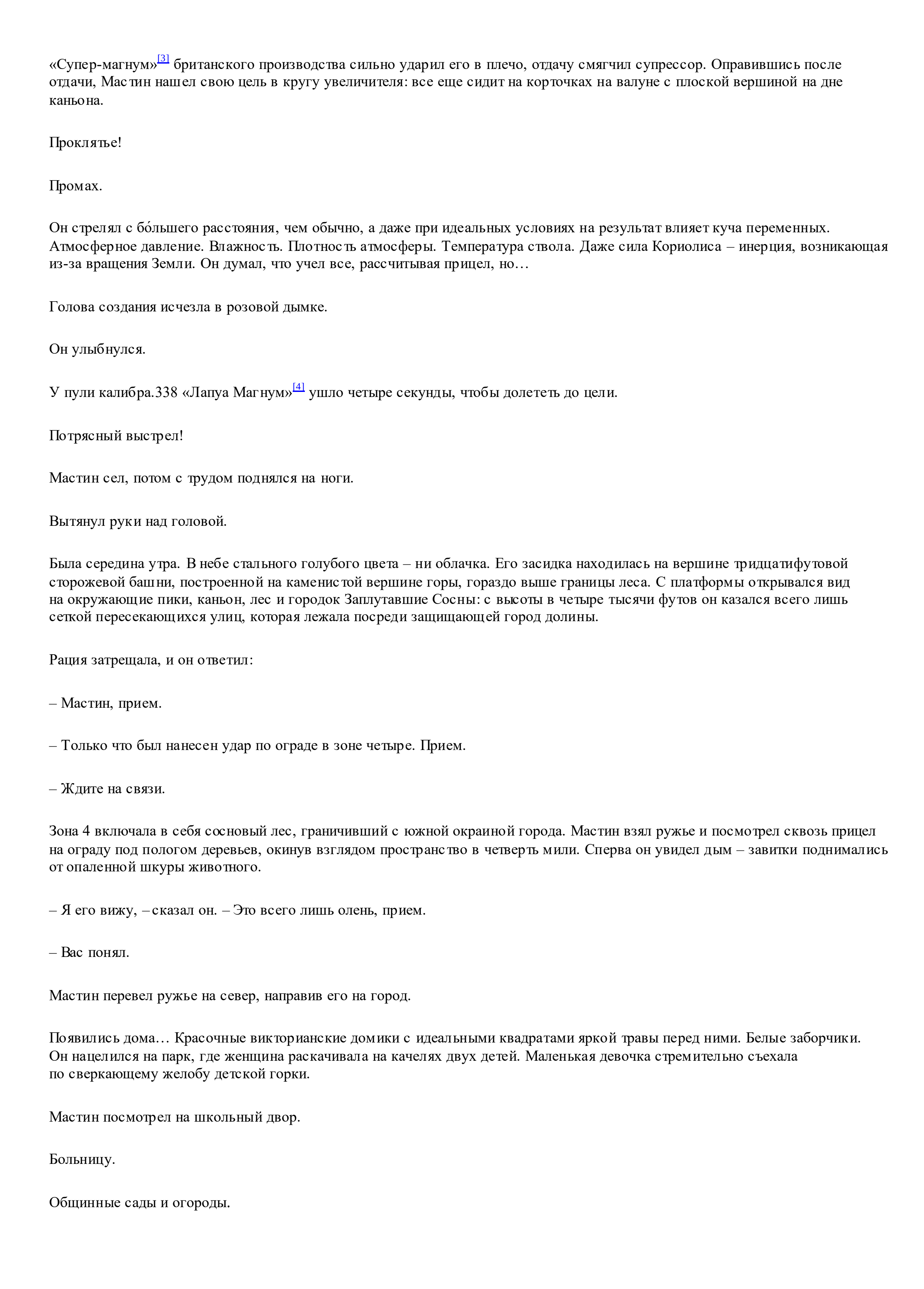
Он сделал выдох.

Легкие сжимаются.

Пустеют.

Диафрагма расслабилась.

Он сосчитал до трех и нажал на спуск.

«Супер-магнум»[3] британского производства сильно ударил его в плечо, отдачу смягчил супрессор. Оправившись после отдачи, Мастин нашел свою цель в кругу увеличителя: все еще сидит на корточках на валуне с плоской вершиной на дне каньона.

Проклятье!

Промах.

Он стрелял с бóльшего расстояния, чем обычно, а даже при идеальных условиях на результат влияет куча переменных. Атмосферное давление. Влажность. Плотность атмосферы. Температура ствола. Даже сила Кориолиса – инерция, возникающая из-за вращения Земли. Он думал, что учел все, рассчитывая прицел, но…

Голова создания исчезла в розовой дымке.

Он улыбнулся.

У пули калибра.338 «Лапуа Магнум»[4] ушло четыре секунды, чтобы долететь до цели.

Потрясный выстрел!

Мастин сел, потом с трудом поднялся на ноги.

Вытянул руки над головой.

Была середина утра. В небе стального голубого цвета – ни облачка. Его засидка находилась на вершине тридцатифутовой сторожевой башни, построенной на каменистой вершине горы, гораздо выше границы леса. С платформы открывался вид на окружающие пики, каньон, лес и городок Заплутавшие Сосны: с высоты в четыре тысячи футов он казался всего лишь сеткой пересекающихся улиц, которая лежала посреди защищающей город долины.

Рация затрещала, и он ответил:

– Мастин, прием.

– Только что был нанесен удар по ограде в зоне четыре. Прием.

– Ждите на связи.

Зона 4 включала в себя сосновый лес, граничивший с южной окраиной города. Мастин взял ружье и посмотрел сквозь прицел на ограду под пологом деревьев, окинув взглядом пространство в четверть мили. Сперва он увидел дым – завитки поднимались от опаленной шкуры животного.

– Я его вижу, – сказал он. – Это всего лишь олень, прием.

– Вас понял.

Мастин перевел ружье на север, направив его на город.

Появились дома… Красочные викторианские домики с идеальными квадратами яркой травы перед ними. Белые заборчики. Он нацелился на парк, где женщина раскачивала на качелях двух детей. Маленькая девочка стремительно съехала по сверкающему желобу детской горки.

Мастин посмотрел на школьный двор.

Больницу.

Общинные сады и огороды.

Главную улицу.

Подавляя знакомое чувство зависти.

Горожане.

Они жили в неведении. Все до единого. В таком блаженном неведении.

Он не ненавидел их. Он не желал жить их жизнью. Он уже давно принял свою роль защитника. Стража. Дом его был стерильной комнатой без окон внутри *горы*, и он настолько смирился с этим фактом, насколько человек мог надеяться смириться. Но это не означало, что одиноким утром, глядя вниз, на то, что в буквальном смысле слова являлось последним раем на земле, он не чувствовал укола ностальгии. Тоски по тому, что когда-то было. По тому, чего никогда больше не будет.

Окинув взглядом улицу, Мастин сосредоточился на человеке, который быстро шел по тротуару. На человеке была темно-зеленая рубашка, коричневые брюки и черная стетсоновская ковбойская шляпа. В медной звезде, приколотой к лацкану, отражались солнечные блики. Человек завернул за угол, перекрестье визирных линий остановилось на его спине.

– Доброе утро, шериф Бёрк, – сказал Мастин. – Чувствуешь зуд между лопатками?

Глава 02

Выпадали спокойные минуты, такие, как эта, когда Заплутавшие Сосны казались реальным местом.

Солнечный свет, льющийся в долину.

Утро, все еще приятно прохладное.

Анютины глазки, украшающие, как драгоценные камни, цветочные ящики на открытом окне, из которого веет запахом готовящегося завтрака.

Люди выходят на утреннюю прогулку.

Поливают газоны.

Забирают местные газеты.

Капли росы испаряются с верха черного почтового ящика.

Итан Бёрк испытывал искушение продлить эти минуты, чтобы притвориться, что все точно такое, каким кажется. Притвориться, что он живет с женой и сыном в идеальном маленьком городке, где он – всеми любимый шериф. Где у них есть друзья. Уютный дом. Все, что требуется человеку. Именно притворяясь, он пришел к полному пониманию того, как же хорошо срабатывает иллюзия. Как люди могли позволить себе поддаться ей, раствориться в красивой лжи, которая их окружила…

*** * ***

Колокольчики зазвонили над дверью, когда Итан вошел в «Ароматный парок». Он шагнул к стойке и улыбнулся бариста – чувихе-хиппи со светлыми дредами и томными глазами.

– Доброе утро, Миранда.

– Привет, Итан. Как обычно?

– Будь добра.

Она начала готовить эспрессо для его капучино, а Итан тем временем осматривал кафе. Все постоянные посетители были здесь, включая двух старожилов – Филиппа и Клея, которые сгорбились над шахматной доской.

Итан подошел и стал рассматривать доску. Судя по всему, игра уже некоторое время находилась в таком состоянии: у каждого игрока оставалось по королю, королеве и несколько пешек.

– Похоже, впереди пат, – сказал Итан.

– Не торопись, – сказал Филипп. – У меня еще кое-что припасено.

Его противник, седой, как гризли, ухмыльнулся сквозь дикую бороду по другую сторону шахматной доски.

– Под «кое-чем» Фил подразумевает, что будет размышлять над своим ходом так долго, что я умру – и тогда он, естественно, победит.

– Ох, заткнись, Клей.

Итан двинулся мимо замызганного дивана к книжной полке. Пробежал пальцами по корешкам. Классика. Фолкнер. Диккенс. Толкиен. Гюго. Джойс. Брэдбери. Мелвилл. Готорн. По. Остин. Фицджеральд. Шекспир.

На первый взгляд то были просто собранные с бору по сосенке дешевые книжки в бумажных обложках. Итан снял с полки тонкий томик. «И восходит солнце». На обложке в импрессионистской манере был нарисован бой быков. Итан сглотнул, почувствовав ком в горле. Выпущенный большим тиражом первый роман Хемингуэя с хрупкими страницами – вероятно, единственный уцелевший экземпляр. По спине Итана побежали мурашки – так потрясающе и трагично было держать его в руках.

– Итан, все готово!

Он схватил еще одну книгу – для сына – и вернулся к стойке, чтобы забрать свой капучино.

– Спасибо, Миранда. Я одолжу эти книги, ладно?

– Конечно. – Она улыбнулась. – Обращайтесь с ними поаккуратнее, шериф.

– Сделаю, что смогу.

Итан прикоснулся к полям шляпы и двинулся к выходу.

* * *

Десять минут спустя он прошел через двойные стеклянные двери, вывеска над которыми гласила: «Офис шерифа Заплутавших Сосен».

В приемной было пусто. Само собой. Его секретарша сидела за своим столом и скучала, как обычно. Она занималась пасьянсом, выкладывая карты размеренными, механическими движениями.

– Доброе утро, Белинда.

– Доброе утро, шериф.

Она не подняла глаз.

– Кто-нибудь звонил?

– Нет, сэр.

– Кто-нибудь заходил?

– Нет, сэр.

– Как прошел вечер?

Она подняла взгляд, застигнутая врасплох, сжимая в правой руке туз пик.

– Что?

Впервые с тех пор, как Итан стал шерифом, в общении с Белиндой он вышел за рамки небрежных приветствий, прощаний и разговоров на служебные темы. В прошлой жизни она была медсестрой-педиатром. Интересно, знала ли она, что ему это известно?

– Я просто спросил, как вы провели вечер. Вчерашний вечер.

– А. – Она пропустила сквозь пальцы длинные седые волосы, стянутые в «конский хвост». – Прекрасно провела.

– Повеселились?

– Нет. Вообще-то нет.

Итан подумал, что Белинда, в свою очередь, задаст ему тот же вопрос – осведомится о том, как *он* провел вечер, – но спустя пять секунд неловкого молчания, пока они глядели друг другу в глаза, она так и не заговорила.

В конце концов Итан постучал по столу костяшками пальцев.

– Я буду у себя в кабинете.

* * *

Бёрк закинул ноги на массивный стол и удобно развалился в кожаном кресле с дымящейся чашкой кофе в руке. Голова гигантского лося таращилась на него с подставки на дальней стене. Благодаря этой голове и трем древним футлярам для ружей за столом Итан чувствовал, что у него в кабинете имеются все атрибуты провинциального шерифа.

Вот-вот должна была появиться на работе его жена. В прошлой жизни Тереза работала помощницей адвоката. В Заплутавших Соснах она была единственным риелтором города, что означало – она проводит дни, сидя за столом в редко посещаемом людьми офисе на Главной улице. Ее работа, как и подавляющее большинство других занятий местных жителей, была по большей части показушной. Очковтирательство для поддельного города. Лишь четыре-пять раз в году она и вправду помогала кому-нибудь с покупкой нового дома. Образцовых местных жителей каждые несколько лет награждали возможностью улучшить свои жилищные условия. Те, что пробыли здесь дольше всего и никогда не нарушали правил, жили в самых больших, самых красивых викторианских домах. А тем супружеским парам, в которых жены беременели, были почти гарантированы новые, более просторные дома.

В ближайшие четыре часа Итану нечем было заняться и некуда было идти.

Он открыл книгу, которую взял в кафе.

Проза была лаконичной и блестящей.

Он сглотнул, прочитав описание ночного Парижа.

Рестораны, бары, музыка, сигаретный дым.

Огни настоящего, живого города.

Ощущение огромного мира, полного разнообразия и завораживающих людей.

Свобода исследовать этот мир.

Спустя сорок страниц Итан закрыл книгу. Он не мог больше этого выдержать.

Хемингуэй его не отвлекал. Он не уносил его прочь от реальности Заплутавших Сосен. Хемингуэй тыкал его лицом в эту реальность. Сыпал соль на незаживающую рану.

* * *

Без четверти два Итан вышел из своего офиса и лениво прогулялся по тихим соседним улицам.

Все люди, мимо которых он проходил, улыбались и махали ему, приветствуя с искренним, казалось бы, энтузиазмом, как будто он жил тут годами. Если они втайне боялись и ненавидели его, то хорошо это скрывали. Да и с чего бы им было его бояться? Насколько Итан знал, в Заплутавших Соснах только он один знал правду, и работа его заключалась в том, чтобы и дальше поддерживать нынешний порядок вещей. Поддерживать мир. Поддерживать ложь. Скрывать правду даже от жены и сына.
В первые две недели в должности шерифа он бо́льшую часть времени проводил, изучая досье на каждого жителя, изучая подробности их прошлых жизней. Детали их интеграции. Основанные на наблюдениях отчеты об их последующей жизни. Теперь он знал личные истории половины людей города. Их секреты и страхи.

Знал, кому можно доверить поддерживать хрупкую иллюзию.

Знал, в чьем лощеном фасаде имеются чуть заметные трещинки.

Он превратился в гестапо из одного человека.

Необходимость – он это понимал.

И все-таки все это было ему ненавистно.

* * *

Выйдя на Главную улицу, Итан шагал на юг до тех пор, пока не кончились тротуары и здания. Дорога тянулась дальше, и он дошел по ней до леса с высокими соснами. Городской шум замер вдали.

Миновав дорожный знак, предупреждавший, что впереди крутой поворот, Итан прошел еще пятьдесят шагов, остановился и оглянулся на Заплутавшие Сосны. Никаких машин. Все тихо и спокойно. Ни звука, кроме голоса одной-единственной птицы, щебечущей на высоком дереве над головой.

Он шагнул с обочины и углубился в лес. Воздух пах сосновыми иглами, нагретыми солнцем.

Итан шел по пружинящей лесной подстилке, через полосы света и теней.

Он шел достаточно быстро, чтобы рубашка на спине вспотела. Там, где ткань прилипла к коже, ощущалась прохлада.

Это была приятная прогулка. Ни надзора, ни людей. Лишь один человек, идущий через лес, на недолгие минуты оставшийся наедине со своими мыслями.

Оставив дорогу в двухстах ярдах позади, Бёрк добрался до больших камней – груды беспорядочно разбросанных меж сосен гранитных блоков. Там, где лес начинал подниматься в гору, высился наполовину обнажившийся пласт скальной породы.

Итан подошел к этому месту.

С расстояния в десять футов гладкая поверхность вертикальной скалы казалась настоящей. Вплоть до прожилки кварца и ярких пятен мха и лишайника. Но при близком рассмотрении иллюзия переставала быть такой убедительной, поверхность скалы была слишком уж правильным квадратом.

Итан отступил назад на несколько шагов и стал ждать.

Вскоре он услышал приглушенный механический гул начавших поворачиваться механизмов. Вся поверхность скалы поднялась, как гигантская дверь гаража – достаточно широкая и высокая, чтобы в нее вписался трактор с прицепом.

Итан нырнул под поднимающуюся дверь, в сырую подземную прохладу.

– Здравствуйте, Итан.

– Маркус.

Тот же провожатый, что и раньше, – парень двадцати с чем-то лет со стрижкой «ежик» и четко очерченным подбородком, смахивающий на пехотинца или копа. На нем была желтая ветровка, и до Итана дошло, что сам он снова забыл куртку. Ему предстояла еще одна ледяная поездка.

Маркус оставил работающий на холостом ходу «Вранглер» без дверей и крыши повернутым туда, откуда приехал.

Итан забрался на переднее пассажирское сиденье.

Входная дверь с глухим стуком закрылась за ними.

Маркус снял машину с ручного тормоза, включил передачу и сказал в головной телефон:

– Встретил мистера Бёрка. Уже едем.

Джип рванулся вперед и помчался по единственной неразмеченной полосе древней мостовой.

Они летели по дороге, уходившей вверх под углом в пятнадцать градусов. Стены тоннеля были из обнаженной скальной породы. Местами по скале стекали струйки воды, паутинкой лежали на дороге. Время от времени по лобовому стеклу ударяли случайные капли. Флуоресцентные светильники мелькали над головой, размазываясь и сливаясь в реку болезненно-оранжевого цвета.

Здесь пахло камнем, водой и выхлопными газами.

Рев мотора и шум ветра были слишком сильными, чтобы разговаривать, и Итана это вполне устраивало. Он откинулся на спинку сиденья с серой виниловой обшивкой, борясь с желанием потереть руки из-за непрекращающихся порывов холодного влажного ветра.

На уши давило все сильнее, рев мотора начал утихать.

Он сглотнул.

Шум вернулся.

Они продолжали ехать вверх.

При скорости в тридцать пять миль в час то была всего лишь четырехминутная поездка, но казалось, что она длится дольше. Во всем этом холоде, шуме и ветре было нечто, сбивающее с толку, мешающее точно определить время.

Ощущение того, что буквально вгрызаешься в недра *горы*.

Нервирующее ожидание того, что вскоре увидишь *его*.

* * *

Тоннель перешел в громадную пещеру, в которой хватало места для десяти складов. Миллион квадратных футов или больше. Пространство, достаточное для того, чтобы собирать здесь самолеты или космические корабли. Но вместо этого на складах хранилась провизия. Громадные цилиндрические резервуары, полные продуктов. Длинные ряды полок сорока футов в высоту, набитые пиломатериалами и разными припасами. Здесь было все, необходимое для существования последнего города на Земле в течение многих грядущих лет.

Маркус въехал в дверь, на стекле которой по трафарету было написано слово: «Консервация». За дверью виднелся туманный голубой свет, и осознание того, *что* там, внутри, словно провело ледяным пальцем по спине Итана.

Консервы Пилчера.

Сотни.

Каждый обитатель Заплутавших Сосен, включая самого Итана, был химически законсервирован в этом помещении на восемнадцать сотен лет.

Джип рывком остановился рядом с двойной стеклянной дверью.

Маркус выключил зажигание, и Итан вылез из машины.

Провожатый набрал на панели код, и двери раздвинулись.

Они прошли мимо вывески «Уровень 1» и углубились в длинный пустой коридор.

Без окон.

Гудели флуоресцентные светильники.

Пол был выложен в шахматном порядке черными и белыми плитками.

Через каждые десять шагов попадалась дверь с маленьким круглым окном.

Никаких дверных ручек – двери открывались только карточкой-ключом.

Большинство окон были темными, но через одно из них за Итаном наблюдала аберрация: зрачки больших, молочно-белых глаз расширены, бритвенно-острые клыки обнажены, один черный коготь постукивает по стеклу.

Эти твари посещали его в ночных кошмарах. Итан просыпался, обливаясь по́том, заново переживая нападение, и Тереза похлопывала его по спине и шептала, что он в безопасности, дома, в постели, и что все будет хорошо.

Пройдя половину коридора, они остановились возле дверей без таблички. Маркус вытащил карточку-ключ, и двери открылись.

Итан шагнул в маленькую кабину лифта. Его провожатый вставил ключ в пластиковую панель и, когда единственная кнопка начала мигать, нажал ее.

Лифт шел плавно.

У Итана всегда во время езды закладывало уши, но он не мог сказать, вверх они едут или вниз.

Ему до смерти надоело, что даже спустя две недели его все еще сопровождают по этому месту, как будто он ребенок или угроза.

Две недели.

Господи…

А казалось, только вчера он сидел за столом напротив Адама Хасслера, специального агента местного отделения в Сиэтле, получая назначение явиться в этот город и найти свою бывшую напарницу, Кейт Хьюсон, которая здесь пропала. Но Итан больше не был агентом Секретной службы. Он все еще не до конца смирился с этим фактом.

Он понял, что они остановились, лишь потому, что дверцы открылись.

Первое, что увидел Итан, выйдя из кабины, – картину Пикассо, причем он подозревал, что это оригинал.

Они пересекли шикарный вестибюль. Здесь не было никаких флуоресцирующих светильников и клетчатого линолеума. Сплошной мраморный кафель и настенные бра высшего качества. Карнизы. Даже воздух здесь был лучше – ни следа того законсервированного, спертого компонента, который чувствовался в остальном комплексе.

Они миновали пустую гостиную.

Громадную, как кафедральный собор, кухню.

Библиотеку, в которой вдоль стен стояли тома в кожаных обложках, пахнущие седой стариной.

И, завернув за угол, добрались-таки до двойных дубовых дверей в конце коридора.

Маркус дважды постучал, и голос из-за дверей ответил:

– Войдите!

– Вперед, мистер Бёрк.

Итан открыл двери и шагнул во внушительный офис.

Пол был из темного экзотического твердого дерева с очень ярким блеском. В центре комнаты стоял большой стол, на котором под стеклом красовался миниатюрный макет Заплутавших Сосен – скрупулезно выполненный, вплоть до цвета дома Итана.

Стену по левую руку украшали картины Винсента Ван Гога. Противоположная стена от пола до потолка вся была увешана мониторами с плоским экраном: девять мониторов в высоту, двадцать четыре в ширину. Кожаные диваны стояли напротив экранов, которые показывали в реальном времени двести шестьдесят изображений Заплутавших Сосен – улицы, спальни, ванные комнаты, кухни, задние дворы.

Каждый раз, когда Итан видел эти экраны, ему приходилось бороться с почти непреодолимым желанием оторвать кое-кому голову. Он понимал, зачем это сделано, полностью понимал, и все равно…

– Какая ярость, – сказал человек за столом из красного дерева, украшенного искусной резьбой. – Вы вспыхиваете яростью каждый раз, как являетесь повидаться со мною.

Итан пожал плечами.

– Вы подглядываете за личной жизнью людей. Это просто естественная реакция.

– Вы полагаете, в нашем городе должно существовать уединение?

– Конечно, нет.

Бёрк двинулся к гигантскому столу, и двери за ним закрылись. Он сунул свой стетсон под правую руку и опустился в одно из кресел.

И уставился на Дэвида Пилчера.

Именно Пилчер, изобретатель-миллиардер (он был миллиардером в то время, когда деньги еще что-то значили), стоял за Заплутавшими Соснами, за этим комплексом, расположенным внутри *горы.* В 1971 году Пилчер обнаружил, что человеческий геном деградирует, и предсказал, что человечество прекратит свое существование в течение жизни тридцати-сорока поколений. Поэтому он построил эту суперструктуру для консервации – чтобы сохранить некоторое количество безупречных человеческих экземпляров, прежде чем искажение генома достигнет критической массы. Узкий круг его приверженцев насчитывал сто шестьдесят человек. В придачу Пилчер был в ответе за похищение шестисот пятидесяти человек. И всех этих людей, включая себя самого, он подверг процедуре консервации.

Предсказание Пилчера сбылось. В этот самый миг за пределами защищенной током ограды, окружавшей Заплутавшие Сосны, жили сотни миллионов существ, в которых превратились люди… Сотни миллионов отклонений от нормы, *аберраций*.

Однако внешность Пилчера не соответствовала заслуженной им репутации. Физически он был безобидным человеком. Пять футов пять дюймов, включая каблуки. Безволосый, если не считать еле заметной серебристой щетины, желтоватее зимних облаков. Он наблюдал за Итаном крошечными глазками, настолько же черными, насколько непроницаемыми.

Пилчер толкнул через обтянутый кожей стол папку-скоросшиватель.

– Что это? – спросил Бёрк.

– Отчет, основанный на наблюдениях.

Итан открыл папку. В ней был черно-белый скриншот человека, которого он узнал. Питер Маккол. Главный редактор городской газеты «Свет Заплутавших Сосен». На фотографии Маккол лежал на боку на кровати, глядя пустыми глазами в никуда.

– Что он сделал? – спросил Итан.

– Ну… ничего. В том-то вся и проблема. Питер последние два дня не показывался на работе.

– Может, он болен?

– Он не сообщал о том, что заболел, и у Теда, моего главного специалиста-наблюдателя, странные предчувствия.

– Что, Маккол может задумывать побег?

– Возможно. Или собирается выкинуть что-нибудь безрассудное.

– Я помню его личное дело, – сказал Итан. – Не припоминаю, чтобы у него были серьезные проблемы с интеграцией. И впоследствии – никакого своеволия. Он говорил что-нибудь настораживающее?

– Маккол не произнес ни слова за последние сорок восемь часов. Не разговаривал даже со своими детьми.

– И каких именно действий вы от меня ждете?

– Приглядывайте за ним. Загляните к нему, поздоровайтесь. Не надо преуменьшать значение эффекта, которое может оказать ваше присутствие.

– Вы не рассматриваете возможность «красного дня»?

– Нет. «Красные дни» припасены для тех, кто совершает открытые акты предательства и пытается сманить с собой других. Вы не но́сите на боку оружие.

– Думаю, люди неправильно это воспримут.

Пилчер улыбнулся, продемонстрировав полный рот мелких белых зубов.

– Я ценю вашу заинтересованность в том, как именно воспримут люди моего единственного представителя власти в городе. Я не шучу. И как вы хотите, чтобы вас воспринимали, Итан?

– Я хочу, чтобы люди знали, что я здесь для того, чтобы им помочь. Поддержать. Защитить.

– Но на самом деле вы не помогаете, не поддерживаете и не защищаете. Я выражался недостаточно ясно – это моя вина. Ваше присутствие – напоминание о *моем* присутствии.

– Понял.

– Итак, когда в следующий раз я замечу на одном из моих экранов, как вы шагаете по улице, могу я ожидать увидеть у вас на бедре самый большой и самый крутой пистолет?

– Непременно.

– Великолепно.

Итан чувствовал, что сердце его с неистовой силой колотится о ребра.

– Пожалуйста, не воспринимайте этот маленький упрек как мое главное впечатление от вашей работы, Итан. Думаю, вы замечательно вжились в новую роль. Вы согласны?

Итан посмотрел через плечо Пилчера. Стена за столом была из цельной скалы. В центре ее в камне было прорублено окно, через которое открывался вид на горы, на каньон и на Заплутавшие Сосны в двух тысячах футов внизу.

– Думаю, я осваиваюсь на этой работе, – сказал Бёрк.

– Вы тщательно изучаете личные дела жителей города?

– Я уже все их изучил.

– Ваш предшественник, мистер Поуп, вызубрил их наизусть.

– Я к этому иду.

– Рад слышать. Но вы не изучали их нынче утром, верно?

– Вы наблюдали за мной?

– Не то чтобы наблюдал. Но ваш офис несколько раз появлялся на мониторах. Что вы там читали? Я не смог разобрать.

– «И восходит солнце».

– А! Хемингуэй. Один из моих любимых авторов. Знаете, я все еще верю, что здесь будут созданы великие произведения искусства. Я захватил с собой нашего пианиста, Гектора Гайтера, именно по этой причине. В консервации у меня есть и другие прославленные романисты и художники. Поэты. И мы всегда высматриваем таланты, чтобы воспитать их в школе. Бен отлично успевает в своем художественном классе.

Итан внутренне ощетинился, когда Пилчер упомянул его сына, но сказал лишь:

– Жители Сосен не в том умонастроении, чтобы заниматься искусством.

– Что вы имеете в виду, Итан?

Пилчер спросил это таким тоном, каким мог бы спросить врач, – тоном интеллектуальной любознательности, не агрессии.

– Они живут под непрерывным наблюдением. Они знают, что никогда не смогут отсюда уехать. Какое же произведение искусства может создать общество, находящееся под таким давлением?

Пилчер улыбнулся.

– Итан, как послушаешь вас, так начинаешь задаваться вопросом – и вправду ли вы полностью на моей стороне. И вправду ли верите в наше дело.

– Конечно, верю.

– Конечно, верите. Сегодня на мой стол лег доклад одного из моих Кочевников[5], только что вернувшегося из двухнедельной экспедиции. Он видел стаю аберов в две тысячи голов всего в двадцати милях от центра Заплутавших Сосен. Они двигались через равнину к востоку от гор, преследуя стадо бизонов. Каждый день мне напоминают, как беззащитны мы в этой долине. Насколько шаткое и хрупкое наше существование здесь. А вы сидите и смотрите на меня так, как будто я управляю ГДР или красными кхмерами. Вам все это не нравится. Я могу это уважать. Дьявол, хотел бы я, чтобы все могло быть по-другому… Но для того, что я делаю, есть свои причины, и причины эти основываются на сохранении жизни. Жизни нашего вида.

– Причины всегда есть, разве не так?

– Вы совестливый человек, и я это ценю, – сказал Пилчер. – Я бы не назначил на пост имеющего власть того, у кого нет совести. Все мои ресурсы, все до единого служащие мне люди подчинены лишь одному: чтобы четыреста шестьдесят один человек в этой долине – в том числе ваша жена и ваш сын – были в безопасности.

– А как насчет правды? – спросил Итан.

– При некоторых условиях безопасность и правда – естественные враги. Я-то думал, что бывший служащий федерального правительства в состоянии уловить эту концепцию.

Итан взглянул на мониторы на стене. На одном из них в нижнем левом углу появилась его жена. Она сидела в одиночестве в своем офисе на Главной улице.

Неподвижная.

Скучающая.

На соседнем экране транслировалось то, чего Итан никогда раньше не видел, – вид с высоты птичьего полета, как будто камера с порядочной скоростью летела в сотне футов над густым лесом.

– Что передает эта камера? – спросил Итан, показав на стену.

– Которая?

Изображение сменилось интерьером театра.

– Уже не передает, но было похоже, что кто-то летит над верхушками деревьев.

– А, это просто один из моих БПЛА.

– БПЛА?

– Беспилотных летательных аппаратов. Это MQ-9 «Рипер». Мы время от времени посылаем их на разведку. Радиус их действия равен примерно тысяче миль. Сегодня он летал на юг, чтобы сделать круг над Большим Соленым озером.

– И они что-нибудь обнаруживали?

– Пока нет. Послушайте, Итан. Я не требую, чтобы вам все это нравилось. Мне самому это не нравится.

– Куда мы движемся? – спросил Итан, когда изображение его жены сменилось изображением двух мальчиков, строящих в песочнице замки. – Я имею в виду – как биологический вид.

Он снова впился взглядом в Пилчера.

– Я понимаю, чем вы тут занимаетесь. Вы помогаете нам просуществовать куда дольше, чем было задумано эволюцией. И только ли ради *этого*? Чтобы маленькая группа людей могла жить в долине под круглосуточным наблюдением? Защищенная от правды? Вынужденная время от времени убивать одного из своих сородичей? Это не жизнь, Дэвид. Это тюремный приговор. И вы превратили меня в надзирателя. Я хочу, чтобы у этих людей было нечто лучшее. У моей семьи.

Пилчер откатился в кресле от стола, развернулся и уставился сквозь стекло на город, который создал.

– Мы здесь четырнадцать лет, Итан. Нас меньше тысячи, а их – сотни миллионов. Иногда лучшее, что можно сделать, – это просто выживать.

*** * ***

Замаскированная дверь тоннеля закрылась за ним. Итан стоял один в лесу.

Он двинулся обратно в чащу, оставив позади скалу.

Солнце уже скрылось за западной стеной утесов.

Бодрящее золотистое сияние небес.

Холодок надвигающейся ночи.

Дорога, ведущая в Сосны, была пуста, и Итан пошел посередине, по двойной сплошной.

*** * ***

Он жил в доме номер 1040 по Шестой улице – викторианском доме всего в нескольких кварталах от Главной. Желтом с белыми украшениями. Славном и скрипучем. Итан прошел по выложенной плитами дорожке и поднялся на крыльцо.

Открыл дверь из прочного дерева с сеткой от насекомых.

Шагнул через порог.

Сказал:

– Милая, я дома!

Ответа не последовало. Лишь молчаливая, сжатая энергия пустого дома.

Бёрк нахлобучил на вешалку свою ковбойскую шляпу и уселся в кресло со спинкой из перекладин, чтобы стащить сапоги.

В одних носках он прошел в кухню. Ага, есть молоко. Четыре стеклянные бутылки звякнули друг о друга, когда Итан открыл дверцу холодильника. Он схватил одну бутылку и отнес ее в рабочий кабинет, свою любимую комнату. Сидя в громадном кресле у окна, он мог наслаждаться сознанием того, что за ним не наблюдают.

В большинстве зданий в Соснах имелись одна-две «мертвые зоны». Во время своей третьей поездки в суперструктуру Итан заполучил схему наблюдения за собственным домом. Запомнил местонахождение каждой камеры. Он спросил у Пилчера, нельзя ли убрать эти камеры, – и получил отказ. Пилчер хотел, чтобы Итан сполна мог испытать, что такое жить под наблюдением, чтобы тот сроднился с людьми, которыми управлял.

Осознание того, что в данный момент никто не может его увидеть, утешало. Конечно, его точное местонахождение в каждую минуту было известно благодаря микрочипу, вживленному под кожу в задней части бедра. Итан слишком хорошо понимал ситуацию, чтобы спрашивать, нельзя ли в порядке исключения избавить его от этой меры безопасности.

Бёрк открыл бутылку и сделал глоток. Он никогда бы не сказал об этом Терезе (ведь их подслушивали), но часто думал, что на фоне всех трудностей, сопровождающих их жизнь в Соснах – никакого уединения, никакой свободы, вечная угроза смерти, – это ежедневное молоко из молочной фермы в южном уголке долины было одним из светлых пятен. Оно было холодным, жирным и свежим, со сладким травянистым привкусом.

Из окна был виден задний двор соседнего дома. Дженнифер Рочестер стояла на коленях, склонившись над приподнятой клумбой, зачерпывая пригоршни земли из красной тачки. Не успев вовремя оборвать свои мысли, Итан вспомнил ее личное дело. В прошлой жизни она была профессором культуры в университете штата Вашингтон. Здесь, в Соснах, Дженнифер четыре вечера в неделю работала официанткой в «Биргартен». Если не считать тяжелой интеграции, которая чуть было вовсе не состоялась, она являлась образцовой жительницей города…

Стоп.

Он не хотел размышлять о работе, о деталях личной жизни своих соседей.

Что они должны думать о нем в глубине души?

Он содрогнулся, подумав о своей жизни.

Время от времени на него накатывали такие моменты отчаяния. Выхода отсюда не было, и он не мог стать другим человеком, если хотел, чтобы семья его оставалась в безопасности. Это ему дали понять предельно ясно.

Итан знал, что, наверное, должен прочесть отчет насчет Маккола, но вместо этого открыл выдвижной ящик стола, возле которого сидел, и вынул сборник стихов.

Роберт Фрост. Короткий сборник стихов о природе.

Хотя Хемингуэй нынче утром поразил Итана, именно у Фроста он всегда находил утешение.

Он читал час. О починке стен, заснеженных лесах и неизбранных путях[6].

Небо потемнело.

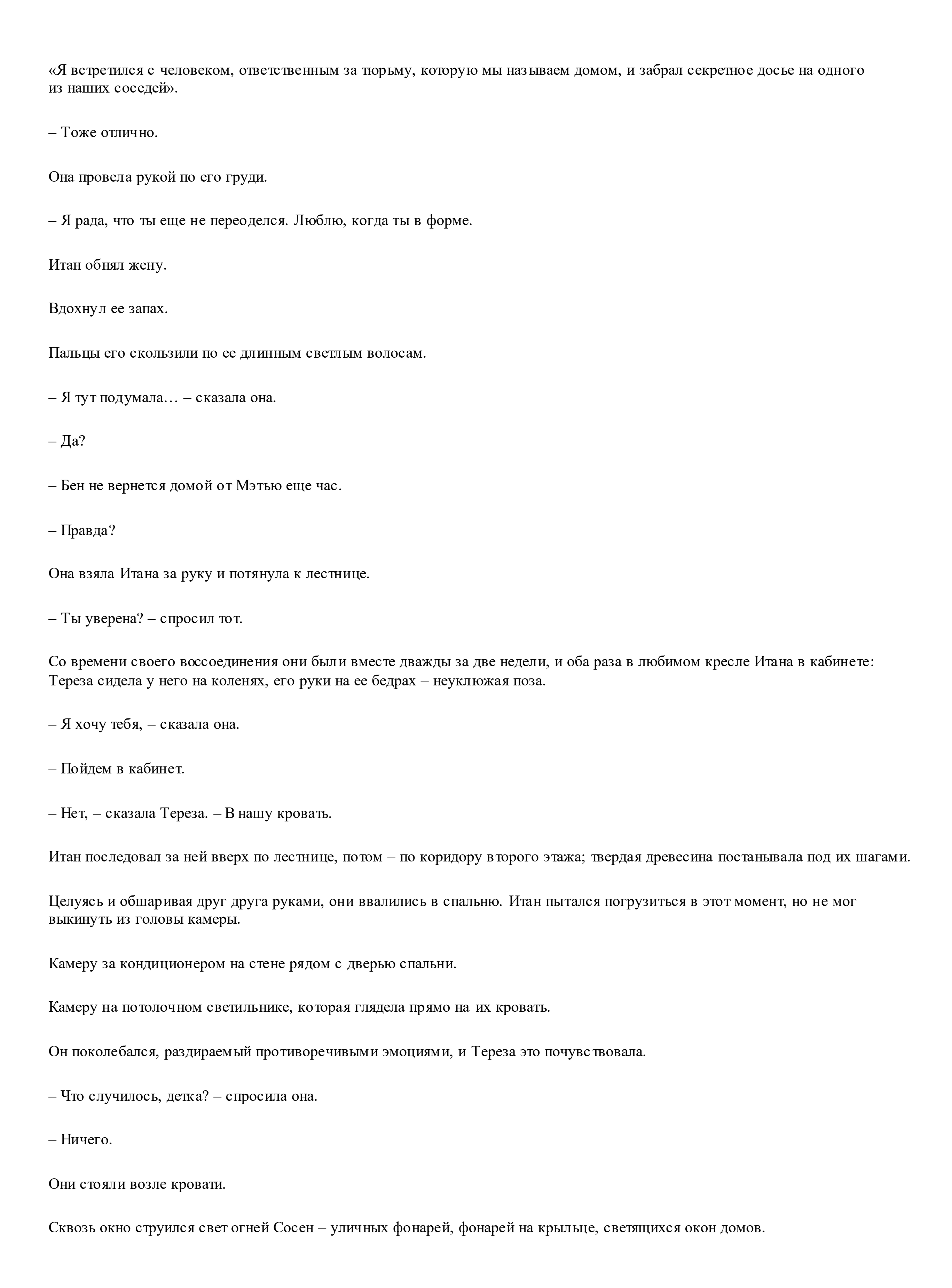
На крыльце послышались шаги жены.

Итан встретил ее у дверей.

– Как прошел день? – спросил он.

Глаза Терезы как будто шептали: «Я сидела за столом восемь часов на бессмысленной работе и не разговаривала ни с одной живой душой», – но она выдавила улыбку и сказала:

– Отлично. А как прошел твой?

«Я встретился с человеком, ответственным за тюрьму, которую мы называем домом, и забрал секретное досье на одного из наших соседей».

– Тоже отлично.

Она провела рукой по его груди.

– Я рада, что ты еще не переоделся. Люблю, когда ты в форме.

Итан обнял жену.

Вдохнул ее запах.

Пальцы его скользили по ее длинным светлым волосам.

– Я тут подумала… – сказала она.

– Да?

– Бен не вернется домой от Мэтью еще час.

– Правда?

Она взяла Итана за руку и потянула к лестнице.

– Ты уверена? – спросил тот.

Со времени своего воссоединения они были вместе дважды за две недели, и оба раза в любимом кресле Итана в кабинете: Тереза сидела у него на коленях, его руки на ее бедрах – неуклюжая поза.

– Я хочу тебя, – сказала она.

– Пойдем в кабинет.

– Нет, – сказала Тереза. – В нашу кровать.

Итан последовал за ней вверх по лестнице, потом – по коридору второго этажа; твердая древесина постанывала под их шагами.

Целуясь и обшаривая друг друга руками, они ввалились в спальню. Итан пытался погрузиться в этот момент, но не мог выкинуть из головы камеры.

Камеру за кондиционером на стене рядом с дверью спальни.

Камеру на потолочном светильнике, которая глядела прямо на их кровать.

Он поколебался, раздираемый противоречивыми эмоциями, и Тереза это почувствовала.

– Что случилось, детка? – спросила она.

– Ничего.

Они стояли возле кровати.

Сквозь окно струился свет огней Сосен – уличных фонарей, фонарей на крыльце, светящихся окон домов.

Запел сверчок, чирикающий звук лился в открытое окно.

Звук – квинтэссенция мирной ночи.

Только все это было не взаправду. Сверчков больше не существовало. Чириканье доносилось из крошечного динамика, спрятанного в кустах. Итан гадал – знает ли об этом его жена. Гадал, о скольком она подозревает.

– Ты хочешь меня? – спросила Тереза не терпящим увиливаний тоном, на который Итан запал тогда, когда они впервые встретились.

– Конечно, хочу.

– Ну так сделай что-нибудь!

Итан не торопясь расстегнул на спине ее белое летнее платье. В последнее время ему жестоко недоставало практики, но было нечто изумительно потрясающее в том, что он почти разучился это делать. Конечно, все было не так, как в его школьные годы, но похоже. Недостаток контроля, который заставил его затвердеть еще до того, как они добрались до комнаты.

Он попытался натянуть на них покрывала, но Тереза не позволила, сказав, что хочет чувствовать на коже прохладный ветерок, проникающий в окно на другом конце комнаты.

Хорошая старомодная кровать, как и все остальное в доме, дьявольски скрипела.

Матрасные пружины тоже скрипели, и, когда Тереза застонала, Итан попытался выбросить из головы осознание того, что над ними установлена камера. Пилчер заверил, что наблюдать за супружескими парами во время личных моментов строго запрещено. Что передачи с камер всегда прекращаются, как только снимается одежда.

Но Итан сомневался, что так оно и есть.

И что какой-нибудь специалист-наблюдатель не наблюдает, как он трахает свою жену. Не изучает голую задницу Итана. Изгиб бедер Терезы, когда она обхватывает ногами его тело.

В два предыдущих раза, когда они были вместе, Итан кончал раньше Терезы. Теперь же сама мысль о камере наверху вреза́лась в его удовольствие. Он использовал свой гнев, чтобы заставить себя помедлить.

Тереза кончила с неистовством, которое напомнило Итану о том, как хороши они могли быть вместе.

Он позволил себе кончить, и они затихли, задыхаясь. Итан чувствовал, как сердце жены бешено колотится у его груди. Вечерний воздух, касаясь потной кожи, был почти холодным. Это мог бы быть идеальный момент, но все, о чем он знал, пихало его локтем под ребра. Настанет ли однажды тот миг, когда он сможет от всего отмахнуться? Просто принимать эти неожиданные мирные передышки с их поверхностной красотой, забывая про скрытый ужас? Именно так люди ухитрялись здесь жить годы и годы, не теряя при этом рассудка…

– Что ж, мы все еще не разучились это делать, – сказал Итан, и они засмеялись.

– В следующий раз снимем страховочные колеса, – отозвалась Тереза.

– Это мне по душе.

Итан перевернулся, и Тереза умостилась рядом с ним.

Он убедился, что глаза ее закрыты. Потом улыбнулся прямо в потолок и показал ему средний палец.

*** * ***

Итан и Тереза вместе состряпали ужин, стоя бок о бок возле стола из толстого дерева и нарезая овощи. В общинных садах было время жатвы, конец сезона, и холодильник Бёрков ломился от причитавшейся им доли свежих овощей и фруктов. В эти месяцы все в Заплутавших Соснах наверняка объедались, как никогда в году. Как только листья обжигал мороз и линия снегов начинала быстро приближаться ко дну долины, меню делало катастрофический поворот к еде, заготовленной впрок.

Они могли предвкушать шесть месяцев – с октября по март – расфасованного, обезвоженного дерьма. Тереза уже предупредила Итана, что прогулка через городской гастрономический магазин в декабре смахивает на покупки для космического полета – ничего, кроме бесконечных полок с желтоватыми пакетами с самыми возмутительными и вызывающими этикетками: «Крем-брюле», «Тост с сыром», «Филе-миньон», «Шейка омара». Она уже грозилась подать ему замороженный стейк и замороженного лобстера на рождественский обед.

Едва они закончили готовить щедрую порцию салата – лук, редис и малина под шпинатом и красным латуком, – как в переднюю дверь ворвался Бен, краснощекий, пахнущий мальчишеским по́том и улицей. Все еще пойманный в непрочном мгновении между мальчиком и мужчиной.

Тереза подошла к сыну, поцеловала его и спросила, как он провел день.

Итан повернулся к старомодному «Филипсу» – ламповому радиоприемнику, безупречно сохранившемуся с 1950-х; Пилчер почему-то поставил такие радиоприемники в каждом жилом доме.

Поскольку существовала лишь одна станция, было легко выбрать, что именно слушать. По большей части раздавались лишь оглушительные звуки помех, но передавалась и пара ток-шоу, а между семью и восемью часами вечера всегда транслировался «Ужин с Гектором».

Гектор Гайтер в прошлой жизни был довольно известным концертным пианистом. В Соснах он давал уроки всем, кто хотел учиться, и всю неделю каждый вечер играл музыку для горожан.

Итан прибавил звук и услышал голос Гектора, присоединившегося к его семье:

– Добрый вечер, Заплутавшие Сосны. С вами Гектор Гайтер.

Сидя во главе стола, Итан положил каждому по порции салата.

– Я сижу за своим «Стейнвеем», роскошным бостонским кабинетным роялем…

Сперва – жене.

– …Сегодня вечером я буду играть «Вариации Гольдберга» – произведение для клавесина, написанное Иоганном Себастьяном Бахом…

Потом – сыну.

– …Эта пьеса состоит из арии, за которой следуют тридцать вариаций. Пожалуйста, наслаждайтесь…

Когда Итан положил салат себе и сел, из динамика раздался скрип стула музыканта.

* * *

После обеда Бёрки вынесли на крыльцо чашки с домашним мороженым.

Уселись в кресла-качалки.

Ели и слушали.

Итан слышал, как через открытые окна соседних домов доносится музыка Гектора. Она наполняла долину. Точные, лучистые ноты вскипали между склонами гор, начинавшими краснеть от розовых отблесков закатного солнца.

Итан и его семья допоздна засиделись на улице.

Уже целую вечность не существовало загрязнения атмосферы и отблесков уличной рекламы, поэтому небо стало чернильно-черным.

Звезды теперь не просто не появлялись.

Они взрывались.

Алмазы на черном бархате.

От них нельзя было отвести взгляд.

Итан взял Терезу за руку.

Бах и галактики.

Вечер становился прохладным.

Когда Гектор закончил играть, люди в домах зааплодировали. На другой стороне улицы кто-то закричал:

– Браво! Браво!

Итан посмотрел на Терезу. Глаза у нее были влажными.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она кивнула, вытирая лицо.

– Я просто так рада, что ты дома.

* * *

Итан закончил мыть посуду и двинулся вверх по лестнице. Комната Бена находилась в дальнем конце коридора, и дверь ее была закрыта – под ней виднелась лишь бритвенно-тонкая полоска света.

Итан постучал.

– Войдите.

Бен сидел на кровати и рисовал углем на пергаментной бумаге.

Бёрк сел на застеленную стеганым одеялом кровать и спросил:

– Можно взглянуть?

Бен поднял руки.

Набросок изображал комнату – вид на нее с того места, где сидел мальчик: стена, стол, оконная рама, точки света снаружи, виднеющиеся сквозь стекло.

– Потрясающе, – сказал Итан.

– Получилось не совсем так, как я задумывал. Ночь через окно не совсем похожа на ночь.

– Уверен, все получится… Эй, сегодня я принес из кафе книгу.

Бен встрепенулся.

– Какую?

– Называется «Хоббит».

– Никогда о такой не слышал.

– Когда я был твоего возраста, эта книга была одной из моих любимых. Я подумал – не почитать ли ее тебе.

– Я сам умею читать, папа.

– Знаю. Но я не читал ее много лет. Может быть здорово почитать ее вместе.

– Она страшная?

– В ней есть и страшные места. Иди почисти зубы – и быстренько назад.

*** * ***

Итан сидел, прислонившись к изголовью кровати, и читал при свете лампы на прикроватном столике.

Бен заснул еще до конца первой главы, и Итан надеялся, что ему снятся темницы глубокие и пещеры древние. Или еще что-нибудь – только не Заплутавшие Сосны…

Он отложил книгу в бумажной обложке и выключил лампу.

Натянул одеяло на плечи сына.

Положил ладонь на спину Бена.

Нет ничего лучше в целом мире, чем ощущать, как поднимается и опускается тело твоего ребенка, когда он дышит во сне.

Итан все еще не смирился с тем, что его сын растет и взрослеет в Заплутавших Соснах. И сомневался, что когда-нибудь с этим смирится.

Он пытался убедить себя, что кое в чем тут даже лучше. Взять хотя бы нынешний вечер. Если бы Бен рос в прежнем мире, Итан, войдя в спальню сына, наверное, обнаружил бы, что тот прилип к айфону. Рассылая послания друзьям. Играя в видеоигры. Сидя в «Твиттере» и «Фейсбуке».

Итан не скучал по таким вещам. Не хотел, чтобы его сын рос в мире, где люди день-деньской пялятся в экраны. Где общение развилось до такой степени, что оказалось ограничено крошечными буквами, где человечество по большей части существовало ради прилива эндорфина из-за сигнала поступившей эсэмэски или нового сообщения по электронной почте.

Вместо этого он обнаружил, что его почти уже ставший подростком сын проводит время перед сном, набрасывая рисунок. Из-за этого трудно огорчаться.

Но в будущем это ляжет на сердце Итана камнем, черным грузом депрессии.

Что ожидало Бена после?

У него не будет высшего образования. Не будет настоящей карьеры.

Прошли те дни, когда…

«Ты можешь быть любым, кем пожелаешь быть.

Любым, кем задумаешь стать.

Просто следуй своему сердцу и своим мечтам».

Золотой век банальностей исчезнувших рас.

В Заплутавших Соснах, когда люди терпели неудачу в самостоятельных попытках найти себе пару, браки часто *предлагались*. А если даже не предлагались, круг потенциальных супругов был не так уж широк.

Бен никогда не увидит Парижа.

Или Йеллоустона.

Может, он никогда не влюбится.

Он никогда не испытает, что это такое – уехать в колледж.

Или в свадебное путешествие.

Или без остановки проехать через всю страну, экспромтом, просто потому что ему двадцать два года и он может это сделать.

Итан ненавидел надзор, аберов и иллюзию, культивировавшуюся в Соснах.

Но то, что не давало ему уснуть полночь за полночью, заставляя его мысли нестись вскачь, – это раздумья о сыне. Бен прожил в Соснах пять лет, почти столько же, сколько прожил в прежнем мире. Хотя Итан подозревал, что взрослые обитатели Сосен каждый день боролись с воспоминаниями о своей прошлой жизни, Бен во многом был продуктом этого города, этого странного нового времени. Даже Итан не был посвящен в то, чему его сына учат в школе.

Пилчер все время держал на территории школы двоих своих людей, одетых в штатское, а родителям входить в школу не позволялось.

* * *

3:30 ночи.

Итан лежал в постели и бодрствовал, обнимая жену.

Сна не было ни в одном глазу.

Он чувствовал, как ресницы Терезы при каждом моргании царапают его грудь.

«О чем ты думаешь?»

Вопрос этот и раньше сопровождал их брак, но в Соснах приобрел не свойственную ему доселе важность. За те четырнадцать дней, что они провели вместе, Тереза ни разу не разбила поверхность иллюзии. Конечно, она радовалась возвращению Итана домой. Состоялось омытое слезами воссоединение, но пять лет, проведенные в Соснах, превратили ее в холодного, как лед, профессионала. Не было никаких разговоров ни о том, где побывал Итан, ни о его буйной интеграции. Никаких упоминаний или дискуссий о странных событиях, сопутствовавших его назначению на должность шерифа, или о том, что он теперь мог знать. Иногда Итану казалось, будто он уловил, как в глазах Терезы что-то мелькнуло – признание того, в какой ситуации они оказались, подавленное желание поговорить на запрещенные темы. Но, как хорошая актриса, она никогда не выходила из своей роли. И Итан все больше и больше начинал осознавать, что жить в Соснах – это все равно что жить в сложной пьесе, занавес в которой никогда не опускается.

У всех тут были свои роли.

Шекспир вполне мог написать это и о Соснах:

Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.[7]

Итан и сам уже сыграл несколько ролей.

Внизу зазвонил телефон.

Тереза села, как подброшенная пружиной: вся внимание, никакой сонливости, лицо ее напряглось от страха.

– Это звонят всем? – спросила она голосом, полным ужаса.

Итан вылез из постели.

– Нет, милая. Спи. Это только наш телефон. Это просто мне звонят.

*** * ***

Итан взял трубку на шестом звонке, стоя в «боксерах» в гостиной, зажав дисковый телефон между плечом и ухом.

– Я на мгновение засомневался – ответите ли вы.

Голос Пилчера. Раньше он никогда не звонил Итану домой.

– Вы знаете, который час? – спросил Бёрк.

– Ужасно сожалею, что разбудил. Вы успели прочитать рапорт о наблюдении за Питером Макколом?

– Да, – солгал Итан.

– Но не отправились поговорить с ним, как я предлагал?

– Я собирался заняться этим завтра с самого утра.

– Не беспокойтесь. Этой ночью он решил нас покинуть.

– Его нет дома?

– Да.

– Так может, он вышел прогуляться.

– Тридцать секунд назад его сигнал добрался до поворота дороги у конца города и продолжает двигаться прямо на юг.

– Что вы хотите, чтобы я предпринял?

На другом конце линии наступило недолгое молчание. Итан каким-то образом почувствовал недовольство, окатывающее его, словно жар от электрообогревателя.

Пилчер сказал ровным голосом:

– Остановите его. И образумьте.

– Но я не знаю, каких именно слов вы от меня ждете. Что я должен ему сказать?

– Я понимаю, что это ваш первый беглец. Не беспокойтесь о том, что именно надо сказать. Просто доверьтесь своему чутью. Я буду слушать.

Слушать?

В ухо Итана заверещал сигнал отбоя.

*** * ***

Он прокрался наверх и оделся в темноте. Тереза все еще не спала, сидя на кровати и наблюдая, как он продевает в петли ремень.

– Все в порядке, милый? – спросила она.

– В полном, – ответил Итан. – Звонили по работе.

«Да, я просто должен помешать одному из соседей покинуть посреди ночи этот маленький райский уголок. Ничего страшного. Ничего странного».

Итан подошел и поцеловал жену в лоб.

– Я вернусь, как только смогу. Надеюсь, еще до утра.

Она ничего не сказала, только схватила его за руку и сжала так сильно, что сдвинулись кости.

*** * ***

Ночь в Заплутавших Соснах.

Неподвижная страна чудес.

Сверчки выключились.

Было так тихо, что Итан слышал, как гудят уличные фонари.

Как тяжело бьется его «биологический двигатель»…

Он дошел до бордюра и забрался в черный «Форд Бронко» со святящейся полосой на крыше и с водостойкой эмблемой на дверцах – точно такой же, как та, что была выгравирована на его шерифской звезде.

Мотор взревел.

Итан включил передачу.

Он попытался осторожно выехать на улицу, но шестицилиндровый двигатель был с расточенными цилиндрами и ревел, как дьявол. Такой шум, без сомнения, перебудит людей.

Машины редко ездили в Заплутавших Соснах – город можно было пересечь пешком за пятнадцать минут.

И никогда машины не ездили по Соснам ночью.

У них было чисто декоративное назначение, и все, чей сон потревожил рев «Бронко» Итана, поймут: что-то пошло не так.

Он свернул на Главную и поехал на юг. Миновав больницу, включил дальний свет и вдавил педаль газа в пол, все быстрее летя по узкому коридору меж высоких сосен. Опустив стекло, впустил в машину холодный лесной воздух. Он ехал посередине дороги – покрышки оседлали двойную сплошную, – воображая, что впереди нет никакого поворота, что вскоре дорога начнет идти вверх.

Прочь из долины, прочь из этого города, вдаль.

Он протянул бы руку, включил радио и перебирал бы станции до тех пор, пока не нашел ту, которая передает старые песни. Трехчасовая поездка – и он бы вернулся в Бойсе. Ничто не сравнится с автомобильной поездкой ночью, когда окна открыты и громко играет хорошая музыка.

На ускользающую долю секунды он почувствовал, что живет в мире, где полным-полно ему подобных. Ночной пейзаж, озаренный сиянием огромных городов. Отдаленный шум межштатной магистрали и самолеты, с ревом уходящие в стратосферу.

Ощущение того, что он не так чертовски одинок.

Конец их виду, конец человечеству.

Стрелка спидометра качнулась к отметке «70»[8], двигатель ревел.

Он уже пронесся мимо знака, предупреждавшего, что впереди крутой поворот.

Итан нажал на тормоз. «Бронко», скользя, остановился на самом изгибе поворота, и Бёрка швырнуло вперед. Он остановил машину на обочине, заглушил двигатель и принялся вылезать.

Подошвы его сапог царапнули по мостовой.

На мгновение он поколебался с открытой дверцей, глядя на «Винчестер ‘97», лежащий на оружейной подставке над сиденьями. Ему не хотелось брать оружие, поскольку Маккол мог неправильно его понять. Но не хотелось и оставлять ружье, потому что в лесу было темно и страшно, а мир, с которым они граничили, был невообразимо враждебным. Насколько Итан знал, в ограде еще никогда не проделывали брешей, но все когда-нибудь случается в первый раз, и находиться безоружным посреди ночи в этих лесах было все равно что бросать вызов Закону Мерфи[9].

Откинувшись назад, он открыл центральную консоль и набил полные карманы патронов. Потом снял с подставки ружье двенадцатого калибра. Это был помповый дробовик с ложем из ореха, с коротким пятнадцатидюймовым дулом. Итан вставил в него пять патронов, дослал один в патронник и наполовину взвел курок – на этом допотопном оружии то была мера предосторожности, самая близкая к тому, чтобы поставить на предохранитель.

Положив дробовик поперек плеч и закинув руки на дуло и на приклад, Итан сошел с обочины и двинулся в лес.

Здесь было холоднее, чем в городе.

Одеяло тумана в ярд толщиной колыхалось над лесной подстилкой. Луна еще не показалась из-за гряды утесов, и под деревьями было достаточно темно, чтобы включить фонарик. Итан так и сделал, углубляясь в лес, пытаясь держаться как можно более прямой траектории, чтобы потом можно было найти путь обратно, на дорогу.

Сперва он услышал гудение электричества, прорезающее туман, как протяжная басовая нота, и только потом увидел *это*. Вдалеке появились очертания ограды.

Неприступного бастиона, тянущегося через леса.

Подойдя ближе, Итан стал различать детали.

Стальные опоры в двадцать пять футов высотой стояли на расстоянии семидесяти пяти футов друг от друга. Между ними тянулись провода, через каждые десять футов разделенные распорками. Кабели в дюйм толщиной, утыканные шипами и обмотанные колючей проволокой…

В узком кругу людей Пилчера шли непрекращающиеся дебаты насчет того, останется ли забор неприступным даже при потере напряжения – сумеют ли удержать аберов только высота препятствия и колючая проволока. Итан решил, что немногое может помешать нескольким тысячам голодных аберов прорваться через ограду, если они того захотят, под током она или не под током.

Он остановился в пяти шагах от проволоки. Отломив две низко нависающие ветки, пометил это место крестиком. И двинулся на восток, параллельно изгороди.

Через четверть мили он остановился и прислушался.

Раздавался непрерывный негромкий шум.

Его собственное дыхание.

А еще он услышал, как кто-то движется через лес по другую сторону забора.

Звуки шагов по опавшим сосновым иглам.

Время от времени – треск сломавшейся ветки.

Олень?

Абер?

– Шериф?

Этот голос заставил Итана выпрямиться так, будто через него пропустили электроток; он сбросил дробовик с плеч и направил дуло на Питера Маккола.

Мужчина в темной одежде и черной бейсболке стоял в десяти футах от него рядом со стволом гигантской сосны, закинув за плечо небольшой рюкзак. К рюкзаку были привешены две пластиковые бутылки из-под молока – вода плеснулась в них, когда он шагнул вперед. Насколько мог видеть Итан, оружия при нем не было – кроме дорожной палки, искривленной сильнее хребта старика.

– Господи, Питер… Какого черта вы тут делаете?

Маккол улыбнулся, но Итан видел в его улыбке страх.

– Если я скажу, что просто вышел прогуляться поздно вечером, вы мне поверите?

Итан опустил дробовик.

– Вам тут не место.

– До меня дошли слухи, что в здешних лесах есть забор. Я всегда хотел на него посмотреть.

– Ну, вот он. Теперь вы его видели. Давайте вернемся в город.

– «Ведь нужно знать пред тем, как ограждаться, что ограждается и почему»[10]. Это написал Роберт Фрост.

Итан хотел сказать, что знает, кто это написал. Что он читал Фроста, вообще-то даже именно эти стихи, всего несколько часов тому назад.

– Итак, полицай, – сказал Маккол, показав на забор. – Вы запираете нас внутри? Или ограждаете от того, что снаружи?

– Пора домой, Питер.

– Да, пора.

– Да.

– И вы подразумеваете под «домом» мой дом в Заплутавших Соснах? Или мой настоящий дом, в Мизуле?

Итан слегка продвинулся вперед.

– Вы прожили здесь восемь лет, Питер. Вы – важный член этой общины. Ваша работа здесь жизненно важна.

– «Свет заплутавших»? Да бросьте! Эта газета – просто анекдот.

– Здесь живет ваша семья.

– Где это – «здесь»? Что вообще все это означает? Я знаю, что есть люди, которые нашли тут, в долине, мир и счастье. Я пытался убедить себя самого, что тоже их нашел, но это была ложь. Я должен был покончить с этим еще много лет назад. Я полностью себя растерял.

– Я понимаю, что это трудно…

– Понимаете? Потому что, как я посмотрю, вы пробыли в Соснах целых пять минут! И прежде чем вас сделали шерифом, удирали отсюда так, что только пыль столбом. Так что же изменилось? Вы и в самом деле выбрались отсюда?

Итан сжал зубы.

– Вы перебрались на другую сторону ограды, так? Что вы там видели? Что обратило вас в истинную веру? Я слышал, по другую сторону водятся демоны, но это же просто выдумки, так?

Бёрк поставил на землю приклад «винчестера» и прислонил его дуло к стволу.

– Расскажите мне, что там, снаружи, – попросил Маккол.

– Вы любите свою семью? – спросил Итан.

– Мне нужно это знать. Вы лучше кого бы то ни было должны…

– Вы любите свою семью?

Вопрос как будто дошел наконец до сознания Питера.

– Раньше любил. Когда мы были реальными людьми. Когда могли разговаривать обо всем по душам. Вы в курсе, что это первая моя настоящая беседа за многие годы?

Итан произнес:

– Питер, это ваш последний шанс. Вы вернетесь вместе со мной?

– Последний шанс, вот как?

– Да.

– Иначе – что? Все телефоны начнут звонить? Вы сами устроите так, чтобы я исчез?

– На той стороне для вас ничего нет, – сказал Итан.

– По крайней мере, там будут ответы.

– И какой ценой вы должны их получить? Ценой жизни? Ценой свободы?

Маккол горько рассмеялся.

– Вы называете это свободой? – Он показал куда-то за свою спину, в сторону города.

– Я называю это единственной вашей возможностью, Питер.

Маккол мгновение смотрел в землю, потом покачал головой.

– Вы ошибаетесь.

– В чем?

– Передайте моей жене и дочери, что я их люблю.

– В чем я ошибаюсь, Питер?

– Это не единственная моя возможность.

Его лицо затвердело во внезапном приливе решимости.

Питер ринулся мимо Итана, будто оттолкнувшись от стартовых колодок, и так, с разгону, ударился об ограду.

Искры.

Электрические дуги, сорвавшись с проволоки, вонзились в Маккола, как голубые кинжалы.

Сила электрического разряда отшвырнула Питера назад, на десять шагов от ограды, и он ударился о дерево.

– Питер!

Итан опустился рядом с ним на колени, но Маккол был уже мертв.

Погиб от электрических ожогов.

Скрюченный, искореженный.

Неподвижный.

Испепеленный.

Дымящийся.

Все вокруг провоняло обугленной кожей и сгоревшими волосами, вся одежда Питера словно стала в горошек из-за крошечных тлеющих дырок, прожженных огнем.

– Вообще-то это даже к лучшему.

Итан круто обернулся.

Пэм стояла, прислонившись к дереву за его спиной, улыбаясь в темноте.

Ее одежда была черной, как тени под соснами, виднелись только глаза и зубы.

И свет луны на хорошеньком личике.

Красивая сторожевая собака Пилчера.

Она оттолкнулась от дерева и приблизилась к Итану, двигаясь, как прирожденный боец, – каковым она и была. Крадучись. Грациозно. По-кошачьи. Экономными движениями, полностью контролируя свое тело. Итан терпеть не мог признаваться в этом себе самому, но она его пугала.

В прошлой жизни, за все время своей работы в секретной службе, он лишь трижды встречался с законченными психопатами. И не сомневался, что Пэм была из их числа.

Она присела рядом на корточки.

– Дерьмово выглядит, но из-за этого мне хочется отведать мяса барбекю. Разве не странно? Не беспокойся, тебе не придется тут подчищать. Для этого вышлют команду.

– Я и не собирался об этом беспокоиться.

– Да ну?

– Я думал о семье этого бедняги.

– Ну, по крайней мере, им не пришлось наблюдать, как его забьют до смерти на улице. И давай посмотрим правде в лицо – все к тому и шло.

– Я думал, что смогу его убедить.

– Если бы он был новеньким – может быть. Но Питер сломался. Идеальный горожанин в течение восьми лет. До нынешней недели в отчетах о наблюдении за ним практически не было негатива. А потом – бац! – и он посреди ночи, с запасом еды в дорогу… Он уже некоторое время прятал это в себе.

Пэм посмотрела на Итана.

– Я слышала, что ты ему сказал. Больше ты ничего не мог сделать. Он просто принял решение.

– Я мог бы его отпустить. Мог бы дать ему ответы, которые он искал.

Пэм ухмыльнулась.

– Но ты не настолько глуп, Итан, – как ты только что доказал.

– Ты веришь, что мы имеем право удерживать людей в городе против их воли?

– Тут больше нет прав. Нет законов. Только сила и страх.

– Ты не веришь, что права даны нам от природы?

Она улыбнулась.

– Разве я не это только что сказала?

Пэм встала и двинулась в леса.

Итан крикнул ей вслед:

– Кто расскажет его семье?

– Не твоя проблема. Пилчер с этим разберется.

– И *что* он им скажет?

Пэм остановилась и обернулась. Она была уже в двадцати шагах отсюда, еле видная среди деревьев.

– Думаю, все, что ему заблагорассудится, блин. А что же еще?

Итан взглянул на свой дробовик, прислоненный к дереву.

Безумная мысль.

Когда он снова посмотрел туда, где стояла Пэм, она уже исчезла.

*** * ***

Итан еще долго сидел рядом с Питером. До тех пор, пока в голову ему не пришло, что ему не захочется здесь быть, когда люди Пилчера наконец-то явятся за телом.

Он с трудом встал.

Хорошо было уйти прочь от ограды. Гул электричества становился все тише.

Вскоре Итан шагал через молчаливый лес и туман, думая: «Это было так гадски погано, а тебе некому об этом рассказать. Даже жене. И нет ни одного настоящего друга, с которым можно поговорить. Единственные люди, с которыми ты можешь этим поделиться, – человек с манией величия и психопатка. И так будет всегда».

Через полмили Бёрк поднялся на небольшой склон и, спотыкаясь, вышел на дорогу. Он не вернулся тем же путем, как намеревался, но все равно оказался всего в нескольких сотнях шагов от своего «Бронко».

Итан вдруг понял, как же устал. Он понятия не имел, который сейчас час, но позади был длинный-предлинный день и длинная-предлинная ночь, а впереди маячил рассвет такого же новенького с иголочки дня.

Итан добрался до «Бронко», вытащил из дробовика патроны и вернул ружье на подставку.

Он так устал, что мог бы уснуть, положив голову на приборную доску.

Вонь смерти от электрического тока была по-прежнему сильной – наверное, пройдут дни, прежде чем он перестанет ее ощущать.

Завтра настанет миг, когда Тереза спросит его, все ли в порядке, а он улыбнется и скажет: «Да, милая. Я в полном порядке. А ты как?» И она ответит с тем напряженным взглядом, который будет как будто полностью противоречить ее словам: «В полном порядке».

Итан включил двигатель.

Ярость пришла словно ниоткуда.

Он вдавил педаль газа в пол.

Покрышки завизжали, укусили щебеночно-асфальтовое покрытие, его подбросило.

Он вырвался за поворот и помчался дальше, к окраине города.

Каждый раз, когда Итан видел этот рекламный щит, он испытывал все большее отвращение: семья с радостными белозубыми улыбками машет руками, как в каком-нибудь ситкоме 1950-х. «Добро пожаловать в Заплутавшие Сосны, где обретается рай!»

Итан понесся вдоль изгороди из жердей.

Через окно со стороны пассажира он увидел на пастбище стадо коров.

Ряд белых амбаров у края леса, сияющих в свете звезд.

Потом он снова посмотрел сквозь ветровое стекло…

«Бронко» с разгону перелетел через что-то настолько большое, что рулевое колесо задрожало и вырвалось из рук Итана. Автомобиль швырнуло к обочине, прямо к забору на скорости шестьдесят пять миль в час.

Итан перехватил руль, вывернул обратно, почувствовал, как поднялась подвеска на двух колесах. На ужасающий миг они завизжали, скользя по мостовой, и в его правый бок впился ремень безопасности.

Он почувствовал перегрузку на груди, на лице.

Сквозь ветровое стекло мельком увидел, как вращаются созвездия.

Нога соскользнула с педали газа, и он перестал слышать, как работает двигатель – просто три секунды тишины, не считая пронзительного воя ветра за ветровым стеклом, когда «Бронко» перевернулся.

Крыша в конце концов грянулась о дорогу, звук удара был оглушающим.

Металл прогнулся.

Стекло затрещало.

Покрышки взорвались.

Искры брызнули там, где металл проехался по мостовой.

А потом «Бронко» замер, снова встав на все четыре колеса, два из которых все еще были надуты.

Итан почуял запах бензина. Жженой резины. Охладителя. Крови.

Он вцепился в руль так сильно, что лишь минуту спустя смог разжать пальцы.

Он все еще был пристегнут к сиденью. Рубашка усыпана армированным стеклом. Итан расстегнул ремень безопасности, с облегчением почувствовав, что руки двигаются без боли. Передвинул ноги – похоже, с ними все было в порядке. Дверца с его стороны не открылась, но стекло оказалось полностью выбито.

Привстав на колени, Бёрк вылез через отверстие и упал на дорогу. Вот теперь он почувствовал боль. Не острую – просто медленно усиливающуюся тянущую боль, которая как будто исходила из головы и текла вниз по телу.

Итан поднялся на ноги.

Качаясь.

Чуть не падая.

Нагнулся, подумав, что его вот-вот может вырвать, но тошнота отпустила.

Он смахнул стекло с лица; левую сторону жгло из-за глубокой раны, кровь из которой уже дотекла до подбородка и ползла по шее, под рубашку.

Он оглянулся на «Бронко». Машина стояла перпендикулярно двойной сплошной, покрышки с правой стороны лопнули, и внедорожник накренился в сторону от Итана. Бензин почти весь вытек, а поперек краски тянулись длинные отметины, похожие на следы от когтей хищника.

Нетвердыми шагами Итан двинулся прочь от «Бронко», идя по следу из бензина, масла и других жидкостей, как по кровавым следам.

Перешагнул через выдранный проблесковый маячок.

Боковое зеркало лежало на боку на обочине, словно вырванный глаз, провода свисали из оставшегося после него отверстия.

Вдалеке тяжело мычали коровы, подняв головы, повернув морды в сторону места аварии.

Итан остановился возле рекламного щита и уставился вперед, на то, что лежало на дороге, – то, что чуть его не убило.

Это смахивало на призрак. Бледный. Неподвижный.

Итан хромал вперед до тех пор, пока не встал над нею. Он не сразу припомнил ее имя, но он видел эту женщину в городе – она занимала какой-то пост в управлении общинными землями. На вид он дал бы ей лет двадцать с небольшим. Черные волосы до плеч. Челка. Теперь она была голой, и кожа ее была прозрачной, мертвенно-голубой, как океанский лед. Она как будто светилась в темноте. Если не считать дыр. Столько дыр… В их рисунке было нечто бесстрастное, не отвратительное. Итан начал их считать, но спохватился. Не хотел, чтобы цифра стучала в голове.

Только лицо осталось нетронутым. Губы полностью утратили цвет, и самый большой, самый темный разрез в центре груди казался небольшим черным ртом, изумленно приоткрытым. Может, эта рана и убила ее. Несколько других тоже легко могли справиться с этим делом. Но на ней не было крови. Вообще-то единственной отметиной на теле кроме ран был след покрышки в том месте, где «Бронко» переехал ее живот – ясно видная колея.

Первой мыслью Итана было, что нужно сообщить в полицию.

Следующей: «Ты и есть полиция».

Ходили разговоры насчет того, что ему нужно нанять одного-двух помощников, но это пока оставалось лишь разговорами.

Итан сел на дорогу. Шок после аварии начал проходить, и ему становилось все холоднее.

Спустя некоторое время он встал. Нельзя было просто взять и оставить ее здесь, даже на пару часов. Итан поднял женщину на руки и понес с дороги в лес. Она не была такой уж холодной, как можно было подумать. Даже все еще теплой. Бескровная и теплая – странная комбинация.

Отойдя в лес на двадцать шагов, он нашел купу невысоких дубов, нырнул под ветви и осторожно положил ее на подстилку из сухих листьев. Сейчас больше некуда было ее девать, но Итан чувствовал, что просто оставить ее здесь будет неправильным.

Он сложил ее руки на животе, потянулся к верхней пуговице своей рубашки и обнаружил, что руки все еще дрожат. Рывком распахнув рубашку, он снял ее и укрыл женщину.

Сказал:

– Я вернусь за тобой, обещаю.

Потом пошел к дороге. На мгновение ему подумалось – не поставить ли «Бронко» на нейтралку и не скатить ли машину на обочину. Но непохоже было, чтобы кто-нибудь приехал сюда в ближайшие несколько часов. Молочная ферма не будет развозить молоко до завтра, до позднего утра. К этому времени он успеет все здесь прибрать.

Итан пешком двинулся к городу.

Огни домов Сосен мерцали в долине впереди.

Так мирно.

Так обманчиво идеально-мирно.

*** * ***

Когда Итан вошел в свой дом, рассвет был уже у горизонта.

Он принял самую горячую ванну, какую только смог выдержать, в ванне на львиных лапах на втором этаже. Вымыл лицо. Соскреб кровь. Тепло притупило ноющую боль во всем теле и пульсирующую боль в глазах.

*** * ***

В небе забрезжил свет, когда Итан забрался в постель.

Простыни были прохладными, а его жена – теплой.

К этому времени Бёрку уже следовало бы позвонить Пилчеру. Ему следовало бы позвонить, едва войдя в дом, но он слишком устал, чтобы думать. Ему требовалось поспать хотя бы несколько часов.

– Ты вернулся, – прошептала Тереза.

Итан обхватил ее рукой и притянул ближе.

Ребра слева заныли, когда он сделал глубокий вдох.

– Все в порядке? – спросила жена.

Он подумал о Питере, дымящемся и шипящем после электрического разряда. О мертвой голой женщине, лежащей посреди дороги. О том, что чуть было не погиб, и о том, что понятия не имеет, что все это значит.

– Да, милая, – сказал он, прижавшись к ней теснее. – Я в полном порядке.

Глава 03

Итан открыл глаза и чуть не спрыгнул с матраса.

Пилчер сидел в кресле у изножья его кровати, наблюдая за Бёрком поверх книги в кожаном переплете.

– Где Тереза? – спросил Итан. – Где мой сын?

– Вы в курсе, который сейчас час?

– Где моя семья?

– Ваша жена на работе, как и положено. Бен в школе.

– Какого черта вы делаете в моей спальне? – спросил Итан.

– Уже день. А вы так и не появились на работе.

Итан закрыл глаза, чувствуя сокрушительное давление у основания черепа.

– Ночь была долгой, да? – спросил Пилчер.

Бёрк потянулся за стаканом с водой на прикроватном столике, чувствуя себя хрупким и одеревеневшим. Как будто его разбили на тысячу кусков, а потом склеили как попало.

Он осушил стакан и спросил:

– Вы нашли мою машину?

Пилчер кивнул.

– Как вы сами можете себе представить, мы очень обеспокоились. Рядом с рекламным щитом нет камер, и мы не видели, что произошло. Только последствия.

Проникающий в окно свет резал глаза. Итан прищурился. Потом пристально посмотрел на Пилчера – ему не удавалось разобрать, что за книгу тот держит. Пилчер был в джинсах, белой рубашке, сером вязаном жилете. Одетый в том скромном, непритязательном стиле, которого всегда придерживался в городе, где люди считали его местным психологом. Наверное, сегодня у него и у Пэм прием пациентов.

Итан сказал:

– Я ехал обратно в Сосны после Питера Маккола. Полагаю, вы слышали, что там произошло?

– Пэм коротко ввела меня в курс дела. Такая трагедия…

– Я на мгновение посмотрел на пастбище, а когда снова глянул на дорогу, посреди нее что-то было. Я налетел на это, резко свернул, не сумел выправиться и перевернул «Бронко».

– Машина разбита вдребезги. Вам повезло, что вы остались живы.

– Да.

– Что было на дороге, Итан? Мои люди не нашли ничего, кроме обломков «Бронко».

Итан гадал – действительно ли Пилчер не знает, что там было. Могла ли женщина на дороге быть Скиталицей? Ходили слухи, что существует группа жителей, обнаруживших свои микрочипы и вы́резавших их. Людей, знающих, где расположены камеры и где есть «слепые места». Людей, которые днем держат свои чипы при себе, но время от времени вынимают их и оставляют в постели, чтобы незримо скитаться в ночи. Говорили, что они всегда носят куртки или фуфайки с капюшонами, чтобы прятать лица от камер.

– Меня нервирует, когда я вижу, как вы стараетесь подобрать ответ на простой вопрос, который вообще не требует раздумий, – сказал Пилчер, поднимаясь. – А может, у вас еще не прояснилось в голове после аварии и именно этим объясняется ваше промедление? Почему, когда я смотрю вам в глаза, я вижу, как у вас крутятся шестеренки?

«Он знает. Он испытывает меня. А может, он знает только, что она там была, но не знает, куда я ее положил».

– Итан?

– На дороге лежала женщина.

Пилчер сунул руку в карман. Вытащил фото размером с те, что носят в бумажнике. И поднес его к лицу Итана.

Это была она. Неотретушированный снимок. Улыбающаяся или смеющаяся над чем-то, не замечающая камеры. Полная жизни. Фон был размыт, но, судя по цвету, Итан предполагал, что фото было сделано в общинных садах.

– Это она, – сказал он.

Лицо Пилчера потемнело. Он сунул фотографию обратно в карман.

– Она мертва? – спросил он так, будто в легких у него не осталось воздуха.

– Ее ткнули ножом.

– В какое место?

– Во все.

– Ее пытали?

– Похоже на то.

– Где она?

– Я убрал ее с дороги, – сказал Итан.

– Почему?

– Потому что казалось неправильным оставить ее голой на открытом месте, где каждый мог ее увидеть.

– И где ее тело сейчас?

– Через дорогу от рекламного щита, в дубовой роще.

Пилчер присел на кровать.

– Итак, вы убрали ее с дороги, пошли домой и легли в постель.

– Сперва принял горячую ванну.

– Интересное решение.

– Вместо того, чтобы?..

– Немедленно мне позвонить.

– Я провел на ногах двадцать четыре часа. И мне было чертовски больно. Я просто хотел сперва несколько часов поспать. А после первым делом собирался позвонить вам.

– Конечно, конечно. Извините, что усомнился в вас. Дело в том, Итан, что все это очень важно. У нас в Заплутавших Соснах еще никогда не случалось убийства.

– Вы имеете в виду – несанкционированного убийства.

– Вы были знакомы с этой женщиной? – спросил Пилчер.

– Я видел ее, но вряд ли когда-нибудь с нею говорил.

– Читали ее личное дело?

– Вообще-то нет.

– Это потому, что у нее нет личного дела. По крайней мере, такого, к которому у вас имелся бы доступ. Она работала на меня. Ожидалось, что вчера она вернется в *гору* поздно ночью после выполнения задания. Но она так и не появилась.

– Кем она на вас работала? Шпионкой?

– У меня есть ряд людей, работающих в городе среди жителей. Это единственный способ держать руку на истинном пульсе Заплутавших Сосен.

– Сколько здесь таких людей?

– Неважно. – Пилчер похлопал Итана по ноге. – Не смотрите так оскорбленно, мой мальчик. Вы – один из них. Одевайтесь, спускайтесь, и продолжим обсуждать это за кофе.

* * *

В чистой, недавно накрахмаленной форме шерифа Итан спустился вниз, в запах варящегося кофе, и уселся на табурет возле стола посередине кухни. Пилчер вытащил из кофеварки варочный сосуд и налил кофе в пару керамических кружек.

– Вы пьете черный, верно?

– Да.

Пилчер принес кружки и поставил на кухонный стол.

– На мой стол нынче утром лег рапорт наблюдателя, – сказал он.

– И кто был объектом наблюдения?

– Вы.

– Я?

– Ваш маленький взрыв ярости на втором этаже этого дома привлек вчера внимание одного из моих аналитиков. – Пилчер показал средний палец.

– И вам об этом доложили?

– Мне докладывают всякий раз, когда кто-то делает нечто странное.

– Думаете, это странно – злиться, что ваши соглядатаи подсматривают за мной, когда я в постели с женой?

– Наблюдать за интимными моментами строго запрещено. Вы это знаете.

– Единственный способ, каким аналитик мог узнать, что интимный момент закончился, – это наблюдать за нами во время интимного момента. Верно?

– Вы дали понять, что там камера.

– Тереза этого не видела.

– А если бы увидела?

– Думаете, хоть кто-то, пробывший в городе дольше пятнадцати минут, не знает, что находится под постоянным наблюдением?

– Мне плевать, что они там знают или подозревают, пока они держат это при себе. И пока не нарушают правила. А в правила входит и мысли не допускать о камерах.

– Вы знаете, как трудно трахать жену с камерой над кроватью?

– Мне плевать.

– Дэвид…

– Это против правил, и вы это знаете.

Впервые в словах Пилчера прозвучал гнев.

– Прекрасно.

– Скажите, что этого больше не повторится, Итан.

– Этого больше не повторится. Но никогда не позволяйте мне выяснить, за чем наблюдают ваши аналитики. Или я оставлю их там, где найду.

Бёрк сделал большой глоток горячей жидкости, которая обожгла ему горло.

– Как вы себя чувствуете, Итан? Вы какой-то раздражительный.

– Паршиво я себя чувствую.

– Первым делом мы отвезем вас в больницу.

– Когда я в прошлый раз был в вашей больнице, все пытались меня убить. Думаю, на этот раз я перетерплю на ногах.

– Да как хотите.

Пилчер отпил глоточек кофе и скорчил гримасу.

– Не слишком плохо, но иногда я мог бы убить за то, чтобы сидеть во внешнем мире в кафе европейского города и пить настоящий эспрессо.

– Бросьте, вам это нравится.

– Что нравится, Итан?

– То, что вы тут создали.

– Конечно, ведь это дело всей моей жизни. Что не означает, будто я не скучаю до сих пор по некоторым сторонам старого мира.

Они выпили кофе, и Итану слегка полегчало.

Пилчер наконец сказал:

– Она была хорошей женщиной. Поразительной женщиной.

– Как ее звали?

– Алисса.

– Вы не знали, где она, пока я вам не сказал. Значит ли это, что ей не вживляли чип?

– Мы позволили ей его вынуть.

– Наверное, вы доверяли ей.

– Безоговорочно. Помните группу, о которой я вам рассказывал?

– Скитальцы?

– Я послал Алиссу, чтобы она к ним внедрилась. Эти люди… Все они ухитрились вытащить свои чипы. Они встречаются по ночам. Мы не знаем, где именно. Не знаем, сколько их. Не знаем, как они друг с другом общаются. Я не мог послать ее туда с микрочипом – ее бы сразу убили.

– Она внедрилась?

– Прошлой ночью ей предстояло впервые явиться на их собрание. Тогда бы она увидела всех игроков.

– У них есть собрания? Как такое вообще возможно?

– Мы не знаем, как, но они нащупали слабое место в нашем наблюдении. И обвели вокруг пальца систему.

– И вы говорите, что эти люди в ответе за ее смерть?

– Именно это я и хочу выяснить.

– Хотите, чтобы я провел расследование насчет этой группы?

– Я хочу, чтобы вы начали с того места, где Алисса вышла из игры.

– Я шериф. Они не подпустят меня ближе чем на тысячу миль.

– Полагаю, после вашей буйной интеграции до сих пор трудно сказать, кому именно вы преданы. Если вы правильно себя подадите, вас могут счесть ценным приобретением.

– Вы и вправду думаете, что они мне доверятся?

– Думаю, ваша старая напарница доверится.

На кухне воцарилась тишина.

Только гудит холодильник.

И в окно врывается отдаленный, полный энтузиазма шум – где-то играют дети. Доносятся крики: «Тебе водить!»

– Кейт – Скиталица? – спросил Итан.

– Кейт была тем лицом, с которым Алисса вошла в контакт. Кейт показала ей, как избавиться от микрочипа.

– Каких действий вы от меня ожидаете?

– Свяжитесь со своей старой любовью. Действуйте осмотрительно. Скажите ей, что на самом деле вы не со мной.

– Что известно этим людям и чего они хотят?

– Полагаю, им известно все. Полагаю, они выбирались за ограду и видели, что творится снаружи. Думаю, они хотят править. Они активно набирают новых людей. Прежний шериф… Было совершено три покушения на его жизнь. Наверное, уже строятся такие же планы относительно вас. Вот это вам и нужно расследовать. Это – дело первостепенной важности. Я предоставлю в ваше распоряжение все, что понадобится, дам неограниченный доступ к наблюдению.

– А почему бы вам и вашим людям не справиться с этим изнутри?

– Смерть Алиссы стала для всех нас большим ударом. Внутри *горы* есть много людей, которые сейчас не рассуждают здраво. Поэтому мне приходится возложить все на ваши плечи, и лишь на ваши. Надеюсь, вы понимаете, *что* здесь стоит на кону. Каковы бы ни были ваши личные чувства насчет того, как я управляю этим городом… а вы ими со мной поделились… Мое управление срабатывает. Тут никогда не может быть демократии. Слишком многое будет потеряно, если все пойдет вкривь и вкось. В этом вы со мной согласны, не так ли?

– Согласен. Ваше правление, по большей части, – благодушная диктатура с редкими убийствами.

Итан думал, что Пилчер посмеется, но тот просто уставился на него через стол. От чашки кофе к лицу Пилчера поднимались завитки дыма.

– Это была шутка, – сказал Итан.

– Так вы со мной или нет?

– С вами. Но я много лет проработал с Кейт, и она не убийца.

– Не обижайтесь, но вы работали с нею в ином времени. Теперь она – другой человек, Итан. Она – порождение Сосен, и вы понятия не имеете, на что она способна.

Глава 04

Тереза наблюдала, как секундная стрелка миновала цифру 12.

15 часов 20 минут.

Она прибрала все на своем аккуратном, чистом столе и собрала сумочку.

Кирпичные стены офиса были оклеены страницами брошюр по недвижимости, которые изучали очень немногие люди. Тереза редко пользовалась пишущей машинкой или отвечала на телефонный звонок. По большей части она день-деньской читала книги, думала о своей семье и – время от времени – о своей прежней жизни.

С тех пор, как Тереза появилась в Соснах, она гадала – не жизнь ли это после смерти. По меньшей мере, то была жизнь после *ее* смерти.

После Сиэтла.

После ее работы помощником адвоката.

После почти всех ее отношений с людьми.

После жизни в свободном мире, которая, несмотря на всю свою сложность и трагедии, все-таки имела смысл.

Но за пять лет жизни здесь она повзрослела, как и остальные.

Люди умирали, исчезали, их убивали. Рождались дети. Это шло вразрез с любой концепцией загробной жизни, о какой она когда-либо слышала. Но с другой стороны – откуда вообще можно знать, чего следует ожидать за пределами царства живого, дышащего человеческого существования?

За те годы, что она тут провела, до нее постепенно начало доходить, что Сосны ближе к тюрьме, чем к любой загробной жизни… Хотя, пожалуй, никаких четко выраженных различий между этими двумя вещами не было.

Загадочный и красивый пожизненный приговор.

Не только физическое ограничение свободы, но и психологическое, и именно психологический аспект заставлял чувствовать себя как в одиночной камере.

Невозможность открыто признать чье-либо прошлое, чьи-либо мысли и страхи. Невозможность по-настоящему общаться ни с единым живым существом. Конечно, бывали моменты-исключения. Очень немногие и нечастые. Долгий взгляд глаза в глаза, даже при встрече с незнакомцем, когда напряженность этого взгляда как будто предполагала внутреннее смятение.

Страх.

Отчаяние.

Замешательство.

В таких случаях Тереза по крайней мере чувствовала тепло человеческого существа, чувствовала, что она уже не так полностью, беспомощно одинока. Ее убивала фальшь. Вынужденные беседы о погоде. О последнем урожае в садах. О том, почему запаздывает доставка молока. Обо всем поверхностном, ни о чем настоящем. В Соснах всегда велись только разговоры о пустяках, и во время ее интеграции одним из самых трудных препятствий было привыкание к такому уровню общения.

Но каждый четвертый четверг она должна была рано уходить с работы, и наступала короткая передышка, когда правила переставали действовать.

* * *

Тереза заперла за собой дверь и пошла по тротуару.

Стоял тихий день, но это было в порядке вещей. Тут никогда не случалось шумных дней.

Она пошла на юг по Главной улице. Небо было поразительно голубым и безоблачным. Ни ветра. Ни машин. Тереза не знала, какой сейчас месяц – считались только дни недели и время суток, – но походило на поздний август или ранний сентябрь. В свете чувствовалось нечто неустойчивое, намекавшее на конец сезона.

Воздух мягкий, как летом, а свет – золотистый, как осенью.

И осина на пороге желтизны.

* * *

Вестибюль больницы пустовал.

Тереза поднялась в лифте на третий этаж, шагнула в коридор, проверила время.

3:29.

Коридор был очень длинным.

Флуоресцентные лампы гудели над полом в шахматную клетку.

Тереза прошла до середины коридора – там, возле закрытой двери без таблички, стоял стул.

Она уселась.

Чем дольше она ждала, тем громче как будто шумели лампы.

Дверь рядом открылась. В коридор вышла женщина и улыбнулась Терезе. У нее были идеальные белые зубы и лицо, которое произвело на Терезу сильное впечатление, – одновременно и красивое, и равнодушное. Непостижимое. Глаза женщины были зеленее глаз Терезы, волосы стянуты в «конский хвост».

– Привет, Пэм, – сказала Тереза.

– Здравствуйте, Тереза. Почему бы вам не войти?

* * *

В скромной стерильной комнате на белых стенах – ни картин, ни фотографий. Здесь стояли стул, стол и кожаный диван.

– Прошу, – сказала Пэм утешающим голосом, отдаленно напоминающим голос робота, и жестом велела Терезе лечь.

Она вытянулась на диване.

Пэм уселась на стуле и скрестила ноги. На ней был белый лабораторный халат поверх серой юбки и очки в черной оправе.

– Рада снова видеть вас, Тереза, – сказала она.

– И я рада.

– Как дела?

– Кажется, всё в порядке.

– Полагаю, вы впервые пришли навестить меня после возвращения вашего мужа.

– Правда.

– Наверное, очень хорошо, что он вернулся.

– Изумительно.

Пэм вытащила из нагрудного кармана авторучку и включила ее. Развернув вращающееся кресло к столу, она нацелилась ручкой на разлинованный блокнот, на обложке которого значилось имя Терезы, и спросила:

– Кажется, дальше последует «но»?

– Нет, просто прошло пять лет. И многое случилось.

– И теперь вы чувствуете, будто замужем за незнакомцем?

– Мы отвыкли друг от друга. Это неловкое чувство. И, конечно, непохоже, чтобы мы могли сесть и поговорить о Соснах. О той безумной ситуации, в которой очутились. Его швырнули обратно в мою жизнь и ожидают, что мы будем вести себя как идеальная семейная пара.

Пэм нацарапала что-то в блокноте.

– Как, по-вашему, адаптируется Итан?

– Адаптируется ко мне?

– К вам. К Бену. К своей новой работе. Ко всему.

– Не знаю. Как я уже сказала, непохоже, чтобы мы могли с ним общаться.

– Это верно, согласна.

Пэм снова развернулась лицом к Терезе.

– Вам приходится задумываться о том, *что* ему известно?

– Что вы имеете в виду?

– Вы совершенно точно знаете, что я имею в виду. Итан был объектом «красного дня» – и единственный за всю историю Сосен спасся. Вы не задумывались, сумел ли он выбраться из города? Что он видел? Почему вернулся?

– Я никогда его об этом не спрашивала.

– Но вы гадаете об этом.

– Конечно. Он как будто умер – и вернулся к жизни. У него есть ответы на вопросы, которые не дают мне покоя. Но я никогда его не спрашивала.

– Вы с Итаном уже вступали в интимную близость?

Глядя в потолок, Тереза почувствовала, что багровеет.

– Да.

– Сколько раз?

– Три.

– Как все прошло?

«Все это не твое гадское дело».

Но она сказала:

– Первые два раза были слегка неуклюжими. Вчера же все было лучше лучшего.

– Вы кончили?

– Прошу прощения?

– Тут нечего стыдиться, Тереза. Ваша способность или отсутствие таковой испытывать оргазм – это отражение вашего умонастроения.

Пэм самодовольно ухмыльнулась.

– И, возможно, навыков Итана. Как ваш психиатр, я должна знать.

– Да.

– «Да» – вы кончили?

– Вчера – да, кончила.

Она наблюдала, как Пэм начертила «O» и рядом – смайлик.

– Я беспокоюсь о нем, – сказала Тереза.

– О вашем муже?

– Прошлой ночью он вышел посреди ночи. И не возвращался до рассвета. Я не знаю, куда он ходил. Я не могу спрашивать. Я это понимаю. Полагаю, он преследовал кого-то, кто пытался сбежать.

– Вы когда-нибудь подумывали о бегстве?

– Уже несколько лет – нет.

– Почему?

– Сперва я хотела сбежать. Я чувствовала себя так, будто все еще живу в старом мире. Как будто тут тюрьма или надо мной ставят эксперимент. Но странное дело… Чем дольше я тут оставалась, тем нормальнее все становилось.

– Что становилось нормальнее?

– Не знать, почему я здесь. Не знать, что на самом деле представляет из себя город. И что находится за его пределами.

– И почему, как вы думаете, это стало для вас более нормальным?

– Может, я просто адаптируюсь или старею, но я поняла: каким бы странным ни был город, тут все не так уж сильно отличается от моей прежней жизни. Не отличается – когда я взвешиваю одно и другое и сопоставляю. Взаимоотношения в старом мире были по большей части поверхностными и несерьезными. Моя работа в Сиэтле в качестве помощника адвоката заключалась в том, чтобы защищать интересы страховых агентств. Помогать страховым компаниям лишать людей к чертям собачьим их страховых выплат. Здесь я целыми днями сижу в офисе и почти ни с кем не разговариваю. Одинаково бесполезные занятия, но, по крайней мере, теперешняя моя работа не причиняет людям существенного вреда. Старый мир был полон загадок, которые были превыше моего понимания – мироздание, Бог. Что происходит, когда мы умираем. И здесь тоже множество загадок. Те же самые движущие силы. Та же самая человеческая бренность. Просто теперь все происходит лишь в этой маленькой долине.

– Итак, по-вашему, все очень схоже.

– Возможно.

– Вы верите в то, что это – загробная жизнь, Тереза?

– Я даже не знаю, что значит «загробная жизнь». А вы знаете?

Пэм молча улыбнулась. Улыбка была лишь фасадом, в ней не было никакого утешения. Стопроцентная маска.

Уже не в первый раз Тереза задалась мыслью: «Кто эта женщина, которой я выкладываю свои секреты?» Срыв покровов был в некоторой степени ужасающим. Но непреодолимое влечение к истинному общению с другим человеческим существом перевешивало все.

Тереза сказала:

– Думаю, я просто вижу в Соснах новую фазу своей жизни.

– И что в этом самое трудное?

– Самое трудное в чем? В том, чтобы здесь жить?

– Да.

– Надежда.

– Что вы имеете в виду?

– Почему я продолжаю вдыхать и выдыхать? Я бы сказала, это самый трудный вопрос для всех, кто застрял в этом месте.

– И как бы вы на него ответили, Тереза?

– Мой сын. Итан. Возможность найти отличную книгу. Метели. Но это не похоже на мою прежнюю жизнь. Нет ни дома мечты, в котором хотелось бы жить. Ни лотереи. Я раньше тешилась фантазиями о том, что поступлю в юридическую школу и открою собственную практику. Стану успешной и богатой. Удалюсь на покой вместе с Итаном где-нибудь в теплом месте с ясным голубым морем и белым песком. Где никогда не идут дожди.

– А ваш сын?

Для Терезы это было неожиданностью. Эти три короткие слова ударили ее с коварной силой внезапной молнии. Потолок, в который она смотрела, начал исчезать за пеленой слез.

– Будущее Бена было самой большой вашей надеждой, так? – спросила Пэм.

Тереза кивнула. Когда она моргнула, из уголков ее глаз побежали две дорожки соленой влаги и потекли по лицу.

– Его женитьба? – спросила Пэм.

– Да.

– Выдающиеся успехи, которые сделали бы его счастливым, а вас – гордой?

– И больше того.

– То есть?

– Это то, о чем я только что говорила. Надежда. Я так сильно для него всего этого хочу, но он никогда ничего подобного не узнает. К чему могут стремиться дети Сосен? Какие чужеземные края они мечтают посетить?

– А вы задумывались о том, что идея надежды – по крайней мере, так, как вы ее себе представляете, – может быть обветшавшим пережитком вашей прошлой жизни?

– Вы говорите: «Оставь надежду, всяк сюда входящий»?

– Нет, я говорю – живи настоящим. Я говорю, что, может быть, в Соснах самая большая радость заключается в том, чтобы просто существовать. Что вы продолжаете вдыхать и выдыхать потому, что вдыхаете и выдыхаете. Любите простые вещи, которые переживаете каждый день. Всю эту естественную красоту. Звук голоса сына. Бен вырастет, чтобы жить тут счастливой жизнью.

– Как?

– А вам приходило в голову, что ваш сын может больше не разделять вашу старинную концепцию счастья? Что он растет в городе, который культивирует именно такую вот жизнь нынешним моментом, какую я только что описала?

– Просто этот город такой замкнутый…

– Так возьмите сына и уезжайте.

– Вы серьезно?

– Да.

– Нас убьют.

– Но вы можете и сбежать. Некоторые уехали, хотя так и не вернулись. Вы втайне боитесь, что, какого бы плохого мнения ни были о Соснах, внешний мир может оказаться в миллион раз хуже?

Тереза вытерла глаза.

– Да.

– И последнее, – сказала Пэм. – Вы открывались Итану насчет того, что происходило до его появления? Насчет вашей, э-э… жизненной ситуации, я имею в виду.

– Конечно, нет. Прошло всего две недели.

– Почему же вы не открылись?

– А смысл?

– Разве вы не думаете, что ваш муж заслуживает права знать?

– Это просто причинило бы ему боль.

– Ваш сын может ему рассказать.

– Бен не расскажет. Мы с ним уже побеседовали об этом.

– Когда вы были тут в прошлый раз, вы определили свою депрессию по шкале от одного до десяти баллов на семь. А как сегодня? Вы чувствуете себя лучше, хуже или точно так же?

– Так же.

Пэм открыла ящик стола и вытащила маленький белый пузырек, в котором постукивали таблетки.

– Вы принимали лекарства?

– Да, – солгала Тереза.

Пэм поставила пузырек на стол.

– По одной на ночь, как и раньше. Вам хватит их до следующего приема.

Тереза села, чувствуя себя так, как всегда по окончании этих сеансов, – эмоционально выпотрошенной.

– Могу я кое о чем спросить? – осведомилась она.

– Конечно.

– Полагаю, вы много разговариваете с людьми. Выслушиваете рассказы об их личных страхах. Будет ли это место когда-нибудь ощущаться домом?

– Не знаю, – сказала Пэм и встала. – Это полностью зависит от вас.

Глава 05

Морг находился в подвальном этаже больницы, отделенный от нее парой дверей без окон, в дальнем конце восточного крыла.

Люди Пилчера прибыли туда с телом раньше Итана; они стояли возле входа, одетые в джинсы и фланелевые рубашки.
Тот из двоих, что повыше, мужчина с нордическими чертами лица – глава охраны Пилчера, – явно был расстроен.

– Спасибо, что привезли ее, – сказал Итан, пройдя мимо этих двоих и открыв плечом дверь. – Ждать вам необязательно.

– Нам велено подождать, – ответил блондин.

Бёрк закрыл за собой дверь.

В морге пахло моргом. Антисептик не полностью прятал въевшийся мускус смерти.

Сильно перепачканный пол, выложенный белой плиткой, имел легкий наклон в сторону большого дренажа в центре комнаты.

Алисса лежала голая на столе для аутопсии из нержавейки.

За столом была раковина, которая подтекала, и звук капающей воды эхом отдавался от стен.

Итан лишь один раз побывал в этом морге. Тогда ему здесь не понравилось, и сейчас, когда здесь находился труп, он счел это заведение еще менее очаровательным. Тут не было ни окон, ни другого источника света, не считая лампы для осмотра. Если встать у стола для аутопсии, обнаружишь, что все остальное теряется в темноте.

Поверх «кап-кап-кап» раздавался гул холодильной камеры морга с выдвижными ящиками – шесть таких ящиков располагались в стене рядом с раковиной.

По правде говоря, Итан не знал, что делать. Он вовсе не был коронером. Но Пилчер настаивал на том, чтобы он осмотрел тело и написал рапорт.

Бёрк положил свою стетсоновскую шляпу на весы для взвешивания органов над раковиной. Потом взялся за лампу.

В резком свете раны выглядели чистыми. Аккуратными. Безупречными. Никаких лоскутов кожи. Просто десятки, десятки черных окон в опустошение.

Кожа женщины была цвета крема от ожогов.

Итан переходил от одного органа к другому, изучая колотые раны.

Теперь, когда женщина лежала мертвая на столе под жестоким беспристрастным светом, стало труднее думать о ней как об Алиссе.

Итан приподнял ее левую руку, поднес к свету и внимательно рассмотрел. Под ногтями была грязь. Или кровь. Он вообразил, как руки ее отчаянно зажимают свежие раны, борясь с потоком крови, которая должна была из нее хлестать. Так почему же, если не считать дубовых листьев в волосах, она была чистой? Без потеков и пятен крови на коже? И на дороге, где он ее нашел, тоже не видно было крови. Ее явно убили где-то в другом месте, а после доставили туда. Почему из нее выпустили кровь? Чтобы перевезти, не оставив следов? Или с более зловещими намерениями?

Итан внимательно осмотрел другую руку.

Потом – ноги.

Ему не хотелось этого делать, но он коротко посветил ей между ногами.

Никаких синяков и повреждений, которые сказали бы его не натренированному взгляду, что могло иметь место изнасилование.

Поскольку он невольно обращался с телом осторожно, только с третьего раза ему удалось ее перевернуть.

Ее руки стукнули по металлическому столу.

Итан смахнул кусочки гравия и земли с ее спины. На задней части левой ноги была свежая рана, поверх шрама, оставшегося после разреза. Он догадался, что разрез сделали, чтобы вытащить микрочип.

Отодвинув лампу, Итан опустился на стальной регулируемый табурет.

От того, как она лежала, брошенная поперек холодного стола, выставленная на обозрение, униженная, что-то вспыхнуло в нем.

Итан сидел в темноте, гадая, не сделала ли это и вправду Кейт.

Спустя некоторое время Бёрк встал и подошел к дверям. Когда он появился в коридоре, люди Пилчера перестали разговаривать. Посмотрев на высокого блондина, Итан спросил:

– Могу я побеседовать с вами минутку?

– Здесь?

– Да.

Итан придержал дверь, и этот человек вошел в морг.

– Как вас зовут? – спросил Итан.

– Алан.

Бёрк показал на табурет.

– Присядьте.

– В чем дело?

– Я задам вам несколько вопросов.

Алан с сомнением посмотрел на него.

– Мне велели привезти ее сюда и поместить в холодильную камеру, когда вы закончите.

– Что ж, я еще не закончил.

– Никто ничего не говорил насчет того, чтобы отвечать на ваши вопросы.

– Перестаньте хорохориться и сядьте.

Алан не шевельнулся. Он был на добрых четыре дюйма выше Итана, косая сажень в плечах. Итан почувствовал, что невольно начинает готовиться к драке: сердце застучало чаще, надвигался боевой экстаз. Он не хотел бросаться первым, но, если он не сделает неожиданный ход, если не уложит Алана в первые несколько секунд, вероятность одолеть этого парня, сложенного как древнескандинавский бог, будет ничтожно мала.

Итан опустил подбородок на дюйм. За полсекунды до того, как он взорвался бы, оттолкнувшись пятками и ударив этого человека лбом в лицо, Алан повернулся и взял табурет, как было велено.

– Я и не хорохорился, – сказал Алан.

– Дэвид Пилчер, ваш босс, дал мне неограниченный доступ и неограниченные возможности, лишь бы я выяснил, кто это сделал. Вы же хотите, чтобы я это выяснил, не так ли?

– Конечно, хочу.

– Вы были знакомы с Алиссой?

– Да. Нас в *горе* всего сто шестьдесят человек.

– Итак, это тесно сплоченная группа?

– Очень сплоченная.

– Вы были в курсе того, чем занималась Алисса в Соснах?

– Угу.

– Значит, вы были с нею близки?

Алан уставился на тело на столе. Мускулы на его челюсти затрепетали – ярость, печаль.

– Раньше вы находились с ней в тесной связи, Алан?

– Вы знаете, что бывает, когда сто шестьдесят человек живут бок о бок, понимая, что только они и остались от всего человечества?

– Все друг друга трахают?

– Вот именно. Мы в той *горе* – семья. Мы и раньше теряли своих. По большей части Кочевников, которые не возвращались. Нарывались на то, чтобы их сожрали. Но такого, как сейчас, никогда еще не случалось.

– Все потрясены?

– Еще как. Вы же знаете, что только поэтому Пилчер позволил вам этим заниматься? Он отстранил нас всех от расследования ее смерти.

– Чтобы избежать возмездия.

Едва уловимая, яростная улыбка тронула уголок рта Алана.

– Вы хоть представляете, какую резню я могу учинить в этом городе с отрядом из десяти вооруженных мужчин?

– Вы ведь понимаете, что не все в Заблудших Соснах виновны в ее смерти.

– Как я уже сказал, Пилчер не зря позволил вам заправлять шоу.

– Расскажите мне о задании Алиссы.

– Я знал, что она живет в городе. Но деталей вообще-то не знал.

– Когда вы виделись с ней в последний раз?

– Две ночи тому назад. Алисса иногда возвращалась в *гору*, чтобы там переночевать. Странное дело. Вы видели наши бараки?

– Думаю, да.

– Они без окон. Мы ютимся в маленьких, безликих, тесных комнатушках. В Соснах она получила в свое распоряжение целый дом, но скучала по ночевкам в своей комнате в *горе*. Подумать только! Учитывая то, кем она была, она могла бы жить, где угодно, делать все, что взбредет в голову… Но она выполняла свою долю работы. Она была одной из нас.

– Что вы имеете в виду – «учитывая то, кем она была»?

– А вы не знаете?

– Не знаю чего?

– Блин. Слушайте, не в моем положении об этом говорить.

– Что я упустил?

– Забейте, ладно?

Ладно. До поры до времени.

– Итак, где вы виделись с ней в последний раз? – снова спросил Итан.

– В столовой. Я заканчивал есть, когда она появилась. Взяла свой поднос и подошла.

– О чем вы с ней разговаривали?

Алан уставился в темноту, царившую за пределами света лампы. На короткий миг он как будто успокоился, словно воспоминания доставляли ему удовольствие.

– Да ни о чем глубоком. Ни о чем запоминающемся. Просто о том, как прошел день. Мы оба штудировали одну и ту же книгу и говорили о том, какое она покамест производит на нас впечатление. И еще о всяких других вещах, просто это мне

запомнилось ярче остального. Она всегда была моим другом и иногда – любовницей. Нам всегда было друг с другом легко, и я не знал, что в последний раз вижу ее живой.

– Вы не обсуждали ее работу в городе?

– Кажется, я спросил, как продвигается задание. И она сказала что-то вроде: «Скоро все закончится».

– Как вы думаете, что она имела в виду?

– Не знаю.

– И это было все?

– И это было все.

– Почему Пилчер попросил именно вас перевезти ее тело? Это было слегка бесчувственно, учитывая…

– Я сам попросился на это задание.

– О.

Итан с раздражением понял, что ему начинает нравиться Алан. Бёрк воевал вместе с такими мужчинами, как он, и узнавал эту жесткую вежливость. Бесстрашие и верность, подкрепленные потрясающей физической силой.

– Есть еще какие-нибудь вопросы, Итан?

– Нет.

– Найдите тех, кто это сделал.

– Найду.

– И задайте им жару.

– Хотите, я помогу убрать ее в ящик?

– Нет, я сам позабочусь об этом. Но сперва мне бы хотелось немного с нею посидеть.

– Конечно.

Итан схватил с весов свою шляпу.

У дверей он остановился и оглянулся. Алан пододвинул табурет ближе к столу для аутопсии и потянулся к руке Алиссы.

Глава 06

Тереза сидела на переднем крыльце, ожидая мужа. Листья осины во дворе трепетали и шуршали, и свет, проникающий сквозь ветви, размазывал дрожащие тени по газону из «астротэфа»[11] («зеленее, чем трава!»).

Она заметила Итана, который шел по Шестой улице – медленнее обычного. У него была странная походка, и он припадал на правую ногу. Вот он свернул с тротуара и двинулся по выложенной камнями дорожке. Тереза поняла, что ему больно идти, но при виде жены он спрятал напряжение под широкой улыбкой.

– Тебе больно, – сказала она.

– Пустяки.

Тереза встала и сошла по ступенькам на траву, которая уже была прохладной под обутыми в сандалии ногами. Протянув руку, дотронулась до бледно-лилового синяка на левой стороне его лица.

Итан вздрогнул.

– Тебя кто-то ударил?

– Нет, всё в полном порядке.

– Что случилось?

– Я разбил машину.

– Когда?

– Вчера ночью. Невелика беда.

– Ты был в больнице?

– Я в полном порядке.

– Ты не проверился?

– Тереза…

– Что случилось?

– Кролик или кто-то типа кролика выскочил перед машиной. Я свернул, чтобы его не сбить. И перевернулся.

– Ты перевернулся?

– Я в порядке.

– Мы немедленно отправляемся в больницу.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Я не поеду в больницу. Брось об этом толковать. Ты выглядишь изумительно. Есть повод?

– А что, должен быть повод, чтобы выглядеть изумительно?

– Ты знаешь, о чем я.

– Ты забыл.

– Очень даже может быть. У меня была сумасшедшая парочка дней. О чем же я забыл?

– Мы обедаем у Фишеров.

– В смысле – этим вечером?

– Через пятнадцать минут.

На мгновение Терезе показалось, что Итан может сказать: они никуда не пойдут, они просто отменят этот поход в гости. Мог ли он так поступить? Было ли это в его власти?

– Хорошо. Дай мне вылезти из этой поганой одежды, и через пять минут я спущусь.

*** * ***

Тереза разговорилась с миссис Фишер две недели назад на субботнем утреннем фермерском рынке – дружелюбный обмен репликами после того, как обе они потянулись за одним и тем же огурцом.

Потом на прошлой неделе у Бёрков однажды вечером зазвонил телефон. Женщина на другом конце провода представилась как Меган Фишер. Она хотела пригласить Итана и Терезу на обед в следующий четверг. Смогут ли они прийти?

Конечно, Тереза знала, что Меган не проснулась с утра со жгучим желанием обзавестись новыми друзьями. Она получила по почте письмо с *предложением* связаться с Бёрками. Тереза тоже получала свою долю подобных писем и полагала, что с определенной стороны это имело смысл. Учитывая запрет, наложенный на настоящие человеческие контакты, она никогда не взяла бы на себя смелость по собственной инициативе устраивать встречи с соседями. Все это было слишком напряженно и странно.

Было настолько легче просто исчезнуть в своем личном мирке.

*** * ***

Тереза и Итан шли посередине улицы, держась за руки. В правой руке Тереза сжимала ковригу хлеба, все еще теплую, прямо из печи.

Бен остался дома, и было такое ощущение, что они с Итаном улизнули на ночное свидание.

В переулке водворилась сочная вечерняя прохлада.

Они слегка опаздывали, было уже несколько минут восьмого. «Ужин с Гектором» начался, и бархатная красота его пианино кралась из каждого открытого окна.

– Ты помнишь, чем занимается мистер Фишер? – спросила Тереза.

– Он юрист. Его жена – учительница. Учительница Бена.

Конечно, Тереза знала, что она учительница Бена, но хотела, чтобы об этом упомянул Итан. Школа была странным местом. Образование в Заплутавших Соснах являлось обязательным в возрасте от четырех до пятнадцати лет, а учебный план оставался загадкой. Тереза понятия не имела, что изучает ее сын. Детям никогда не задавали домашнего задания, и им было запрещено обсуждать с кем бы то ни было, *что* именно они проходят, – в том числе со своими родителями. Бен никогда ничем таким не делился, и Тереза слишком хорошо понимала ситуацию, чтобы допытываться. Единственный раз, когда им разрешалось заглянуть в окно, ведущее в школьный мир, – это игра в честь завершения учебного года. Она происходила в июне, и в Соснах этот праздник соперничал с Рождеством и Днем Благодарения.

Три года назад объектом «красного дня» стал родитель, который силой прорвался в школу. Тереза гадала, как много известно Итану.

– И какой отраслью закона занимается мистер Фишер?

Тереза знала, что это глупый вопрос. По всей вероятности, мистер Фишер сидел в тихом офисе, в который редко кто-нибудь заходил и звонил, – в точности как и она сама.

– Не знаю наверняка, – ответил Итан. – Нам придется внести этот вопрос в список вещей, о которых стоит поговорить.

Он сжал ее руку. В голосе мужа Тереза услышала сарказм. Никто больше не уловил бы его, но для нее сарказм был жгучим. Она подняла на Итана глаза, улыбнулась. В его глазах было нечто понимающее, объединяющее их. Близость благодаря непроизнесенной шутке. Со времени возвращения Итана Тереза еще ни разу не чувствовала себя к нему настолько близкой.

Она могла вообразить целую жизнь, проведенную в попытках создать такие краткие вспышки связи между людьми.

*** * ***

Фишеры жили в уютном доме на северной окраине города.

Меган Фишер отворила дверь прежде, чем Итан успел постучать. Ей было лет двадцать пять, и она выглядела очень хорошенькой в белом платье с кружевом по подолу. Коричневая повязка, удерживавшая ее волосы, была того же цвета, что и ее загорелые веснушчатые плечи.

Улыбка ее напомнила Терезе улыбку кинозвезды – зубастая, широкая и, если слишком пристально всматриваться, не совсем настоящая.

– Добро пожаловать в наш дом, Тереза и Итан! Мы просто в восторге, что вы смогли к нам выбраться!

– Спасибо за приглашение, – сказал Бёрк.

Тереза преподнесла хлеб, завернутый в ткань. Меган неодобрительно склонила голову к плечу.

– Ну я же говорила, чтобы вы ничего не приносили!

И все-таки приняла хлеб.

– Ой, он еще теплый!

– Только что из печи.

– Пожалуйста, заходите.

Тереза сдернула с головы Итана ковбойскую шляпу.

– Я могу ее взять, – сказала Меган.

Дом пах ужином, а ужин пах хорошо. Жар, исходящий из кухни, доносил с собой запах цыпленка, жарящегося с чесноком и картофелем.

Брэд Фишер в столовой заканчивал последние приготовления у стола со свечами, тщательно сервированного на четверых.

Он вышел в прихожую с улыбкой и протянутой рукой. На два или три года старше жены и, как показалось Терезе, все еще в рабочем костюме. Черные ботинки с декоративными дырочками, серые слаксы, рубашка из белой оксфордской ткани, с закатанными выше локтей рукавами. У него был вид молодого юриста, от которого веяло жестким, агрессивным интеллектом.

Итан потряс его руку.

– Шериф, как замечательно, что вы посетили мой дом.

– Замечательно быть здесь.

– Здравствуйте, миссис Бёрк.

– Пожалуйста, зовите меня Тереза.

Меган сказала:

– Мне нужно закончить пару дел, прежде чем мы сядем. Тереза, не хотите помочь мне на кухне? А парни могут насладиться пивом на заднем крыльце.

* * *

Тереза вымыла пакет зелени для салата. В окно над раковиной она видела на фоне травы Итана и Брэда со стаканами виски. Трудно было сказать, в самом ли деле они разговаривают. Двор был огорожен забором, а сразу же за участком взмывал на тысячу футов утес, сложенный из множества постепенно уменьшающихся, утыканных соснами уступов.

– У вас красивый дом, Меган, – сказала Тереза.

– Спасибо. Вы слишком добры.

– Я знаю, в этом году вы учите моего сына…

Тереза не собиралась этого говорить, слова просто вырвались сами собой. Момент мог бы стать неловким, но Меган любезно отозвалась:

– Да, так и есть. Бен – замечательный мальчик. Один из лучших моих учеников.

И больше ничего не сказала.

Беседа продвигалась урывками.

Тереза нарезала теплую свеклу синевато-багровыми кружками.

– Куда это положить? – спросила она.

– Сюда будет в самый раз.

Меган протянула деревянное блюдо, и Тереза зачерпнула две пригоршни. Она подумала, что свекла пахнет землей, и это был странно приятный запах.

– Вы работаете в недвижимости, так? – спросила Меган.

– Да.

– Я видела вас через переднее окно – вы сидели за тем столом… – Меган доверительно подалась к Терезе. – Брэд и я пытаемся… если вы понимаете, что я имею в виду.

– В самом деле?

– Если нам повезет и мистер Аист доставит нам особенную посылку, мы будем искать на рынке недвижимости жилье попросторней. Может, придем повидаться с вами. Давайте вы будете нашим агентом? Покажете нам некоторые из лучших предложений, какие имеются в Соснах.

– Мне бы очень хотелось помочь, – сказала Тереза.

Она все еще не могла стряхнуть осознание того, как это странно: она стоит на кухне Меган, как будто все в полном порядке. Меган появилась в городе всего пару лет тому назад, и интеграция ее была катастрофической. Она совершила две попытки побега. Пыталась выцарапать глаза прежнему шерифу. Тереза все еще помнила, как однажды днем сидела за своим столом и видела через окно, как Меган средь бела дня вырвалась на середину Главной улицы, вопя во все горло: «Какого хрена не так с этим местом? Какого хрена не так с этим местом? Вы все ненастоящие!»

Тереза ожидала, что той же ночью назначат «красный день», но телефоны не зазвонили.

Меган исчезла. А три месяца спустя Тереза снова увидела ее в городе – женщина шла по тротуару с абсолютно мирным видом. Вскоре она стала преподавать в школе. Потом вышла замуж за Брэда. Меган играла важную роль в последующих «красных днях». Даже вышла в круг с монтировкой и нанесла удар умирающему беглецу.

Теперь они вдвоем занимались готовкой, в то время как их мужья пили на улице виски.

Тереза отмывала с рук багровые пятна, а в голове ее крутился вопрос: «Как в конце концов они сломали тебя?»

****

Итан, прихлебывая виски, пристально смотрел вверх, на утес. Виски был превосходным – односолодовый шотландский. Если не считать ужасного на вкус пива, всегда имеющегося в «Биргартене», в городе, как правило, нельзя было купить выпивку. Итан полагал, что понимает ход мыслей Пилчера – жизнь в Заплутавших Соснах была достаточно напряженной, и наличие винного магазина вполне могло быстро превратить Сосны в город алкашей. Но время от времени Пилчер пускал в оборот несколько бутылок хорошего спиртного, которые появлялись в бакалейном магазине. В ресторанах наливали дорогую выпивку. А когда в городе наступал период воздержания, люди гнали самогон.

– Нормальный скотч, Итан?

– Отличный. Спасибо.

Брэд Фишер.

Лишь за последнюю неделю Итан второй раз прочел его дело.

Родился в Сакраменто.

Выпускник юридического факультета Гарварда.

Главный юрисконсульт для открывающих собственное дело в Пало-Альто.

Брэд путешествовал по Айдахо – он отправился в двухнедельную летнюю поездку со своей невестой и остановился на ночь в Заплутавших Соснах. В отчете не говорилось точно, организовал ли им Пилчер такое же столкновение, какое устроил Итану и многим другим.

Как и все остальные в Соснах, Фишеры проснулись восемнадцать сотен лет спустя в этом городе – красивой тюрьме.

Два месяца спустя после своего появления здесь первая миссис Фишер взобралась на один из утесов на северном конце города и прыгнула навстречу смерти, поджидавшей ее в пятистах футах внизу.

Это потрясло Брэда, но в остальном его интеграция прошла гладко. Никаких попыток побега. Никакого неустойчивого поведения. В личном деле этого человека был только один доклад наблюдателя. Пара внешних камер запечатлела его на прогулке позже санкционированного времени в ночь после ссоры с Меган. Отчету в конечном итоге был присвоен рейтинг НПА (неподозрительная активность), и Брэд никогда больше не привлекал к себе пристального внимания.

– Как вам новая работа? – спросил Брэд.

– Не жалуюсь. В конце концов начинаю приспосабливаться. Расскажите о своей юридической конторе.

– О, ничего особенного. Просто я и моя секретарша. Я называю это «дверной практикой». Я управляюсь со всеми, кто входит в дверь.

«Можно подумать, что кто-нибудь когда-нибудь входит в твою дверь».

Они стояли в полутьме в тени утеса и пили.

Спустя некоторое время Брэд сказал:

– Иногда я вижу на уступах вон тех утесов снежных баранов.

– Да? Никогда ни одного не видел.

Две минуты длилось молчание, потом Итан отпустил замечание о саде Фишеров.

Пунктуация молчания не была полностью неловкой.

Итан начинал понимать, что в Заплутавших Соснах эти периоды взаимного молчания был нормальными, ожидаемыми, неизбежными. Некоторые люди по натуре лучше умели поддерживать поверхностную беседу, чем остальные. Лучше придерживались правил, избегая запрещенных тем. Перед тем, как заговорить, было куда больше раздумий. Как будто они жили в моралистском романе восемнадцатого века. Итан встречался с одним-двумя жителями, которые могли быстро и, по-видимому, без усилий нырнуть в глубокий колодец одобряемого предмета разговора. Но в целом беседы в Соснах разворачивались неспешным, почти нудным темпом, и ритм их был явно чужд прежнему миру.

Прошло некоторое время с тех пор, как Итан в последний раз пил спиртное, и он уже чувствовал легкое головокружение. Внезапное отдаление от момента, который его беспокоил. Он поставил стакан скотча на изгородь и понадеялся, что пройдет не слишком много времени, прежде чем жены позовут их к столу.

*** * ***

Обед был почти милым.

Они поддерживали ничего не значащую беседу, и разговор замирал всего несколько раз. И даже тогда молчание не было тягостным, разбавляемое позвякиванием серебряных столовых приборов и фортепианной музыкой Гектора Гайтера, доносящейся из лампового радиоприемника.

Итан был практически уверен, что уже видел эту комнату на одном из мониторов Пилчера. Если он не ошибался, камера была вмонтирована в штукатурку в углу потолка над кухонным буфетом.

Он знал наверняка, что когда собираются трое или больше человек, спецы Пилчера по надзору уделяют наблюдению за таким сборищем особое внимание.

В этот самый миг за ними наблюдали.

*** * ***

После десерта они играли в «монополию». Настольные игры были очень популярны на званых обедах: они имели четкие правила и позволяли людям смеяться, шутить и общаться с большей непосредственностью, деля чувство цели и соперничества.

Мужчины против женщин.

Тереза и Меган вскоре захватили Парк-плейс и Променад.

Итан и Брэд сосредоточились на инфраструктуре – железных дорогах, коммунальных службах, водопроводных станциях.

Около девяти тридцати Итан положил крошечный металлический башмачок на Променад.

Засим последовало банкротство.

* * *

Бёрки помахали Фишерам с подъездной дорожки – молодая пара стояла рука об руку на освещенном переднем крыльце. Хозяева и гости перекрикивались, сообщая о том, как им было весело, обещая скоро снова собраться вместе.

Тереза и Итан отправились домой.

На улице не было никого, кроме них двоих.

Сверчок стрекотал из динамика, спрятанного в кустах, мимо которых они прошли, и Итан поймал себя на том, что притворяется, будто сверчок настоящий. Будто все это настоящее.

Тереза потерла локти.

– Хочешь, дам тебе свою куртку? – спросил Итан.

– Я в порядке.

– Милая супружеская пара, – сказал Бёрк.

– Пожалуйста, никогда так со мной не поступай, дорогой.

– Не поступать как?

Она снизу вверх взглянула на Итана в темноте.

– Ты знаешь.

– Не знаю.

– Поверхностная беседа. Заполнение тишины всякой чепухой. Я занимаюсь этим каждый божий день и буду продолжать делать то, что мне велят. Но я не могу заниматься этим с тобой, такого я не вынесу.

Итан мысленно вздрогнул. Гадая, есть ли поблизости микрофон, который улавливает эту беседу. Судя по его ограниченному опыту в *горе* и изучению отчетов наблюдателей, он знал, что услышат ли беседу, ведущуюся на улице, или не услышат – вопрос везения. Даже если их разговор записывался, не похоже, чтобы Тереза открыто нарушала какое-то правило. Но она подступила опасно близко к сумрачной территории. Она признавала странность ситуации и выражала вслух неудовлетворение тем, как тут обстоят дела. По крайней мере, последний обмен репликами тянул на рапорт.

– Веди себя осторожнее, – сказал Итан почти шепотом.

Тереза выпустила его руку и остановилась посредине улицы, уставившись на него глазами, на которые начали наворачиваться слезы.

– Рядом с кем? – спросила она. – Рядом с тобой?

* * *

Посреди ночи телефон Итана зазвонил.

Он спустился по лестнице и взял трубку.

– Простите, что так звоню поздно, – сказал Пилчер.

– Да ничего. Всё в порядке?

– Нынче вечером я перемолвился словцом с Аланом. Он сказал, что вы с ним были сегодня в морге.

– Да, он был весьма услужлив.

– Это нелегко, – сказал Пилчер. Голос его стал хриплым, будто он начал плакать. – Итан, вы должны кое о чем узнать.

Глава 07

Аудитория Кан,

Северо-Западный университет,

Чикаго, 2006

Аудитория на тысячу мест была полна, и огни, сияющие из оркестровой ямы, слепили глаза.

Двадцать лет назад после чтения лекции при полном аншлаге он был бы в экстазе ближайшие несколько дней, но он давно уже оставил волнение позади. Этот лекционный тур, если не считать сбора столь необходимых средств, не приблизит его к завершению работы. В последнее время ему хотелось лишь одного – быть в своей лаборатории. Ему оставалось провести в этом мире лишь семь лет, и следовало считать каждую секунду.

Когда аплодисменты стихли, он выдавил улыбку, поднял глаза от своих записок и положил руки на кафедру.

Вступление он мог произнести по памяти. Дьявол, он мог бы произнести по памяти все, это была десятая и последняя лекция цикла.

Он начал:

– Приостановленная жизнедеятельность – это не концепция науки двадцатого века. Не мы ее изобрели. Она принадлежит, как и все великие загадки мироздания, самой природе. Возьмем семя лотоса. Оно все еще может давать ростки спустя тринадцать сотен лет. Споры бактерий, открытые в пчелином улье, идеально сохраняются и жизнеспособны спустя десятки миллионов лет. И не так давно ученые из Уэстчестерского университета успешно оживили бактерию, которая двести пятьдесят миллионов лет была замурована в соляных кристаллах глубоко под землей. Квантовые физики, похоже, намекают на возможность путешествия во времени, и, хотя это интригует, их теории применимы лишь к частицам на субатомном уровне. Настоящее путешествие во времени не нуждается в пространственно-временных туннелях или конденсаторах временных потоков[12].

В аудитории прошелестел смех. Эта фраза всегда заставляла смеяться.

Он улыбнулся всем лицам, которые не мог видеть.

Как будто их там вообще не было.

Не было ничего, кроме спрессованной энергии, огней и жара огней.

– Настоящее путешествие во времени уже здесь, – сказал он, – оно было тут целую вечность, происходило в природе; вот туда мы, ученые, и должны смотреть.

То была сорокапятиминутная презентация, и в течение всего времени его мысли витали где-то в других местах – в крошечном городке Заплутавшие Сосны, в Айдахо, который все больше и больше ощущался домом.

С его коллектором Хавьером, который пообещал доставить десять новых «рекрутов» к концу года.

С последней фазой его исследований и предстоящей продажей их результатов военным – продажей, которая полностью покроет все грядущие расходы.

Закончив лекцию, он принялся отвечать на вопросы; люди выстроились в очередь к микрофону, установленному перед центральным проходом.

Четвертый вопрос задала студентка-биолог с длинными черными волосами. То был неизбежный вопрос, рано или поздно задававшийся после каждой его лекции.

– Большое спасибо, что пришли сюда, доктор Пилчер, – сказала она. – То была высокая честь – несколько дней принимать вас в кампусе.

– Это честь для меня.

– Вы много говорили насчет медицинского применения приостановки жизнедеятельности – об использовании консервации для того, чтобы поддержать жизнедеятельность пациентов с травмами до тех пор, пока те не смогут получить надлежащее лечение. Но как насчет того, на что вы ссылались в самом начале лекции?

– Вы имеете в виду путешествие во времени? – спросил Дэвид. – Эту забаву?

– Именно.

– Ну, я просто старался привлечь ваше внимание.

Все засмеялись.

– У вас получилось, – сказала студентка.

– Вы спрашиваете, считаю ли я такое путешествие возможным.

– Да.

Он снял очки и положил их на свой блокнот в кожаном переплете.

– Что ж, об этом наверняка весело помечтать, не так ли? Знаете, уже были проведены успешные испытания на мышах – их консервация с помощью гипотермии. Но, как вы можете себе представить, заполучить подопытных людей, подписавшихся бы под участием в подобном эксперименте, – совершенно другое дело. Особенно когда речь идет о долгосрочной спячке. Возможна ли такая спячка? Да. Я так считаю. Но мы все еще в десятилетиях от нее. На сегодняшний день, боюсь, приостановка жизнедеятельности в качестве путешествия во времени для человечества – лишь тема для плохой научной фантастики.

*** * ***

Ему все еще аплодировали, когда он прошел за кулисы.

Молодая да ранняя сопровождающая, которая не отходила от него все время, пока он был в кампусе, ожидала его за кулисами с ослепительной улыбкой.

– Это было так изумительно, доктор Пилчер, о Господи, я так воодушевлена!

– Спасибо, Амбер. Я рад, что вам понравилось. Вы не возражаете показать мне ближайший выход?

– Но вы же будете подписывать книги?

– Сперва мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Она провела его по задним коридорам, мимо гардеробных, а потом – к двойным дверям в задней части здания рядом с погрузочной площадкой.

– Все в порядке, доктор Пилчер? – спросила она.

– Конечно.

– И вы вернетесь? Все уже выстраиваются в очередь к столу, за которым вы будете подписывать книжки. У меня есть тоже книга, чтобы вы на ней подписались.

– Я бы такого не пропустил.

Дэвид вышел в дверь и шагнул в переулок.

Темнота, тишина и прохлада были так приятны.

Разило от ближайших свалок, и он слышал, как вдалеке рокочет центральное отопление на верху аудитории.

То был период между Благодарением и Рождеством, приближался осенний семестр, в воздухе стоял запах гниющих листьев, и в кампусе в преддверии экзаменационной недели воцарилась тишина.

Его автомобиль – черный «Субару» – был припаркован в переулке.

На капоте сидел Арнольд Поуп, закутавшись в куртку «Норд фейс»[13], и читал книгу при свете уличного фонаря.

Когда Дэвид подошел, Арнольд спросил:

– Как прошло?

– Всё позади, тур закончен, и это хорошо.

– Вы уже кончили раздавать автографы?

– Это я пропущу. Маленький подарок самому себе.

– Мои поздравления. Давайте доставим вас обратно в центр города. – Арнольд закрыл книжку в бумажной обложке.

– Еще рано. Я хочу сперва немного прогуляться по кампусу. Если меня будут спрашивать…

– Я вас не видел.

– Молодец.

Дэвид потрепал Арнольда по руке и пошел по переулку.

Поуп был с ним уже четыре года, сперва в качестве шофера, но в прошлом он служил в правоохранительных органах, и Дэвид позволил ему заниматься также сбором информации. Этот человек был талантливым, одаренным – и жутким.

Дэвид начал ценить не только проницательность Поупа в расследованиях, но и его советы. Арнольд быстро становился его правой рукой.

Перейдя Шеридан-роуд, Дэвид вскоре понял, что бредет в чистом поле.

Несмотря на поздний час, витражные стекла окон библиотеки светились.

Небо было ясным, луна висела над шпилями большой готической усадьбы вдалеке.

Пилчер оставил свое пальто в «Субару», и холодный ветер, дующий с озера, до которого было меньше мили, проникал сквозь шерстяной пиджак.

Но это было хорошо.

Он чувствовал себя хорошо.

Живым.

Пройдя полдороги через Диринг-мидоу, он уловил в ветре запах сигаретного дыма.

Еще два шага – и он почти споткнулся о нее.

Удержался и, качнувшись, сделал шаг назад.

Сперва он увидел красный огонек тлеющего табака, а потом, когда глаза привыкли к разгорающемуся лунному свету, увидел за сигаретой девушку.

– Простите, – сказал Пилчер. – Я вас не заметил.

Она взглянула на него снизу вверх, подтянув колени к груди. Глубоко затянулась сигаретой – огонек вспыхивал и угасал, вспыхивал и угасал.

Даже при скудном свете было видно, что она не из здешних студенток.

Дэвид опустился на колени.

Она бросила на него быстрый взгляд.

Она дрожала.

Рюкзак, лежащий рядом с ней на траве, был набит битком.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Да.

– Что вы тут делаете?

– А какое вам дело, блин? – Она продолжала курить. – Вы что, типа здешний профессор?

– Нет.

– Ну, и чего *вы* тут делаете в темноте и на холоде?

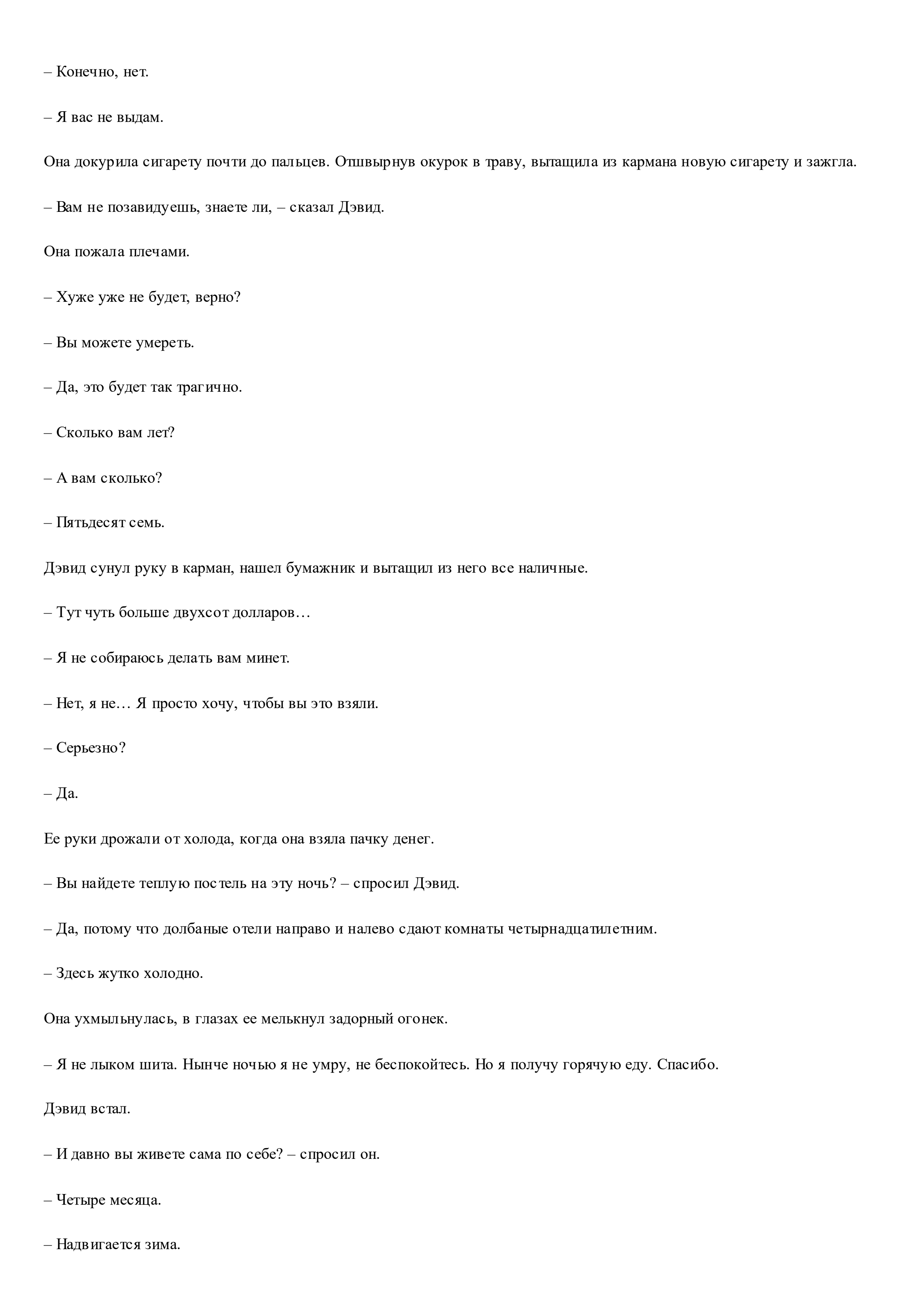
– Не знаю. Просто мне нужно было на минутку убраться от людей. Привести в порядок мысли.

– Мне знакомо это чувство, – сказала она.

Когда луна выбралась из-за шпилей усадьбы, свет ее озарил лицо девушки.

Ее левый глаз были черным, припухшим, полузакрытым.

– Вас кто-то ударил, – сказал он и снова посмотрел на ее рюкзак. – Вы сама по себе, одна-одинешенька?

– Конечно, нет.

– Я вас не выдам.

Она докурила сигарету почти до пальцев. Отшвырнув окурок в траву, вытащила из кармана новую сигарету и зажгла.

– Вам не позавидуешь, знаете ли, – сказал Дэвид.

Она пожала плечами.

– Хуже уже не будет, верно?

– Вы можете умереть.

– Да, это будет так трагично.

– Сколько вам лет?

– А вам сколько?

– Пятьдесят семь.

Дэвид сунул руку в карман, нашел бумажник и вытащил из него все наличные.

– Тут чуть больше двухсот долларов…

– Я не собираюсь делать вам минет.

– Нет, я не… Я просто хочу, чтобы вы это взяли.

– Серьезно?

– Да.

Ее руки дрожали от холода, когда она взяла пачку денег.

– Вы найдете теплую постель на эту ночь? – спросил Дэвид.

– Да, потому что долбаные отели направо и налево сдают комнаты четырнадцатилетним.

– Здесь жутко холодно.

Она ухмыльнулась, в глазах ее мелькнул задорный огонек.

– Я не лыком шита. Нынче ночью я не умру, не беспокойтесь. Но я получу горячую еду. Спасибо.

Дэвид встал.

– И давно вы живете сама по себе? – спросил он.

– Четыре месяца.

– Надвигается зима.

– Я предпочту замерзнуть до смерти, чем вернуться в еще одну приемную семью. Вы понятия не имеете…

– Я рос в красивом районе Гринвича, штат Коннектикут. Милый маленький городок всего в сорока минутах езды на поезде от Гранд-сентрал[14]. Заборчики. Малыши, играющие на улицах. Это было в пятидесятые годы. Вы, вероятно, не знаете, кто такой Норман Рокуэлл[15], но именно такое место он бы нарисовал. Когда мне было семь, однажды в пятницу вечером родители оставили меня вместе с сестрой. Они собирались поехать в город, поужинать и сходить в кино. Они так и не вернулись.

– Они вас бросили?

– Они погибли в автомобильной катастрофе.

– О…

– Никогда не считайте, что вы знаете, откуда родом кто-то другой.

Пилчер пошел прочь, штанины его брюк рассекали траву.

Она окликнула:

– К тому времени, как вы расскажете копам, что видели меня, я уже исчезну!

– Я не расскажу копам, – ответил Дэвид.

Пройдя еще десять шагов, он остановился.

Оглянулся.

И пошел обратно.

Снова опустился перед ней на колени.

– Я так и знала, что вы – долбаный извращенец, – сказала она.

– Нет, я ученый. Послушайте, я мог бы дать вам настоящую работу. Теплое место, где можно жить. Защиту от улиц, копов, ваших родителей, социальных служб – всего, от чего вы убегаете.

– Отвалите, блин!

– Я остановился в центре города в отеле «Дрейк». Моя фамилия Пилчер. У меня уже будет наготове ваш личный, собственный номер, если вы передумаете.

– На вашем месте я бы не стала дожидаться.

Он встал.

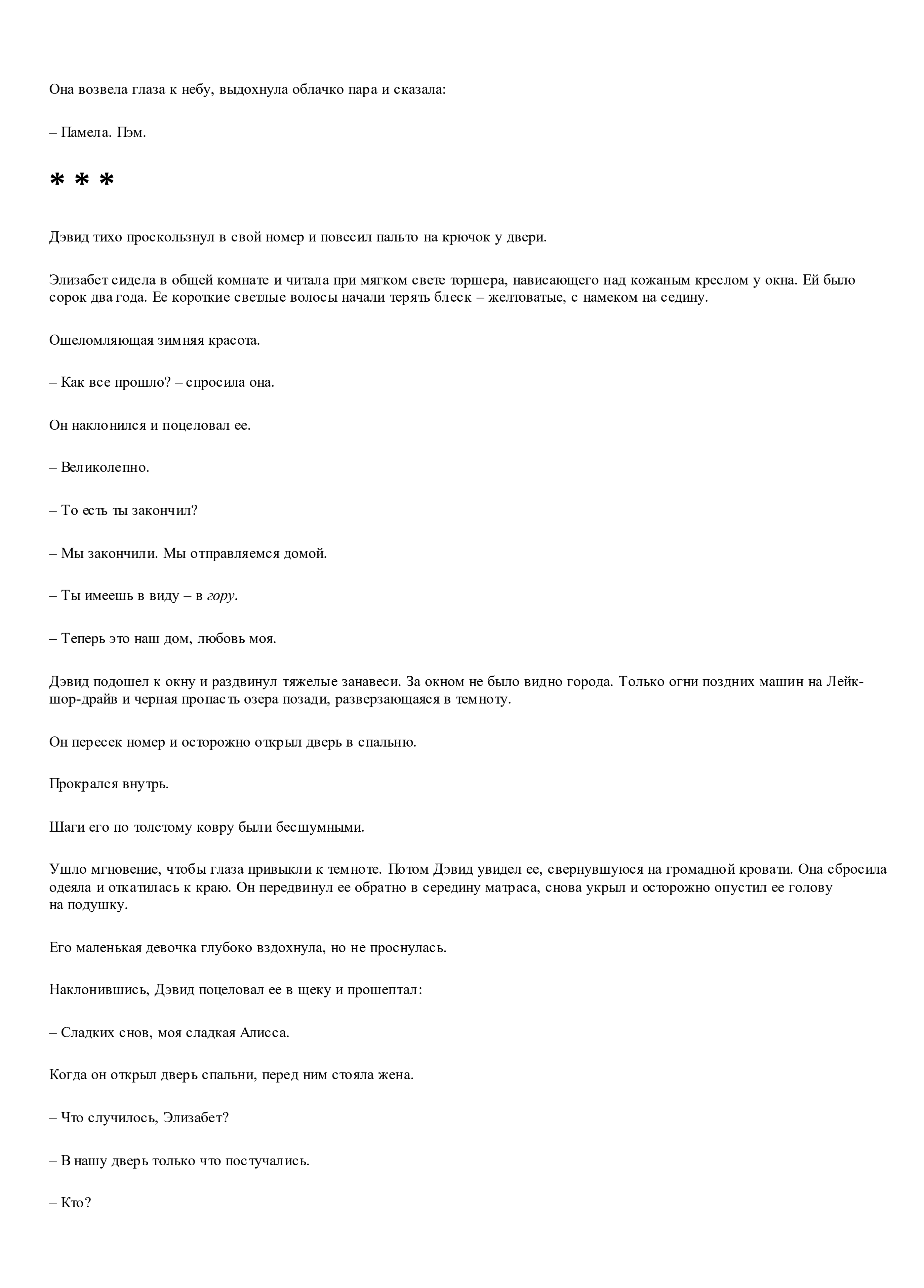
– Берегите себя. Между прочим, меня зовут Дэвид.

– Желаю приятной жизни, Дэвид.

– Как вас зовут?

– А вам какое дело?

– Если честно – не знаю.

Она возвела глаза к небу, выдохнула облачко пара и сказала:

– Памела. Пэм.

*** * ***

Дэвид тихо проскользнул в свой номер и повесил пальто на крючок у двери.

Элизабет сидела в общей комнате и читала при мягком свете торшера, нависающего над кожаным креслом у окна. Ей было сорок два года. Ее короткие светлые волосы начали терять блеск – желтоватые, с намеком на седину.

Ошеломляющая зимняя красота.

– Как все прошло? – спросила она.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Великолепно.

– То есть ты закончил?

– Мы закончили. Мы отправляемся домой.

– Ты имеешь в виду – в *гору*.

– Теперь это наш дом, любовь моя.

Дэвид подошел к окну и раздвинул тяжелые занавеси. За окном не было видно города. Только огни поздних машин на Лейк-шор-драйв и черная пропасть озера позади, разверзающаяся в темноту.

Он пересек номер и осторожно открыл дверь в спальню.

Прокрался внутрь.

Шаги его по толстому ковру были бесшумными.

Ушло мгновение, чтобы глаза привыкли к темноте. Потом Дэвид увидел ее, свернувшуюся на громадной кровати. Она сбросила одеяла и откатилась к краю. Он передвинул ее обратно в середину матраса, снова укрыл и осторожно опустил ее голову на подушку.

Его маленькая девочка глубоко вздохнула, но не проснулась.

Наклонившись, Дэвид поцеловал ее в щеку и прошептал:

– Сладких снов, моя сладкая Алисса.

Когда он открыл дверь спальни, перед ним стояла жена.

– Что случилось, Элизабет?

– В нашу дверь только что постучались.

– Кто?

– Девочка-подросток. Она сказала, что ее зовут Пэм. Что ты велел ей сюда прийти. Она ожидает тебя в коридоре.

Часть II

Глава 08

Тобиас отвязал свой бивуачный мешок и спустился с сосны. В угасающем свете он примостился за кру́гом камней и, набравшись храбрости, высек искру с помощью кремня и стали. Это был риск, всегда – риск. Но прошло несколько недель с тех пор, как он чувствовал тепло огня. С тех пор, как бросал сосновые иглы в котелок с кипящей водой и позволял чему-то теплому потечь в глотку.

Он тщательно обследовал это место. Никаких отпечатков ног. Никакого дерьма. Ничего, указывавшего на то, что место это посещает кто-то еще, кроме оленихи да пары оленей-самцов. Он видел пучок грубой белой шерсти, запутавшейся в шипах малинового куста.

Тобиас высек искру на кусочек бумажной растопки. Желтое пламя лизнуло ее, занялось и охватило сверток мха с сухими веточками пихты. Красновато-коричневые острые иглы вспыхнули, от сухого дерева начал виться дымок.

Сердце его охватило первобытное радостное волнение.

Тобиас соорудил над разгорающимся огнем пирамидку из палочек и протянул руки к теплу. Он не мылся с тех пор, как в последний раз пересек реку, а это было не меньше месяца тому назад. Он все еще помнил, как уловил в зеркально-гладком потоке свое отражение – борода по грудь, прилипшая к коже грязь. Он смахивал на пещерного человека.

Тобиас добавил в огонь единственное бревнышко и прислонился к дереву. Он чувствовал себя почти в безопасности в этой маленькой сосновой роще, но не было смысла испытывать удачу, которую он и так испытывал много раз, рискуя, что она закончится.

Со дна своего рюкзака фирмы «Келти» он вытащил однолитровый походный титановый котелок и до половины наполнил его водой из последней оставшейся бутылки. Кинул туда пригоршню остро пахнущих сосновых иголок, только что сорванных с ветки.

Расслабившись в ожидании, когда вскипит чай, он почувствовал себя почти человеком, чего не случалось уже целую вечность.

***

Он выпил котелок чая и позволил огню угаснуть. Прежде чем окончательно остаться без света, обследовал содержимое своего рюкзака.

Шесть однолитровых бутылок воды, лишь одна из них еще наполовину полна.

Кресало и кремень.

Аптечка первой помощи, в которой осталась единственная таблетка ибупрофена.

Упаковка вяленой говядины.

Курительная трубка, картонная книжечка спичек и остаток табака, который он приберег для последней ночи в глуши – если такая ночь вообще наступит.

Последняя коробка патронов к «винчестеру» калибра.30–30.

Револьвер «Смит-и-Вессон» калибра.357, патроны к которому у него закончились больше года назад.

Коробочка с наживкой.

Дневник в кожаной обложке, упакованный в полиэтилен.

Он вынул кусочек вяленого мяса и соскреб с него налет плесени. Позволил себе откусить пять маленьких кусочков, прежде чем вернуть мясо в пакет. Допил чай из сосновых иголок и уложил все обратно в рюкзак. Вскинул рюкзак на плечо, вскарабкался по дереву на высоту двадцать футов к своей засидке и прикрепил бивуачный мешок к ветке.

Тобиас расшнуровал туристические ботинки – подметки их давным-давно прохудились, кожа начала разваливаться – и привязал их шнурками к дереву. Высунул руки из-под плаща «Барбур»[16]. Плащ еще много месяцев назад следовало бы основательно навощить, но покамест он все еще помогал оставаться сухим.

Тобиас забрался в бивуачный мешок и застегнулся в нем.

Ух ты, как от него разит!.. Можно было подумать, что он приобрел свой собственный мускусный запах.

Мысли бежали нескончаемой чередой.

Шансы на то, что большая стая наткнется на эту рощу, были довольно малы. Разве что небольшая группа или одиночка – а это уже лучше.

План разбить бивуак на дереве сулил в равной степени и плохие, и хорошие стороны.

Хорошая сторона – то, что это позволяло оставаться не на виду. Бесчисленное множество раз Тобиас слышал посреди ночи, как ломается ветка, и тихо переворачивался, чтобы уставиться с высоты в двадцать-тридцать футов на абера, крадущегося под ним.

Плохая сторона – если кто-нибудь однажды взглянет вверх, и тогда он окажется на дереве в ловушке.

Тобиас опустил руку и прикоснулся к гладкой, обтянутой кожей рукояти своего «боуи»[17]. Это было единственное стоящее оружие в его арсенале. С «винчестером» его убили бы в ближнем бою, и теперь он пользовался им только для того, чтобы охотиться ради пропитания.

Он всегда спал, держа руку на рукояти ножа, иногда просыпаясь в темной, обратной стороне полуночи, чтобы обнаружить, что сжимает его, словно талисман. Странно, что такой жестокий предмет успокаивал его душу так же, как воспоминание о голосе матери.

*** * ***

Потом он проснулся.

Сквозь ветви над головой виднелось небо.

Дыхание на холоде вырывалось облачками пара.

Вокруг царила полная тишина, не считая «тук-тук-тук» его сердца, медленно бьющегося перед рассветом.

Он выгнул шею и уставился вниз на остатки своего костра.

Белый дымок тонкой струйкой поднимался от углей.

*** * ***

Тобиас вытер росу с длинного ствола мощного ружья и вскинул на плечо бивуачный мешок. Подошел к краю рощи и присел между парой молодых деревьев.

Было чертовски холодно.

Пройдет еще ночь-другая – и ударят первые заморозки в этом году.

Сидя лицом к востоку, он вынул из кармана компас. Череда лугов и лесов постепенно поднималась к цепи гор, видневшейся вдалеке. До гор было пятьдесят, возможно, шестьдесят миль. Он не мог сказать наверняка, но цеплялся за надежду, что это те самые горы, которые некогда назывались Остроконечными[18]. Если так, он почти дома.

Подняв ружье к плечу, Тобиас уставился сквозь телескопический прицел на пространство впереди.

Ветра не было.

Трава в открытом поле не колыхалась.

В двух милях отсюда он заметил бизонов – самку и детеныша, которые щипали траву.

Следующий лесной массив, похоже, находился в трех-четырех милях впереди. Придется долго пробыть на открытом месте.

Тобиас забросил ружье за плечо и вышел из-под прикрытия деревьев.

Пройдя двести ярдов, он оглянулся на сосновую рощу позади, которая становилась все меньше.

Он провел там хорошую ночь. Костер, чай и самая близкая к спокойному отдыху ночь, какую он мог надеяться пережить в диких местах.

Тобиас вышел на солнце, чувствуя себя таким сильным, каким не чувствовал уже много дней.

С черной бородой, в черной ковбойской шляпе и черном плаще до лодыжек он походил на странствующего проповедника, посланного скитаться по миру. В некотором смысле слова, возможно, он таковым и был.

Он еще не сделал записи в дневнике, но сегодня был 1287-й день его пути.

Тобиас добрался до самого Тихого океана на западе, а на севере – дотуда, где некогда стоял великий портовый город Сиэтл.

Дюжину раз он чуть было не погиб.

Он убил сорок четыре абера. Тридцать девять – из револьвера. Трех – ножом. Двоих – в рукопашной схватке, в которой чуть не проиграл.

А теперь ему просто надо было добраться домой.

Не только из-за ожидавшей его там теплой постели, сулившей сон без вездесущей угрозы гибели. Не только из-за еды и секса с любимой женщиной, о котором он так давно мечтал. Но потому, что у него имелись новости, о которых требовалось доложить.

Господи, у него имелись *такие* новости!

Глава 09

Итан последовал за Маркусом по коридору второго уровня мимо ряда дверей с табличками «Лаборатория А», «Лаборатория В», «Лаборатория С». У дальнего конца коридора, откуда рукой было подать до лестничного пролета, провожатый Итана остановился возле двери с круглыми стеклянными окошками и вытащил ключ-карту.

– Не знаю, как долго мне придется задержаться, – сказал Итан, – но я пошлю людей известить вас, когда готов буду вернуться в город.

– Без проблем. Я все время буду рядом.

– Нет, не будете.

– Шериф, мне приказано…

– Идите и плачьтесь боссу. Может, вы и мой шофер, но не моя тень. Отныне – нет. А пока будете плакаться, выцарапайте отчеты Алиссы о выполнении ее задания.

Итан выхватил у молодого человека ключ-карту, провел ею по ридеру и пихнул обратно ему в грудь. Перешагнув через порог, повернулся, взглядом осадил провожатого и захлопнул дверь у него перед носом.

В комнате было темно, но не совсем – здешний полумрак походил на полумрак в кинотеатре за пять минут перед началом фильма.

На стене впереди висели мониторы – пять по горизонтали и столько же по вертикали. Справа от экранов виднелась еще одна дверь, в которую можно было войти с помощью ключ-карты. Итану никогда не предоставлялось право доступа к наблюдению.

Человек в наушниках развернулся вместе с вращающимся креслом.

– Мне сказали, что вы можете мне помочь, – обратился к нему Итан.

Человек встал. Он был в рубашке с короткими рукавами, застегнутой на все пуговицы, в галстуке с зажимом. Лысеющий. С усами. На его лацкане виднелось пятно, которое могло быть пятном от пролитого кофе. Судя по виду, ему было самое место в центре управления, а эта комната определенно изучала флюиды мозгового центра.

Итан подошел, но не протянул руки.

– Я уверен, вы многое обо мне знаете, – сказал он, – но, боюсь, я даже не знаю вашего имени.

– Я – Тед. Глава группы наблюдения.

Итан пытался подготовиться к этому мгновению. К встрече с человеком Пилчера номер три, с тем, кто шпионит за людьми Заплутавших Сосен в самые сокровенные их моменты. Желание сломать этому парню нос было даже сильнее, чем ожидал Итан.

«Ты наблюдал за мной и Терезой в постели?»

– Вы расследуете убийство Алиссы? – спросил Тед.

– Верно.

– Она была замечательной женщиной. Я хочу помочь вам, чем только смогу.

– Рад слышать.

– Пожалуйста, садитесь.

Итан последовал за Тедом к мониторам. Они уселись во вращающиеся кресла на колесиках. Контрольная панель выглядела так, будто могла прекрасно вписаться в инопланетный космический корабль. Техника со множеством клавиш и тачскринов выглядела куда более продвинутой, чем что-либо, запомнившееся Итану в его мире.

– Прежде чем мы начнем, – сказал Бёрк, – я хочу спросить вас кое о чем.

– Конечно.

– Все, что вы делаете, – это сидите тут и подглядываете за чужими личными делами. Верно?

Глаза Теда как будто затуманились – от стыда?

– Это моя жизнь.

– Вы были в курсе миссии, которую Алисса выполняла в городе?

– Да.

– Хорошо. Итак, вот в чем заключается мой вопрос. Вы состоите в команде самой изощренной системы наблюдения, какую я когда-либо видел. Как же вы упустили момент ее убийства?

– Мы не можем уловить все, мистер Бёрк. В городе установлены тысячи камер, но большинство из них – внутри домов. Когда четырнадцать лет тому назад появились Сосны, у нас была куда более обширная наружная сеть, но природные стихии причиняли ей значительные повреждения. Они выводили камеры из строя. И наше поле зрения резко сократилось.

– Значит, то, что произошло с Алиссой…

– Произошло в «слепом пятне», недосягаемом для камер, да.

– Эти «слепые пятна»… Вы знаете, где они находятся?

Тед снова сосредоточился на панели управления, его пальцы со скоростью света порхали по множеству тачскринов.

То, что транслировалось на мониторах, исчезло. Изображения на двадцати пяти экранах слились в одно – это был аэрофотоснимок Заплутавших Сосен.

– Итак, мы смотрим на город и долину, – сказал Тед. – Практически на каждый квадратный фут недвижимости внутри электрифицированной ограды. Мы можем приблизить любое место, какое захотим.

Изображение увеличилось, показав школу – оборудование игровой площадки резко вошло в фокус.

– Это в реальном времени? – спросил Итан.

– Нет. Это фотография сделана годы назад. Но вот сетка, на которой основаны все наши отслеживания.

Тед постучал по экрану кончиками пальцев. Появился верхний светящийся слой дей-гло[19], который покрывал бóльшую часть города.

Тед показал на экраны.

– Везде, где вы видите этот светящийся слой, у нас есть камеры, реагирующие на микрочип, которые ведут передачу в режиме реального времени. Но даже в пределах этого покрытия можно увидеть черные пятна.

Он легко прикоснулся к панели управления, и один из домов заполнил весь экран. Плоское изображение, снятое сверху, сменилось трехмерным снимком, сделанным с улицы. Одно скользящее движение пальца – и викторианские окна и деревянная обшивка стен исчезли, а изображение превратилось в интерактивный план дома.

– Как видите, в этой резиденции есть три «слепых пятна». Однако…

Светящийся люминесцентный слой сменился четким красным.

– Того, что мы зовем «слепыми пятнами», нет. Этот дом, как и все до единого жилища в городе, снабжен микрофонами, достаточными, чтобы уловить любые звуки громче тридцати децибел.

– А насколько громок звук в тридцать децибел?

Тед прошептал:

– Беседа в библиотеке.

Он вернул на экраны вид Сосен с высоты с люминесцентным верхним слоем.

– Итак, если не считать немногих «слепых пятен» в каждом доме, большинство помещений в Соснах тщательно просматриваются. Но как только вы выходите из дома, даже в городе, в фасаде системы начинают появляться трещины. Посмотрите на все эти черные области. Вот задний двор, в котором вообще нет визуального наблюдения. А с кладбищем так просто катастрофа: всего несколько камер здесь и там. И когда вы удаляетесь от центра Сосен в сторону утесов, становится только хуже. Посмотрите на те «слепые пятна» на южной стороне. Участки в двадцать акров, которые совершенно не мониторятся. Что ж, теоретически у нас есть способ справиться с этим.

Тед ткнул в какую-то кнопку на клавиатуре.

Новый верхний слой соединился с люминесцентным.

Появились сотни красных пятнышек.

Подавляющее большинство кучковались рядом с центром города на участке радиусом в шесть кварталов. Некоторые из них двигались.

– Узнаете? – спросил Тед.

– Микрочипы.

– Мы считываем четыреста шестьдесят сигналов. Одного не хватает.

– Потому что я сижу здесь, с вами?

– Верно.

Тед перевел курсор на неподвижное пятнышко в здании на Главной улице. Постучал по тачскрину. Раскрылась выноска с текстом.

Итан прочитал: «Брэд Фишер».

– Насколько мне известно, прошлым вечером вы ужинали с Брэдом и его женой. Сейчас десять часов одиннадцать минут утра, и мистер Фишер находится в своей юридической конторе. Там, где ему и положено быть. Конечно, все эти сведения могут передаваться самыми разными способами.

Все пятнышки исчезли, кроме того, которое обозначало Фишера.

Отметка времени внизу экрана начала отматываться назад.

Пятнышко двинулось к выходу из здания, потом – на север по Главной улице и вошло в свой дом.

– И как далеко во времени вы можете вернуться? – спросил Итан.

– Вплоть до интеграции мистера Фишера.

Красная точка ринулась через весь город. Отматывались назад месяцы. Годы.

– И я могу сделать так, что на экране останется его след, – сказал Тед.

След появился, повсюду возникли запутанные линии, как будто кто-то провел стилусом по экрану.

– Впечатляет, – сказал Итан.

– Конечно, вы понимаете нашу проблему.

– Система работает до тех пор, пока люди не вырезают свои микрочипы.

– Нелегкая и отнюдь не безболезненная процедура. Само собой, вам это известно.

– Итак, чем именно вы занимаетесь целый день? – спросил Бёрк.

– Вы имеете в виду – как один человек может мониторить целый город?

– Да.

– Наденьте эти наушники.

Итан схватил наушники с пульта управления.

– Вы меня слышите? – раздался в его ушах громкий и четкий голос Теда.

– Угу.

Пальцы Теда трудились над тачскринами и изображением Заплутавших Сосен, и траектория, оставленная Брэдом Фишером за все время его существования здесь, сменилась двадцатью пятью отдельными изображениями на двадцати пяти мониторах.

– Я – один из трех специалистов, занимающихся наблюдением в реальном времени, – сказал Тед. – За той дверью у нас имеются еще четыре специалиста-наблюдателя, которые проверяют отмеченный видеоматериал и круглосуточные аудиозаписи. Отслеживают интересующих людей. Составляют рапорты. Общаются с нашей командой в городе. С вами. Вы понимаете, как система собирает и сортирует информацию?

– Нет.

– Я не говорю, что видео не играет решающей роли, но вообще-то аудиозаписи – вот на что мы полагаемся больше всего. Наша система имеет новейшую и самую лучшую программу распознавания голоса, которая отслеживает определенные слова и интонации. Мы не столько ищем определенные слова, сколько скрывающиеся за ними эмоции. А еще у нас есть программа, распознающая жестикуляцию и мимику, но она менее эффективна.

– Не могли бы вы продемонстрировать?

– Конечно. Подождите минутку. Поначалу это будет сбивать с толку.

Изображения на экранах начали меняться.

Итан увидел…

…женщину, моющую посуду…

…классную комнату, в которой Меган Фишер показывает на доску…

…парк у реки, пустой…

…человека, сидящего в доме на стуле и глядящего в никуда…

…мужчину и женщину, трахающихся в душе…

И так далее, и тому подобное.

Изображения сменяли друг друга все быстрее.

Кусочки аудиозаписей.

Клочки бесед, бессмысленных, вырванных из контекста, будто ребенок крутил ручки радиоприемника, перебирая станции.

– Вы уловили? – спросил Тед.

– Нет, а что?

Изображения застыли. Одно из них заполнило все экраны.

Вид с потолка: женщина прислонилась к холодильнику, скрестив руки, обведенная контуром люминесцентной краски.

– Вот, – сказал Тед. – Это – защитная поза. Видите опознание на верхнем слое?

Перед женщиной стоял мужчина, лица которого не было видно.

– Давайте проверим, сможем ли мы посмотреть под лучшим углом.

Три вида кухни с трех разных камер промелькнули слишком быстро, чтобы Итан смог уяснить, что они передают.

– Не-а, они дают картинку не лучше.

Итан наблюдал, как правая рука Теда увеличила громкость в цифровом регуляторе на экране.

В наушниках Итана ясно зазвучала подслушанная беседа.

Женщина сказала:

– Но я видела тебя с ней.

Мужчина ответил:

– Когда?

– Вчера. Вы сидели за одним столом в библиотеке.

– Мы друзья, Донна. Вот и всё.

– Почем мне знать, что между вами нет чего-то большего?

– Потому что ты мне доверяешь? Потому что я люблю тебя и никогда бы не сделал того, что причинило тебе боль?

Тед убрал громкость.

– Ладно. Я помню эту пару. Он и вправду ей изменяет. Я помню по меньшей мере четырех женщин, с которыми он это проделывал. Настоящий подонок.

– Тогда почему вы не продолжаете отслеживать?

– Мы продолжим.

Говоря это, Тед что-то набирал на клавиатуре.

– Я прямо сейчас помечаю эту видеосъемку. Сегодня попозже один из наших спецов изучит снятый о мистере Изменщике метраж, начиная приблизительно с прошлой недели. Подтвердит, что ни одна из его свиданок не выходит из-под контроля. И завтра с утра пораньше на столы мистера Пилчера и Пэм лягут отчеты о наблюдении.

– А потом?

– Они предпримут шаги, которые сочтут необходимыми.

– Вы имеете в виду – помешают ему заниматься такими делишками?

– Если увидят в его поведении угрозу общему миру? Безусловно.

– И что они с ним сделают?

Тед поднял взгляд от панели управления и улыбнулся.

– Вы имеете в виду – что *вы* с ним сделаете. По всей вероятности, именно вам придется с этим разобраться, шериф Бёрк.

Тед снова настроил экраны на показ одного изображения: вида Заплутавших Сосен с высоты.

– Теперь у вас есть базовое понимание того, как работает наша система и каковы ее возможности. Я в вашем распоряжении. Что вы хотите увидеть?

Итан откинулся на спинку кресла.

– Вы можете вызвать отслеживающий чип Алиссы?

Красное пятнышко появилось в доме на восточном конце города.

Тед сказал:

– Очевидно, это не ее чип. В ночь своей гибели Алисса вынула микрочип и оставила его в ящике прикроватного столика.

– Я и не знал, что у Пилчера была дочь. Как он держится?

– Честно говоря, не знаю. Дэвид – сложный человек. Превыше всего он ценит контроль над своими чувствами. Но я уверен, что в глубине души он горюет.

– Где мать Алиссы?

– Не здесь, – сказал Тед тоном, который отбивал охоту к дальнейшим расспросам.

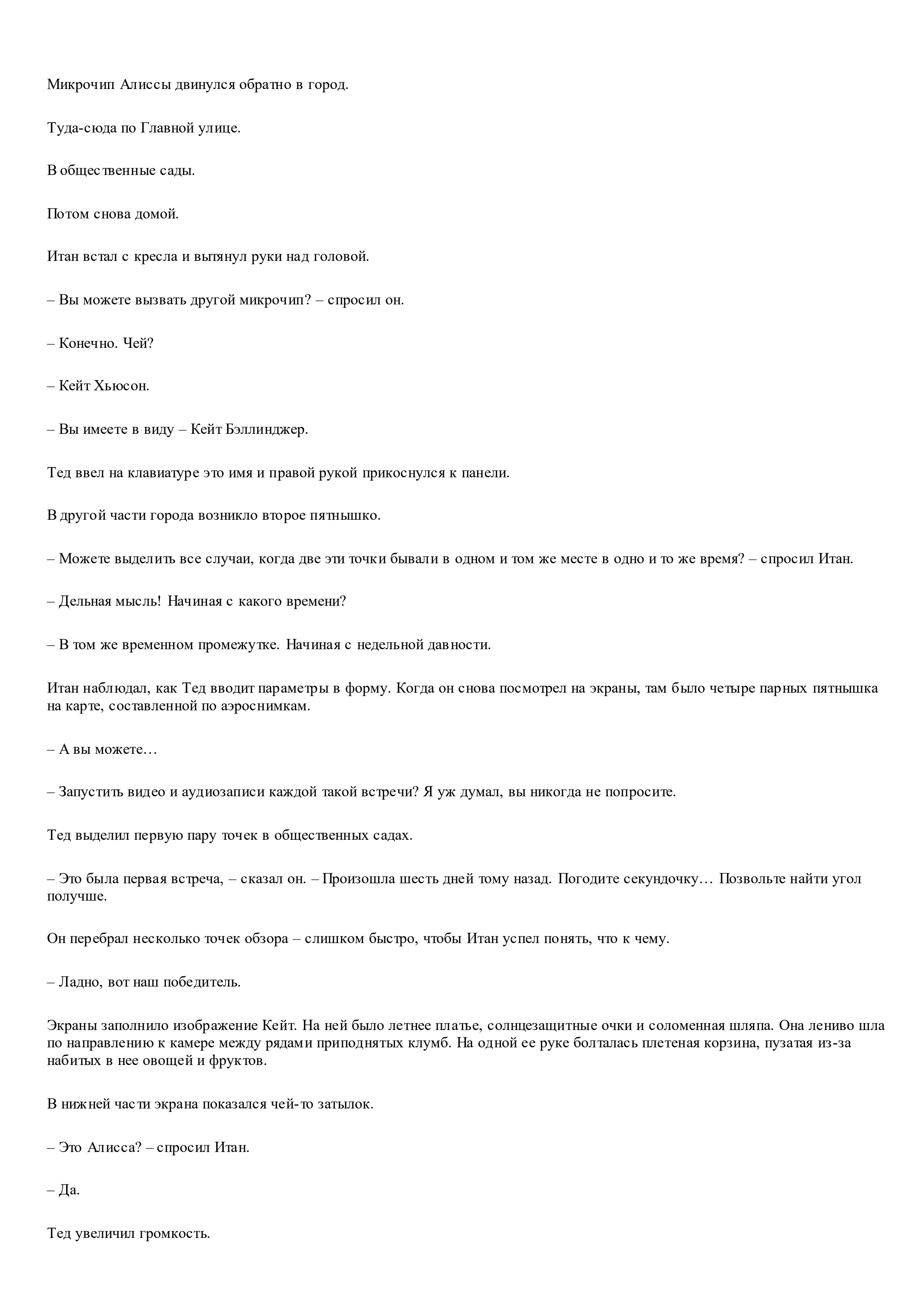
– Хорошо, дайте мне взглянуть на ее передвижения по городу, начиная с недели тому назад.

Тед принялся колдовать над пультом управления.

Пятнышко вернулось из дома в общественные сады, потом снова переместилось в дом. Покинуло дом и исчезло с карты.

– Это тогда, когда она в последний раз была внутри *горы*? – спросил Итан.

– Да.

Микрочип Алиссы двинулся обратно в город.

Туда-сюда по Главной улице.

В общественные сады.

Потом снова домой.

Итан встал с кресла и вытянул руки над головой.

– Вы можете вызвать другой микрочип? – спросил он.

– Конечно. Чей?

– Кейт Хьюсон.

– Вы имеете в виду – Кейт Бэллинджер.

Тед ввел на клавиатуре это имя и правой рукой прикоснулся к панели.

В другой части города возникло второе пятнышко.

– Можете выделить все случаи, когда две эти точки бывали в одном и том же месте в одно и то же время? – спросил Итан.

– Дельная мысль! Начиная с какого времени?

– В том же временном промежутке. Начиная с недельной давности.

Итан наблюдал, как Тед вводит параметры в форму. Когда он снова посмотрел на экраны, там было четыре парных пятнышка на карте, составленной по аэроснимкам.

– А вы можете…

– Запустить видео и аудиозаписи каждой такой встречи? Я уж думал, вы никогда не попросите.

Тед выделил первую пару точек в общественных садах.

– Это была первая встреча, – сказал он. – Произошла шесть дней тому назад. Погодите секундочку… Позвольте найти угол получше.

Он перебрал несколько точек обзора – слишком быстро, чтобы Итан успел понять, что к чему.

– Ладно, вот наш победитель.

Экраны заполнило изображение Кейт. На ней было летнее платье, солнцезащитные очки и соломенная шляпа. Она лениво шла по направлению к камере между рядами приподнятых клумб. На одной ее руке болталась плетеная корзина, пузатая из-за набитых в нее овощей и фруктов.

В нижней части экрана показался чей-то затылок.

– Это Алисса? – спросил Итан.

– Да.

Тед увеличил громкость.

Кейт:

– Яблок больше нет?

Алисса:

– Нет, они быстро закончились.

Кейт сунула руку в свою корзину и протянула что-то Алиссе.

– Остановите, – сказал Итан.

Изображение застыло – Кейт с протянутой рукой.

– Что это такое? – спросил Итан.

– Зеленое яблоко?

Тед запустил видео.

Кейт:

– Вы всегда приносите нам самые очаровательные фрукты и овощи. И я решила принести вам что-нибудь из своего сада.

Алисса:

– Какой роскошный перец.

Кейт:

– Спасибо.

Алисса:

– Я съем его нынче вечером.

Кейт ушла за пределы кадра.

– Хотите посмотреть снова? – спросил Тед.

– Нет, прокрутите следующую.

Они пронаблюдали еще за тремя встречами Кейт и Алиссы.

На следующий день на Главной улице женщины разминулись друг с другом, и Алисса покачала головой.

Еще через день, в парке на берегу реки, пути их снова пересеклись. На этот раз Алисса кивнула.

– Интересно, к чему все это? – спросил Тед и взглянул на Итана. – Есть идеи?

– Пока нет.

Тед запустил видеозапись последней встречи Алиссы и Кейт. Она произошла в общинных садах в день смерти Алиссы и была точно такой же, как и первая.

Кейт остановилась у овощного прилавка Алиссы.

Они обменялись несколькими словами.

Кейт протянула Алиссе еще один сладкий перец.

Тед поставил видео на паузу.

– Наверное, внутри перца записка, – сказал Итан.

– В которой написано – что?

– Не знаю. Время и место встречи? Инструкции для Алиссы, как вынуть ее микрочип? Объясните мне вот что: насколько я понимаю, когда эти Скитальцы вынимают свои чипы, вы не можете их отследить. Но разве камеры не фиксируют по-прежнему их передвижения?

– Нет.

– Нет?

– Наши камеры настроены только на близость и перемещения микрочипа.

– И что именно это значит?

– Послушайте, нет никакой возможности мониторить город при помощи тысячи камер, работающих одновременно. Бо́льшую часть времени мы бы просто прокручивали изображение пустого места. Поэтому наши камеры настроены на микрочипы. Другими словами, до тех пор, пока чип движется за пределами диапазона действия сенсора, камера пребывает в спящем режиме. Она передает видеоизображение только тогда, когда засекает микрочип. И даже в этом случае – если чип не двигается в течение пятнадцати секунд, камера возвращается в спящий режим.

– Итак, вы говорите, что…

– Камера не работает непрерывно. Когда жители вынимают свои микрочипы, они во всех отношениях становятся призраками. Каким-то образом эти Скитальцы догадались, как одурачить систему.

– Покажите мне.

Тед включил новое изображение и сказал:

– Вот последние тридцать секунд видеозаписи Кейт в ночь убийства Алиссы.

На экранах появилась спальня.

Кейт вошла в комнату, одетая в ночную рубашку до колен.

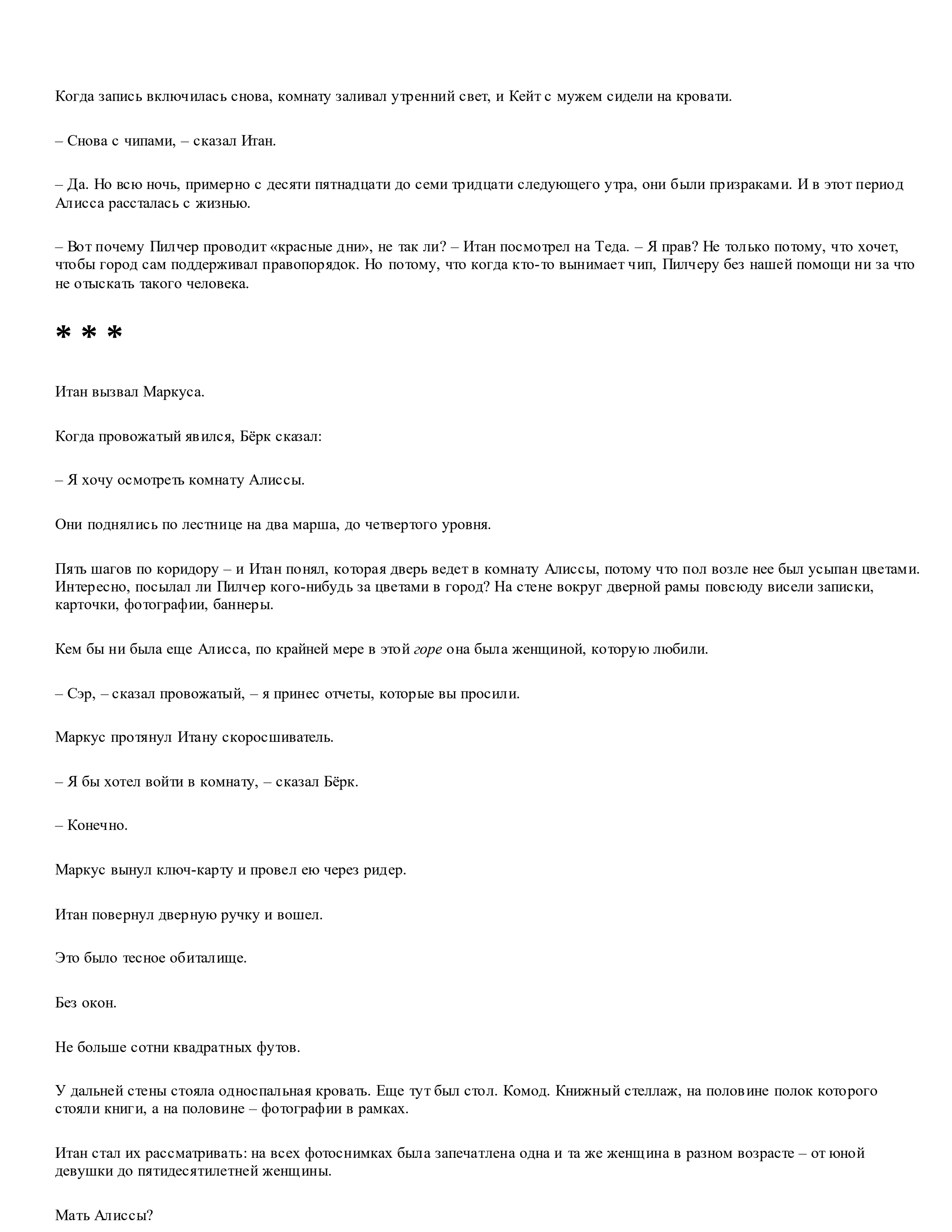
За ней последовал муж.

Они вместе забрались в кровать, выключили свет.

Камера наверху переключилась на ночное видение.

Бэллинджеры лежали в кровати совершенно неподвижно.

Спустя пятнадцать секунд изображение потемнело.

Когда запись включилась снова, комнату заливал утренний свет, и Кейт с мужем сидели на кровати.

– Снова с чипами, – сказал Итан.

– Да. Но всю ночь, примерно с десяти пятнадцати до семи тридцати следующего утра, они были призраками. И в этот период Алисса рассталась с жизнью.

– Вот почему Пилчер проводит «красные дни», не так ли? – Итан посмотрел на Теда. – Я прав? Не только потому, что хочет, чтобы город сам поддерживал правопорядок. Но потому, что когда кто-то вынимает чип, Пилчеру без нашей помощи ни за что не отыскать такого человека.

* * *

Итан вызвал Маркуса.

Когда провожатый явился, Бёрк сказал:

– Я хочу осмотреть комнату Алиссы.

Они поднялись по лестнице на два марша, до четвертого уровня.

Пять шагов по коридору – и Итан понял, которая дверь ведет в комнату Алиссы, потому что пол возле нее был усыпан цветами. Интересно, посылал ли Пилчер кого-нибудь за цветами в город? На стене вокруг дверной рамы повсюду висели записки, карточки, фотографии, баннеры.

Кем бы ни была еще Алисса, по крайней мере в этой *горе* она была женщиной, которую любили.

– Сэр, – сказал провожатый, – я принес отчеты, которые вы просили.

Маркус протянул Итану скоросшиватель.

– Я бы хотел войти в комнату, – сказал Бёрк.

– Конечно.

Маркус вынул ключ-карту и провел ею через ридер.

Итан повернул дверную ручку и вошел.

Это было тесное обиталище.

Без окон.

Не больше сотни квадратных футов.

У дальней стены стояла односпальная кровать. Еще тут был стол. Комод. Книжный стеллаж, на половине полок которого стояли книги, а на половине – фотографии в рамках.

Итан стал их рассматривать: на всех фотоснимках была запечатлена одна и та же женщина в разном возрасте – от юной девушки до пятидесятилетней женщины.

Мать Алиссы?

Итан уселся на кровать.

На стене напротив стеллажа была искусно выполненная фреска с изображением морского берега: пальмы, зеленая вода над темными рифами, белый песок, небо, которое уходит в вечность.

Итан откинулся на подушки, забросил ноги в сапогах на постель.

Улыбнулся.

Если смотреть на фреску под таким углом, создавалось впечатление, что ты – там, лежишь, вытянувшись на песке, глядя на обманчивую линию горизонта, где море соприкасается с небом.

На скоросшивателе стояло: «Миссия № 1055, протокол контактов».

Бёрк открыл папку.

Пять страниц.

Пять рапортов.

День № 5293

От кого: Алиссы Пилчер

Кому: Дэвиду Пилчеру

Миссия № 1055

Доклад о контактах № 1

Объект: житель 308, она же Кейт Бэллинджер

Первый контакт состоялся приблизительно в 11:25 на углу Главной и Девятой. Кейт Бэллинджер была незаметно передана записка, гласящая: «Устала, что за мной наблюдают». Короткий контакт взглядов. Никаких слов. Никаких дальнейших контактов в этот день.

День № 5311

От кого: Алиссы Пилчер

Кому: Дэвиду Пилчеру

Миссия № 1055

Доклад о контактах № 2

Объект: житель 308, она же Кейт Бэллинджер

Восемнадцать дней после первоначального контакта. Бэллинджер приблизилась ко мне в садах и дала мне сладкий перец. Перец был разрезан, там обнаружена записка следующего содержания: «Чип слежения в задней части вашей левой ноги. Вырежьте его в туалете, но продолжайте носить с собой вплоть до дальнейшего уведомления». Мне были назначены два потенциальных времени встречи, чтобы подтвердить, что я убрала чип. Первое – в 14:00 дня 5312. Следующее – в 15:00 дня 5313. Если бы я не смогла убрать чип к дню 5313, наше дальнейшее общение не состоялось бы. К этой дате не было больше никаких контактов.

День № 5312

От кого: Алиссы Пилчер

Кому: Дэвиду Пилчеру

Миссия № 1055

Рапорт о контактах № 3

Объект: житель 308, она же Кейт Бэллинджер

В 14:00 я прошла мимо Бэллинджер, направляясь на юг по Главной улице рядом с пересечением с Шестой. Я покачала головой. В этот день не было больше никаких контактов.

День № 5313

От кого: Алиссы Пилчер

Кому: Дэвиду Пилчеру

Миссия № 1055

Рапорт о контактах № 4

Объект: житель 308, она же Кейт Бэллинджер

В 15:00 я прошла мимо Бэллинджер, направляясь на юг по тропе вдоль реки. Я кивнула ей. Она улыбнулась. В этот день не было больше никаких контактов.

День № 5314

От кого: Алиссы Пилчер

Кому: Дэвиду Пилчеру

Миссия № 1055

Рапорт о контактах № 4

Объект: житель 308, она же Кейт Бэллинджер

Бэллинджер вернулась к моему прилавку в садах со вторым сладким перцем. Записка внутри гласила: «Сегодня ночью. 1:00. Мавзолей на кладбище. Оставьте ваш чип на прикроватном столике. Наденьте куртку с капюшоном».

Ожидайте завтра следующий рапорт.

* * *

Итан прошел по коридору третьего уровня; провожатый следовал за ним по пятам. На середине коридора Итан остановился у двойных дверей. Сквозь стекло было видно, что за ними вовсю идет баскетбольная игра в полном составе. Рубашки против кожи[20]. Удар мяча по дереву. Скрип подошв. На долю секунды у Итана появилась безумная мысль присоединиться к игре.

Они двинулись дальше.

– Могу я кое о чем вас спросить, Маркус?

– Валяйте.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– И сколько вы живете в этой постройке?

– Мистер Пилчер вывел меня из консервации два года назад, чтобы заменить охранника, которого убили во время выполнения задания за оградой.

– Все в *горе* знают, на что идут, когда нанимаются к Пилчеру, правильно?

– Верно.

– Так почему же вы это делаете?

– Делаю что?

Итан остановился возле двери кафе и повернулся лицом к Маркусу.

– Почему вы взяли да отбросили прочь свою прежнюю жизнь?

– Я ничего не отбрасывал, мистер Бёрк. Знаете, кем я был в той прежней жизни?

– Кем?

– Наркоманом и пьянчугой.

– И что? Пилчер вас нашел? Дал вам шанс стать всем, кем вы могли стать?

– Я встретился с ним, едва выйдя из тюрьмы. Трехлетний срок за убийство – непредумышленный наезд. Я был на наркотиках, пьян и угробил семью в канун Нового года. Он увидел во мне то, чего я сам в себе и не подозревал.

– У вас была семья? Друзья? Жизнь, которая была какой-никакой, но вашей собственной? Что вообще заставило вас ему довериться?

– Не знаю. Но он был прав, разве не так? Мы все здесь – часть чего-то, мистер Бёрк. Чего-то важного. Все мы.

– Тут вот в чем дело, Маркус – и я не хочу, чтобы вы когда-нибудь об этом забывали – никто, блин, не спрашивал меня или кого-нибудь другого в этой долине, хотим ли мы быть частью этого.

Итан двинулся дальше.

У подножия лестницы, ведущей на первый уровень, его заставил остановиться какой-то шум.

Маркус уже провел своей карточкой возле стеклянной двери, ведущей в пещеру.

Итан уставился в коридор.

– Мистер Бёрк, куда вы?

Шум? Это были чьи-то вопли.

Похожие на вопли банши[21].

Исполненные му́ки.

Нечеловеческие.

Он уже раньше слышал нечто подобное, и крики оледенили его до глубины души.

– Мистер Бёрк!

Итан уже бежал рысцой по коридору. Крики становились все громче.

– Мистер Бёрк!

Он остановился у широкого окна.

Уставился сквозь зеркальное стекло в лабораторию.

Там находились двое мужчин в белых халатах и Дэвид Пилчер.

Они сгрудились вокруг аберрации.

Существо было пристегнуто к стальной каталке на колесах. Крепкие кожаные ремни были застегнуты поперек его ног, под коленями и выше колен. Один – поперек туловища. Еще один – поперек плеч. А пятый удерживал голову.

Толстые запястья и лодыжки были прикованы к сторонам каталки тяжелыми с виду стальными браслетами, и тварь билась в конвульсиях в кожаных путах, как будто по ней пропускали электроток.

– Вам нельзя здесь быть, – сказал Маркус, скользнув к Итану.

– Что они с ним делают?

– Бросьте, пойдем. Мистер Пилчер не обрадуется, если увидит…

Итан постучал по стеклу.

Маркус сказал:

– Вот же блин.

Люди обернулись. Двое ученых нахмурились.

Пилчер сказал им что-то и подошел к лабораторной двери. Когда дверь открылась, вопли абера зазвучали громче, эхом отдаваясь в коридоре, как будто кто-то взывал из ада.

Двери быстро закрылись.

– Итан, чем я могу вам помочь?

– Я уже уходил. И услышал крики.

Пилчер повернулся к зеркальным дверям. Абер успокоился или просто выбился из сил. Только голова его моталась под ремнем, а вопли перешли в хрипы. Итан видел, как неистово бьется массивное сердце под прозрачной кожей. Деталей было не рассмотреть – только цвет, форма и пульсация, размытые, как за матовым стеклом.

– Отличный экземпляр, а? – сказал Пилчер. – Самец весом в триста семнадцать фунтов. Один из самых больших, каких мы когда-либо видели. Он мог бы быть альфа-самцом большой стаи, но мой снайпер заметил его нынче утром, когда абер спускался по каньону один-одинешенек. Понадобилось четыреста миллиграммов телазола[22], чтобы его уложить – доза, достаточная для взрослого самца-ягуара. И к тому времени, как мы до него добрались, он был лишь слегка вялым.

– И долго длился седативный эффект?

– Эти транквилизаторы действуют всего часа три. А потом лучше его запереть, потому что, дружище, они приходят в себя очень сердитыми.

– Большой парень.

– Больше, чем тот, с которым вы сцепились, уж это точно. Думаю, не совру, если скажу: если бы вы повстречались с этим самцом в каньоне, мы бы сейчас не разговаривали.

– Что вы с ним делаете?

– Готовимся убрать железы у основания его шеи.

– Зачем?

– Аберы общаются с помощью феромонов. Это сигналы, которые переносятся по воздуху, передают информацию – и порождают ответы.

– А разве люди не делают то же самое?

– Да, но у нас это происходит на куда более инстинктивном, обширном уровне. Сексуальное притяжение. Узнавание матерью ребенка и наоборот. А аберы используют феромоны так же, как мы используем слова.

– Так зачем вы, по сути, отрезаете этой твари язык?

– Потому что меньше всего хотим, чтобы он рассказал своим друзьям, что он в беде. Не поймите меня неправильно. Мне нравится ограда. Но несколько сотен аберов по другую ее сторону, пытающихся выяснить, как спасти своего собрата, заставляют меня слегка нервничать… – Пилчер посмотрел на пояс Итана. – Вы до сих пор не носите револьвер.

– Я здесь. В *горе*. Какое это имеет значение?

– Это имеет значение, Итан, потому что я просил вас его носить. Это ведь просто, разве не так? Носите револьвер все время. Вот, взгляните на этот чертов момент…

Итан снова посмотрел сквозь стекло.

Один из ученых наклонялся над лицом абера и светил фонариком-карандашом ему в глаз; абер шипел.

На вид создание было шести-семи футов ростом. Руки и ноги – как переплетенные стальные жилы. Итан не мог отвести от него глаз. Его черные когти были такой же длины, как и пальцы.

– Они разумны? – спросил Итан.

– Господи, ну конечно.

– Так же смышленые, как шимпанзе?

– Их мозг больше нашего. В силу очевидных коммуникационных барьеров проблематично испытывать их разум – в том смысле, в каком мы понимаем слово «разум». Я попытался провести ряд социальных и физических тестов, и не то чтобы они не смогли с ними справиться. Они просто отказались их делать. Все равно как если бы я пытался провести тест с вами, а вы бы сказали, чтобы я засунул его себе в задницу. Вот такой они дают ответ. Несколько месяцев назад мы поймали довольно сговорчивый экземпляр. Она в камере номер девять. Низкий процент враждебности. Мы зовем ее Маргарет.

– Насколько низкий?

– Я провел с нею тесты на память, сидя напротив нее за столом в ее камере. Правда, за мной стояли два охранника, направив ей в грудь ружья, заряженные патронами двенадцатого калибра. Но все равно – она не выказывала никаких признаков агрессии.

– И какие тесты вы с ней проводили?

– Простая детская игра на запоминание. Пойдемте со мной.

Пилчер постучал по стеклу и показал ученым один поднятый палец.

Он и Итан зашагали по коридору в сторону стеклянных дверей в дальнем конце. Маркус тащился в десяти шагах за ними.

– Я пустил в ход маленькие картонные карточки. Одна сторона – пустая. На другой – фотография: лягушка, велосипед, стакан молока. Я кладу их на стол картинками вверх и даю Маргарет на них посмотреть. Мы начинаем с легкого уровня. Пять карточек. Потом десять. У нее уходит две минуты, чтобы их рассмотреть. Потом я переворачиваю их, чтобы она не могла видеть картинку. Сую руку в пакет с копиями картинок. Например, я показываю ей картинку со стаканом молока. Он прикасается когтем к соответственной карточке на столе, и я переворачиваю карточку, чтобы посмотреть, угадала ли она.

– И как у нее получалось?

– Итан, под конец мы работали уже со ста двадцатью карточками, и у Маргарет уходило всего тридцать секунд, чтобы запомнить их расположение.

– И она все время угадывала?

Пилчер кивнул и с гордостью сказал:

– Феноменальная память.

Он остановился и показал на маленькое окошко в двери. Похоже, проникнуть в комнату за этой дверью можно было лишь с помощью ключ-карты.

– Я держу ее здесь. Хотите познакомиться с Маргарет?

– Не имею ни малейшего желания.

Горящие над головой флуоресцентные лампы отбрасывали блики на стекло. Итан приложил ладони к лицу слева и справа и вгляделся в камеру.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Пилчер. – Но я не верю, что она – аномалия. Я имею в виду ее смышленость. У нее просто другой темперамент. И это не значит, что она не вырвала бы мне глотку, если бы думала, что ей это может сойти с рук.

В камере не было ничего, кроме пола, стен, потолка, монстра.

Тварь по кличке Маргарет сидела в углу, подтянув колени к груди. Она наблюдала за окошком в двери маленькими, темными, немигающими глазами.

– Я уже научил ее пятидесяти двум знакам. Она схватывает все на лету. Хочет общаться. К несчастью, ее гортань устроена не так, как наша, и отличия столь велики, что сформировать звуки речи (по крайней мере, в том смысле, в каком мы их понимаем) для нее невозможно.

Судя по виду аберрации, она чуть ли не медитировала. Итана поразило, что вид неподвижно сидящей, покорной твари выбивает его из колеи неизмеримо сильнее, чем вид сопротивляющейся.

– Не знаю, видели ли вы мой отчет нынче утром, – сказал Пилчер.

– Нет, я сразу явился сюда.

– Мы выводим из консервации потенциального жителя города, Уэйна Джонсона. Это его первый день. В данный момент он, наверное, уже приходит в себя в больнице. Руководит операцией Пэм. Посмотрим, как все пойдет, но, возможно, в ближайшие дни вас вызовут для содействия.

– Хорошо.

– Надеюсь, Тед со своими наблюдениями оказался для вас полезным.

– Так и есть.

– Итак, вскоре вы свяжетесь со своей бывшей напарницей?

– Сегодня вечером или завтра.

– Великолепно. У вас есть план игры?

– Я работаю над этим.

– Будете каждый день докладывать мне о своем прогрессе.

– Дэвид, насчет вашего телефонного звонка прошлой ночью… – сказал Итан.

– Забудьте про это. Я просто подумал, что вы должны знать.

– Я хотел сказать вам снова, как я сожалею о вашей потере. Если вам что-нибудь понадобится…

Пилчер уставился на Итана – глаза его пылали, но голос был холодным.

– Выясните, кто сделал это с моей дочуркой. Вот и все, что мне от вас нужно. И больше ничего.

Глава 10

Пэм сидела в ногах кровати, одетая в классическую форму медсестры, когда Уэйн Джонсон очнулся.

Он давно лежал без движения под стеганым ватным одеялом, глядя в потолок и моргая.

Он был без рубашки.

Лысеющий.

Сорока двух лет.

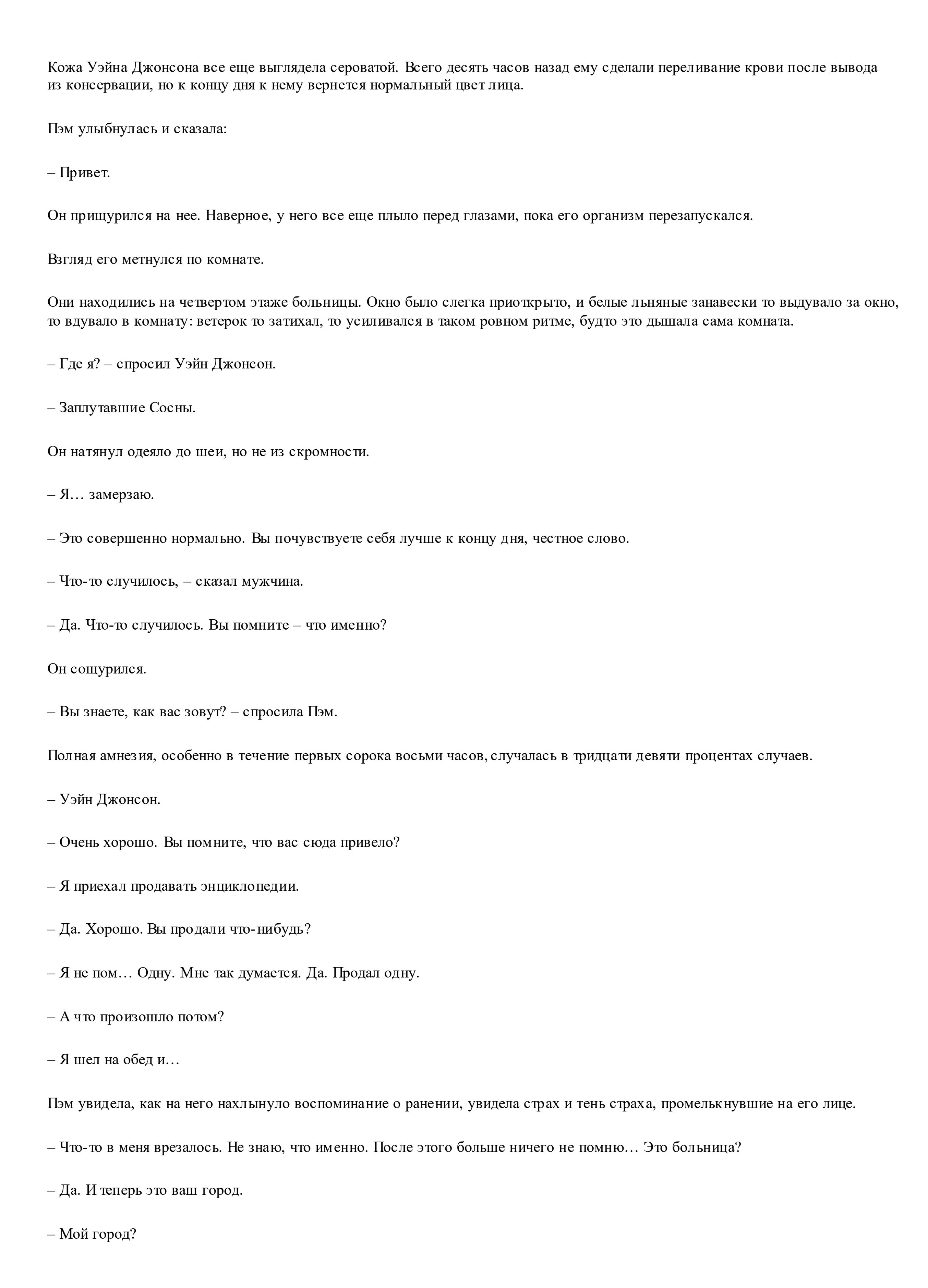
Никогда не состоявший в браке.

Бездетный.

Уэйн, странствующий продавец энциклопедий, приехал в Заплутавшие Сосны, штат Айдахо, 8 августа 1992 года. Он прибыл поздно и постучался в восемь домов. Вечером, заключив всего одну сделку, он вселился в отель «Заплутавшие Сосны», а после отправился в семейный ресторанчик.

По дороге на пешеходном переходе его сбил мотоцикл: идеальный наезд с последующим бегством виновника с места происшествия. Травма головы была достаточно серьезной, чтобы Уэйн потерял сознание, но недостаточно серьезной, чтобы убить его или вызвать необратимое повреждение мозга.

Принимая во внимание смерть Питера Маккола две ночи назад возле ограды, город был готов принять нового жителя.

Кожа Уэйна Джонсона все еще выглядела сероватой. Всего десять часов назад ему сделали переливание крови после вывода из консервации, но к концу дня к нему вернется нормальный цвет лица.

Пэм улыбнулась и сказала:

– Привет.

Он прищурился на нее. Наверное, у него все еще плыло перед глазами, пока его организм перезапускался.

Взгляд его метнулся по комнате.

Они находились на четвертом этаже больницы. Окно было слегка приоткрыто, и белые льняные занавески то выдувало за окно, то вдувало в комнату: ветерок то затихал, то усиливался в таком ровном ритме, будто это дышала сама комната.

– Где я? – спросил Уэйн Джонсон.

– Заплутавшие Сосны.

Он натянул одеяло до шеи, но не из скромности.

– Я… замерзаю.

– Это совершенно нормально. Вы почувствуете себя лучше к концу дня, честное слово.

– Что-то случилось, – сказал мужчина.

– Да. Что-то случилось. Вы помните – что именно?

Он сощурился.

– Вы знаете, как вас зовут? – спросила Пэм.

Полная амнезия, особенно в течение первых сорока восьми часов, случалась в тридцати девяти процентах случаев.

– Уэйн Джонсон.

– Очень хорошо. Вы помните, что вас сюда привело?

– Я приехал продавать энциклопедии.

– Да. Хорошо. Вы продали что-нибудь?

– Я не пом… Одну. Мне так думается. Да. Продал одну.

– А что произошло потом?

– Я шел на обед и…

Пэм увидела, как на него нахлынуло воспоминание о ранении, увидела страх и тень страха, промелькнувшие на его лице.

– Что-то в меня врезалось. Не знаю, что именно. После этого больше ничего не помню… Это больница?

– Да. И теперь это ваш город.

– Мой город?

– Правильно.

– Я здесь не живу. Я живу в Скоттсблаффе, штат Небраска.

– Вы и вправду жили в Скоттсблаффе, но теперь вы живете здесь.

Уэйн слегка приподнялся на кровати.

Для Пэм это было самой-самой любимой частью интеграции.

Наблюдать, как новый житель начинает уяснять, что его жизнь – или чем там является его новое существование – безвозвратно изменилась. Ничто не сравнится с «красными днями», но такие моменты тихого, опустошительного откровения были – по крайней мере, для нее – почти столь же хороши, как и «красные дни».

– И что именно это значит? – спросил Уэйн Джонсон.

– Это значит, что теперь вы живете здесь.

Иногда они сами соединяли точки в узор. Иногда ей приходилось подталкивать их через черту.

Она подождала минуту, наблюдая за глазами мистера Джонсона и видя, как отчаянно крутятся шестеренки в его мозгу.

Наконец он сказал:

– Тот несчастный случай… Я был ранен?

Пэм потянулась через кровать и похлопала его по укрытой одеялом ноге.

– Боюсь, что так.

– Тяжело ранен?

Она кивнула.

– Я был?..

Он оглядел больничную палату.

Посмотрел на свои руки.

Она чувствовала, как надвигается вопрос.

И хотела, чтобы он был задан.

Он на цыпочках приблизился к краю этого вопроса.

– Я был?..

Пэм думала: «Задай его. Просто задай».

То был решающий фактор. Почти всякий раз, когда житель сам добирался до вопроса и находил храбрость озвучить его, его интеграция проходила без проблем. Но неспособность задать вопрос была пугающе точным предвестием скептиков, бойцов, беглецов.

Уэйн закрыл рот.

Проглотил вопрос, как горькую пилюлю.

Пэм не подталкивала его. В этом не было смысла.

Еще рано.

Оставалось еще много времени, чтобы заставить мистера Джонсона решить, что он мертв.

Глава 11

Итан сидел у окна за столом в «Ароматном парке́», прихлебывая капучино и наблюдая за магазином игрушек на другой стороне улицы. Магазин назывался «Деревянные сокровища» и примыкал к мастерской, в которой человек по имени Гарольд Бэллинджер по выходным мастерил игрушки. Его жена, Кейт Бэллинджер (бывшая Кейт Хьюсон, бывшая напарница Итана по секретной службе), работала в магазине игрушек.

После того как Итан появился в Заплутавших Соснах, он разговаривал с ней всего один раз – в разгар своей ужасающей интеграции. Но с тех пор, как он стал шерифом, они не сказали друг другу и пары слов: он ухитрялся полностью ее избегать. А теперь внимательно рассматривал ее сквозь стекло.

Кейт сидела за кассой в пустом игрушечном магазине, погрузившись в книгу. Стояло позднее утро, и свет, проникавший сквозь застекленный фасад магазина, воспламенял ее раньше времени поседевшие волосы, превращая их в копну почти ослепительного блеска.

Словно кучевое облако, просвеченное солнцем.

Итан прочел ее личное дело. И несколько раз перечел.

Кейт жила в Заплутавших Соснах почти девять лет.

Когда Итан приехал сюда, чтобы ее разыскать, ей было тридцать шесть. Теперь, спустя три недели, ей должно было исполниться сорок пять. В своей прежней жизни он был на год старше ее. Теперь она была старше его на восемь.

В ее личном деле говорилось о жестокой интеграции. Она боролась, пыталась бежать и настолько исчерпала терпение Пилчера, что он чуть не приказал устроить для нее «красный день».

Потом… Она просто сдалась. Обосновалась в выделенном ей доме. И два года спустя, когда поступило распоряжение от тогдашнего шерифа, вышла замуж за Гарольда Бэллинджера и переехала к нему без единого слова протеста.

В течение пяти лет супруги были образцовыми жителями.

Первый рапорт наблюдения был вызван аудиозаписью с микрофона над их кроватью. Фразой, сказанной шепотом, которая едва вписалась в диапазон улавливаемых децибел.

Голос Кейт: «Инглеры и Голдены в игре».

Потом – ничего в течение месяца, до тех пор, пока микрочип Кейт не засекли однажды в два часа ночи на кладбище.

Шериф Поуп выследил ее. Нашел, блуждающую в одиночестве. Допросил, но она прикинулась дурочкой. Принесла извинения. Сказала, что разругалась с Гарольдом и ей нужно было подышать свежим воздухом.

А два дня спустя был еще один, последний, инцидент – Гарольд и Кейт исчезли на час внутри чулана в своей спальне, который, между прочим, был одним из немногих «слепых пятен» в доме.

Отснятый материал был помечен, составили рапорт, но за этим ничего не последовало.

В течение полутора лет не было больше никаких рапортов, до тех пор, пока Тед из группы наблюдения не послал докладную Пилчеру и Пэм.

Итан прочитал ее, прихлебывая капучино.

День № 5129

От кого: Теда Апшоу

Кому: Дэвиду Пилчеру

Объект: жители 308 и 294, они же Кейт и Гарольд Бэллинджеры.

Последние несколько месяцев я таил растущие подозрения, и теперь чувствую себя обязанным ими поделиться.

Каждую пару недель после полуночи в одиннадцати известных нам домах (жилищах Бэллинджера, Инглера, Кирби, Туриеля, Смита, Голдена, О'Брайена, Найсвангера, Грина, Бранденбурга и Шоу) внутренние камеры ничего не запечатлевают в длительные промежутки времени – приблизительно от четырех до семи часов. Типичные ночные съемки, показывающие, как человек два часа крутится и ворочается в постели, вкупе со всем его неактивным бодрствованием, – отсутствуют. Единственное, что может послужить причиной таких длительных периодов бездействия камер, – полное отсутствие движения микрочипа. Другими словами, нет никакого движения, которое включило бы камеры.

Но это невозможно. Ведь для того, чтобы камера выключилась ночью на несколько часов подряд, требуется, чтобы объект спал совершенно неподвижно. Или был мертв. Камеры высокочувствительны и запрограммированы на то, чтобы переходить в активный режим при малейшем движении, даже при подымании и опадании чьей-нибудь груди, связанной с тяжелым дыханием.

Камеры не были выведены из строя. Если бы то был единичный случай в одном доме, я мог бы списать его со счета как случайность. Но целый ряд длительного бездействия камер, повторение таких случаев и тот факт, что это происходит одновременно во многих жилых домах, подводит меня к следующему умозаключению: за нашими спинами происходит нечто большое, тайное и скоординированное.

Я полагаю, что вышеназванные жители – и, возможно, не только они – не просто обнаружили свои микрочипы, но и нашли способ вынимать их в любое время чуть ли не в поле зрения камер. Очевидно, без микрочипов жители могут передвигаться незамеченными, без возможности их обнаружить, в своих домах, по городу, даже за оградой.

Возможность растущего контингента жителей, встречающихся друг с другом втайне, – это тревожное открытие, и я считаю, что требуется немедленно принять меры.

Итан осушил остатки кофе и вышел из кафе на улицу.

Колокольчики звякнули над дверью, когда он отворил ее и шагнул в магазин игрушек.

Бёрк глубоко дышал, переходя через Главную, и все равно сердце его билось, как безумное.

Кейт подняла глаза от потрепанной книги в бумажной обложке: последний роман Ли Чайлда о Джеке Ричере[23].

Это копна белых волос на расстоянии заставляла ее выглядеть старше. Вблизи она была молодой. Несколько морщинок смеха, но все еще чертовски хорошенькая. Не так давно (по крайней мере, с его точки зрения) он был влюблен в эту женщину. Их роман длился три самых напряженных, самых безрассудных, самых ужасающих, счастливых и живых месяца его жизни. Вот так – воображал он – и можно было бы чувствовать себя на наркотиках, если бы при этом эйфория никогда не кончалась, если бы каждый шприц не таил в себе возможность смерти.

В то время они были напарниками и одну неделю провели вместе в дороге в северной Калифорнии. Каждую ночь они брали два номера. Каждую ночь в течение пяти суток Итан оставался с нею. В ту неделю они почти не спали. Не могли держать свои руки подальше друг от друга. Не могли удержаться от разговоров, когда не занимались любовью; и в дневные часы, когда им приходилось притворяться профессионалами, это делало все еще более прекрасно-мучительным. Итан больше никогда и ни с кем не испытывал такого полного отсутствия смущения. Даже с Терезой. Такого безоговорочного принятия. Не только телом и умом, но и чем-то бóльшим, чем-то не имеющим названия, но *его*.

Итан еще никогда ни с кем не вступал в связь на таком уровне. Самое щедрое благословение и разрушающее жизнь проклятие – все завязалось на этой женщине, и, несмотря на боль вины и осознание того, как это сокрушит его жену, которую он все еще любил, мысль о том, чтобы отказаться от Кейт, была сродни тому, чтобы предать собственную душу.

Поэтому она сделала это за него.

Холодной и дождливой ночью на Капитолийском холме.

В отдельной кабине за стаканами бельгийского пива в темном шумном баре под названием «Оступающийся монах».

Итан готов был оставить Терезу. Отбросить все прочь. Он попросил Кейт прийти сюда, чтобы сказать ей об этом, а она вместо этого протянула руку через обшарпанный деревянный стол, сглаженный десятью тысячами пинтовых стаканов, и разбила его сердце.

Кейт не была замужем, не имела детей. И она не готова была прыгнуть вместе с ним с обрыва, когда у *него* было столько всего, что оттаскивало его от края.

Две недели спустя она была уже в Бойсе – перевелась туда согласно личной просьбе.

Год спустя Кейт пропала в Айдахо, в захолустном городишке под названием Заплутавшие Сосны, и Итан отправился на ее поиски.

Восемнадцать столетий спустя, когда почти все, что они знали, превратилось в пыль, было разъедено эрозией и перестало существовать, они стояли друг перед другом здесь, в магазине игрушек в последнем городе на земле.

Когда Итан увидел ее лицо вблизи, все мысли на мгновение вылетели у него из головы.

Кейт заговорила первой.

– Я все гадала, заглянешь ли ты когда-нибудь.

– Я сам об этом гадал.

– Мои поздравления.

– По поводу?..

Она протянула руку через прилавок и постучала по его блестящей медной звезде.

– Твоего повышения. Приятно видеть, что шоу заправляет знакомый человек… Как привыкаешь к новой работе?

Она была асом. Во время этой короткой беседы стало ясно, что Кейт отлично овладела искусством поверхностной беседы, которую лучшие жители Заплутавших Сосен могли вести без напряжения.

– Все идет хорошо, – ответил он.

– Держу пари, приятно заниматься чем-то конкретным, требующим мобилизации твоих способностей.

Кейт улыбнулась, а Итан невольно услышал подтекст и подумал – слышат ли его остальные? Если эти слова вообще были подтекстом.

«Это не то, что бегать по городу полуголым, пока все мы пытаемся тебя убить».

– Эта работа хорошо мне подходит, – сказал он.

– Отлично. Искренне рада за тебя. Итак, чему обязана удовольствием?

– Я просто хотел заглянуть и поздороваться.

– Что ж, мило с твоей стороны. Как дела у твоего сына?

– С Беном все отлично, – сказал Итан.

– Наверняка быстро растет.

– Верно.

Господи, какой неестественный разговор! Словно скверный диалог из романа или реплики актеров.

Неподалеку начали стучать молотком – Гарольд что-то мастерил.

– Как твой муж? – спросил Итан.

Ему не нравилось это слово применительно к мужчине, трахавшему Кейт последние семь лет. Или… Возможно ли, что их брак фальшивка? Что она втайне ненавидит мужа, но продолжает «держать фасад»? Что Гарольд никогда к ней не прикасался?

– Он изумительный, – сказала Кейт, и искренность ее улыбки противоречила всему, что было раньше, объявляя это ложью.

Она любила Гарольда. Она светилась, произнося его имя. В этот миг и лишь на долю секунды Итан мельком увидел настоящую Кейт.

– Он в соседней комнате? – спросил Итан.

– Да. Это он что-то там приколачивает. Мы типа говорим, что он – мускулы, а я – мозг операции.

Итан вымученно рассмеялся.

– Я никогда не встречался с ним. Ну… По-настоящему не встречался.

Он думал, что Кейт угадает его намерения. Предложит представить их друг другу. Но она лишь сказала:

– Еще встретишься. Он сегодня слегка в запарке – выполняет заказ от школы. Почему бы тебе не выбрать что-нибудь для Бена? Что угодно, что есть в магазине. Или в доме.

– Я не могу.

– Я настаиваю.

Итан отошел от кассы. Магазин был небольшим, но полки – от пола до потолка – ломились от игрушек ручной работы. Он взял деревянную машинку. Ее колеса вертелись, дверцы, капот и багажник могли открываться и закрываться.

– Здорово сделано, – сказал он.

– Гарольд мастерит изумительные вещи.

Итан поставил машинку обратно на полку.

Кейт вышла из-за прилавка, за которым сидела. На ней было платье цвета желтеющих осиновых листьев. Ее фигура почти не изменилась.

– Сколько лет сейчас Бену? – спросила она.

– Двенадцать.

– Хм-м. Трудный возраст, когда привычные игрушки начинают терять свою привлекательность.

Она пошла в дальнюю часть магазина. Босиком по деревянному полу, который почти светился под косыми солнечными лучами поздней осени, проникающими через окна фасада.

– Но у меня, возможно, есть как раз то, что нужно.

Кейт приподнялась на цыпочки и потянулась к рогатке на самой верхней полке.

Работа была простой, но аккуратной. Изогнутое некрашеное дерево, отшлифованное наждаком. Толстая резина, прикрепленная к рогульке, и кармашек из коричневой кожи.

– Просто идеально, – сказал Итан.

– Пусть пользуется на здоровье.

Когда Итан взял рогатку, другая его рука опустилась и прикоснулась к руке Кейт. В соседней комнате перестали стучать молотком, но бурный стук его сердца звучал оглушительно в тишине магазина.

Бёрк уставился сверху вниз в глаза Кейт, которые почему-то казались голубее, чем ему запомнились, и разжал пальцы ее левой руки, отчаянно стараясь не обращать внимания на ток, пробежавший между ними, когда их руки соприкоснулись.

Она не отодвинулась.

Взгляд ее на мгновение метнулся вниз, к их рукам.

Кейт взяла у него клочок бумаги, сжала его в кулаке.

Итан сказал:

– Было здóрово снова с тобой повидаться.

И вышел из магазина.

** * **

Колокольчики прозвенели на внутренней ручке двери «Агентства недвижимости» Заплутавших Сосен.

Сидевшая за своим столом Тереза подняла взгляд, когда в офис ее вошел человек, которого она никогда раньше в глаза не видела.

Женщина тут же поняла, что он в городе новенький, что бы это ни означало.

Он был белым, как простыня, и выглядел сбитым с толку.

Остановившись у ее стола, этот человек спросил:

– Вы Тереза Бёрк?

– Да.

– Мне сказали, что я должен поговорить с вами насчет дома, но я вообще-то не знаю, что…

– Да, конечно, я могу вам с этим помочь. Как вас зовут?

– Э-э, Уэйн. Уэйн Джонсон.

Тереза пожала ему руку.

– Рада познакомиться, Уэйн. Пожалуйста, садитесь.

Она вытащила папку со списками доступной недвижимости и толкнула ее к нему через стол.

Он заколебался.

Мгновение Тереза гадала – не собирается ли он ринуться прочь.

Но Уэйн открыл папку и начал переворачивать страницы.

Она терпеть не могла этим заниматься. Одно дело – помочь выбрать дом получше тому, кто пробыл в Заплутавших Соснах уже несколько лет. Такие люди знали, как держаться, умели нести всякую ерунду. Но этот бедняга только что появился. Он понятия не имел, что с ним происходит. Почему он здесь. Почему не может отсюда уехать. Тереза гадала – угрожали ему уже или еще нет.

Спустя минуту Уэйн подался вперед.

– Нашли что-нибудь, что вам по душе? – спросила Тереза.

Он еле слышно прошептал:

– Что здесь происходит?

Тереза спросила:

– Что вы имеете в виду? Мы просто присматриваем недвижимость. Послушайте, я знаю, что покупка нового дома может быть основательной встряской, но я здесь для того, чтобы вам помочь.

И она произнесла это так, как будто сама почти в это верила.

А потом в окно фасада она заметила кое-что – на другой стороне улицы Итан вышел из «Деревянных сокровищ» с рогаткой в руках.

* * *

В окно над кухонной раковиной Итан наблюдал, как бледнеет небо – надвигались сумерки. Окна в домах начинали светиться. Долина благодаря Гектору Гайтеру наполнилась звуками пианино.

Прохлада надвигающейся зимы сделала более резким ветер, задувающий сквозь сетчатую дверь. Итан все чаще и чаще замечал – когда солнце скрывается за горами, на город почти сразу опускается холод. Такая агрессивная внезапность беспокоила его. Он слышал разговоры о том, что зимы здесь длинные, легендарные.

Он задержал руки в теплой воде раковины, в которой мыл посуду.

Рядом вдруг появилась Тереза. Она с силой поставила тарелку на разделочный стол.

– Всё в порядке? – спросил Итан.

Она странно вела себя за обедом. Странно даже для Заплутавших Сосен. Не произнесла ни слова. Не поднимала глаз от своей тарелки.

Теперь она смотрела на него.

– Ты ничего не забыл? – спросила Тереза.

– Нет.

Она злилась. Ее зеленые глаза горели.

– Ты ничего не принес для Бена?

Дерьмо.

Она видела его. Каким-то образом она заметила его в магазине игрушек.

Но Итан не принес рогатку домой. Вместо этого отправился в свой офис, отметился у Белинды и засунул подарок Кейт на дно выдвижного ящика своего стола.

Надеясь избежать именно этой беседы.

– Что ты с ней сделал? – спросила она. – Думаю, нашему сыну очень хотелось бы иметь рогатку.

– Тереза…

– О господи, ты и в самом деле собираешься это отрицать?

Бёрк вытащил руки из воды, вытер их полотенцем, висящим на ручке кухонной плиты. Он ощутил ужасное металлическое жжение глубоко в горле, которое напомнило ему о той ночи, когда он рассказал Терезе о Кейт. Его бывшая напарница уже была в Бойсе, когда он усадил Терезу и выложил ей все. Итан не мог жить с такой ложью между ними. Он слишком уважал Терезу. Слишком ее любил. Не любить свою жену – такого с ним никогда не бывало.

Тереза не поняла.

И неудивительно.

Но она и не вышвырнула его.

Так все и было.

Она плакала, она была опустошена, но в конце концов продолжала любить его по-прежнему.

До сих пор.

Вопреки всему.

И вот что самое странное – ее реакция заставила Итана любить ее еще сильней. Жена предстала перед ним в свете, в каком он никогда ее раньше не видел. Или, вернее, не сумел увидеть.

Тереза сделала шаг к нему.

– Я видела тебя там, – сказала она. – В ее магазине. Я тебя видела.

– Я там был, – ответил Итан. – Она дала мне рогатку для Бена, и я не принес ее домой…

– Потому что хотел спрятать ее от меня.

– Зачем ей было давать то, что явно получено из ее рук, если бы мы делали что-то за твоей спиной?

– Но все же ты спрятал от меня рогатку.

– Да.

Тереза закрыла глаза, и на мгновение Итан подумал, что она вот-вот потеряет самообладание.

Жена снова открыла глаза и спросила:

– Так почему ты пошел с ней повидаться?

Итан положил руки на верх кухонной плиты и откинулся назад.

– Дело в работе, Тереза, и это все, что я могу тебе сказать.

– В работе.

– В противном случае я бы никогда к ней не пошел.

– И мне просто надо поверить тебе на слово?

– Я люблю тебя и хотел бы никогда с нею не встречаться. Ты понятия не имеешь…

– И что мне теперь с этим делать?

Тереза включила воду и налила в стакан.

Осушила его.

Поставила.

Посмотрела в затянутое сеткой окно и сказала:

– Послушай, она дала тебе то, чего не могла дать я. Некие впечатления превыше пережитых тобой и мной. Я не ненавижу тебя за это. Никогда не ненавидела.

Она отвернулась от раковины, встала лицом к нему. Пар поднимался от мыльной воды. Гайтер играл один из фортепианных концертов Моцарта.

– Но это не означает, что ты не причинил мне боль, – сказала Тереза.

– Знаю.

– Интересно, испытываешь ли ты из-за нее то же самое, что я испытываю из-за тебя?.. Ты не должен пытаться отвечать на этот вопрос. Итак, дело в работе, вот как?

– Да.

– Думаю, это означает, что…

– Я не могу об этом говорить.

Она кивнула.

– Пойду наберу ванну.

– Я покончил с нею, Тереза. Полностью.

Он наблюдал, как жена выходит из кухни, потом прислушался к тому, как потрескивает под ее шагами деревянный пол, когда она шла по коридору к ванной комнате.

Дверь закрылась.

Спустя минуту Итан услышал приглушенный звук воды, льющейся в ванну на львиных лапах.

*** * ***

Он забрался в постель, под одеяло.

Лег на бок, подперев голову одной рукой, наблюдая, как спит его жена.

Тепло ее тела согревало пространство между простыней и одеялом.

Она оставила окно слегка приоткрытым, так что между створкой и подоконником была щель в дюйм шириной, и проникавший в комнату воздух был настолько холодным, что Итану захотелось вытащить еще одно одеяло из дубового сундука, стоящего в ногах кровати.

Ему подумалось, что не мешает с полчасика подремать, и он попытался закрыть глаза, но они просто не закрывались.

Поэтому и мысли кружились почти безостановочно.

Кейт, без сомнения, прочитала его записку.

Но что она из нее извлекла?

Сидя в кафе семь часов назад, он решил наконец, как именно будет действовать. Оторвал полоску чистой бумаги от последнего выпуска «Света Заплутавших» и написал: «О тебе знают. За тобой наблюдают. Меня послали, чтобы я провел расследование насчет тебя. Мавзолей. 2 часа. Сегодня ночью».

Глава 12

1 час 55 минут ночи.

Луны нет, и в черном-пречерном небе – миллиард звезд.

Холодно.

Маленький пруд без уток в городском парке начинает у берегов затягиваться льдом.

Днем один из людей Пилчера пригнал к бордюру перед домом Итана новый «Бронко» – внедорожник, в точности похожий на своего предшественника, разве что чуть более блестящий. Но Итан предпочел пойти пешком.

Он засунул руки глубоко в карманы парки, кончики пальцев пощипывало от холода.

Вскоре Бёрк уже шагал вдоль реки: шум воды, бегущей через камни, и чистый, свежий запах ее в ночном воздухе.

Неужели прошло всего две недели с тех пор, как он пересек эту реку в самый глухой ночной час и помчался вверх по каньону, а весь город преследовал его по пятам? Он чувствовал себя сейчас совершенно другим человеком.

Итан перелез через осыпающуюся каменную стену, которая выглядела так, будто вышла прямо из поэмы Фроста: камни на ощупь холодные, словно ледяные кирпичи. Надгробия светились в свете звезд, как лица античных статуй, шум реки почти замер вдали.

Итан шел через траву высотой ему до пояса, через рощицы небольших дубов. Здесь, среди мертвых, на южном конце города, огни Заплутавших Сосен были едва различимы.

Вдалеке появился мавзолей.

Пришла ли она?

Прежняя Кейт пришла бы. Без вопросов.

Но как насчет новой Кейт? Той, что прожила в Заплутавших Соснах девять лет? Кейт, которую он больше не знал?

Что-то затаилось в глубине его души. Что-то уродливое, непривычное.

Страх.

А вдруг Кейт и ее группа замучили и убили Алиссу Пилчер?

«Вы понятия не имеете, на что она способна».

Итан не мог забыть эти слова Пилчера, сказанные вчера утром, и, приблизившись к склепу, поймал себя на мысли: «Я должен был взять с собой револьвер».

Мавзолей стоял в роще взрослых осин, уже терявших листву – золотые монеты, рассыпанные на увядающей траве. Каменные цветочные кадки, обрамлявшие железную дверь, давно уже рассыпались, но колонны сохранили форму.

Ветра не было. Шум реки стал всего лишь шепотом.

Итан окликнул:

– Кейт?

Ответа не было.

Вытащив из кармана фонарик, он провел лучом по осинам и снова окликнул Кейт по имени. Потом с трудом открыл тяжелую дверь: она проскребла по камню со стоном, от которого заломило зубы.

Он направил луч внутрь.

Осветил каменные стены.

Кейт там не было.

Итан медленно обошел мавзолей снаружи по периметру, освещая фонариком траву вокруг, уже согнувшуюся под тяжестью хрупкой корки мороза.

Ледяные кристаллы сверкали в луче света.

Итан вернулся ко входу и сел на ступеньки между колоннами; до него начало медленно доходить, что Кейт не пришла. Он сделал рискованный ход, выдал себя и спугнул ее.

И где она сейчас? В бегах?

Он выключил фонарик.

Путь из дома и ожидание того, что он увидит Кейт, помогали ему бороться с холодом, но теперь холод пронзил его до костей.

Он с трудом встал.

Сделал порывистый вдох.

Кейт стояла в пяти шагах от него – призрак в темноте – одетая с ног до головы в черное, с натянутым на голову капюшоном.

Когда она двинулась вперед, клинок мясницкого ножа в ее руке сверкнул в свете звезд.

– Нож? Ты серьезно? – спросил Итан.

– Мне подумалось, что, возможно, придется драться.

– Неужели?

– В нынешние дни никогда не знаешь наверняка.

– Может, уберешь его, блин? Я даже не захватил револьвер.

Она молча смотрела на него. Итан ничего не мог прочесть по ее глазам в неярком свете, но губы ее были тонкой натянутой линией.

– Что? Ты мне не веришь? Хочешь обыскать меня, агент Хьюсон?

– Распахни куртку.

Кейт сунула нож в самодельные ножны из скотча. Ее руки скользнули вокруг его талии. Потом вверх и вниз по бедрам. Быстро, тщательно.

– Ты все еще не разучилась, – сказал Итан.

– Не разучилась – что?

– До сих пор обыскиваешь, как профи.

Кейт сделала шаг назад. Она смотрела на него с жесткостью, какой он прежде никогда не видел в ее глазах. По крайней мере, по отношению к себе.

– Полощешь мне мозги, блин? – спросила она.

– Нет. Ты здесь одна?

– Да.

– А где Гарольд?

– Думаешь, мы настолько тупы, чтобы позволить тебе взять нас обоих?

– Никто не пытается тебя взять, Кейт. По крайней мере, сегодня ночью.

– Я даже не знаю, верю ли тебе.

– Но ты пришла.

– А у меня был выбор?

– Как насчет того, чтобы поговорить не на улице?

– Прекрасно.

Итан последовал за ней вверх по каменным ступеням мавзолея. Когда они вошли, она налегла плечом на дверь и закрыла ее.

Повернулась.

Встала в темноте лицом к Итану.

– Ты с чипом? – спросила она.

– Да.

– Итак, они знают, что ты здесь.

– Вероятно.

Кейт резко повернулась и схватилась за дверную ручку, но Итан оттащил ее от двери.

– Отпусти!

– Спокойней, Кейт. Это неважно.

– Черта лысого неважно! Они знают, что ты здесь!

– Знают только мое местонахождение. В мавзолее нет микрофонов. И на мне микрофона нет.

– Но они знают, что нынче ночью у тебя со мной разговор?

– Это они меня послали.

Кейт с удивительной силой отпихнула его к витражному окну и поправила на себе одежду.

Итан вынул из кармана фонарик, включил и положил на пол между ними. Свет, направленный вверх, гротескно озарил их лица. Их дыхание на холоде вырывалось облачками пара.

– Мне нужно, чтобы ты доверилась мне, Кейт.

Она прислонилась к стене и сказала:

– Мне нужно, чтобы ты доказал, что я могу тебе доверять.

– Как мне это сделать?

– Что они обо мне знают?

– Они знают, что ты и другие вынимаете свои микрочипы. И иногда уходите в ночь.

– И тебя послали, чтобы провести насчет меня расследование? – спросила Кейт.

– Верно.

– И что пообещали взамен?

– Ты и в самом деле хочешь вести игру вот так?

– Я не знаю, о чем ты говоришь. Две недели тому назад ты перевернул вверх дном весь город, отчаянно стараясь выбраться отсюда. Теперь ты шериф. Ты явно работаешь на *них*.

– Итак, ты знаешь, что есть «они».

– Да какой же идиот не знает?

– Что еще ты знаешь, Кейт?

Она опустилась на пол.

Итан тоже сел.

– Я знаю, что есть ограда, которая тянется вокруг предместий города. Я знаю, что мы все под наблюдением. Непрерывным. Я знаю, что две недели назад ты хотел докопаться до правды.

– Ты выбиралась за ограду?

Кейт заколебалась, потом покачала головой.

– А ты?

Наверное, она прочла все по его лицу – и прежде, чем у него появился шанс солгать, сказала:

– Господи, ты выбирался.

– Расскажи мне об Алиссе.

Кейт не то чтобы вздрогнула, но он увидел удивление в ее глазах.

– А что насчет нее?

– Ты знаешь, что две ночи назад она была убита?

– Ты серьезно?

– Ее нашли голую посреди дороги. Ее закололи. Пытали.

– Иисусе… – Кейт сделала длинный, дрожащий выдох. – Кто ее нашел?

– Я.

– Почему ты о ней спрашиваешь?

– Кейт.

– Что?

– Думаешь, они не знают, что ты разговаривала с Алиссой?

Ее взгляд метнулся по склепу, в нем мелькнула паника.

– Она пришла ко мне, – прошептала Кейт.

– Знаю. Я видел видеозапись. Вы должны были встретиться с ней в ночь ее гибели.

– Откуда ты знаешь?

Бёрк не ответил, просто позволил Кейт догадаться самой. У нее вытянулось лицо.

– А. Понимаю. Она была с ними.

– Да.

– Шпионка.

– Что произошло той ночью, Кейт? Ты должна была встретиться с ней в час ночи. Она все это записала. Что же произошло?

Женщина уставилась в пол.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я здесь как твой друг, – сказал Иган.

– Я в это не верю.

– Почему?

– Потому что не имею права на ошибку.

– Расскажи мне, что произошло. Я могу тебе помочь.

– А мне нужна твоя помощь?

– В худшем варианте развития событий – да.

– Что находится по другую сторону забора?

– Не спрашивай меня об этом.

– Мне нужно знать.

– Что случилось с Алиссой?

– Не знаю.

– Ты ее убила?

– Скажи сам – я убийца?

– Я больше тебя не знаю. – Кейт встала. – Ты не представляешь, как это меня обижает.

– Ты убила ее?

– Нет.

Итан схватил фонарик и встал.

– Расскажи, во что ты влипла.

– До свидания, Итан.

– Мне нужно это знать.

– Тебе? Или тем людям, которые держат тебя на поводке?

– Они убьют тебя, Кейт. Тебя и Гарольда. Они сделают так, что вы исчезнете.

– Я понимаю, что рискую.

– И?..

– И я живу своей жизнью, сама решаю, как поступить. Если мои решения приведут меня на эту дорогу, так тому и быть.

– Я просто хочу тебе помочь.

– На чьей ты стороне, Итан? На самом деле?

– Пока не знаю.

Она улыбнулась.

– Первые честные слова, которые я от тебя услышала. Спасибо за это.

Она взяла его за руку. Пальцы ее были ледяными, но форма руки – знакомой. В последний раз Итан держал ее за руку две тысячи лет тому назад на пляже в Северной Калифорнии.

– Ты боишься, – сказала Кейт.

Ее лицо было в нескольких дюймах от его лица. Ее пристальное внимание – как инфракрасная лампа.

– А разве все мы не боимся?

– Я прожила тут девять лет. Я не знаю, где я. И почему. Иногда я думаю, что все мы мертвы, но в тихие, темные часы ночи понимаю, что это не так.

– Что ты делаешь, когда покидаешь свой дом по ночам?

– Что находится за оградой?

– Я могу защитить тебя, Кейт, но ты должна…

– Мне не нужна твоя защита.

Она отворила дверь, шагнула в ночь.

Пять шагов из мавзолея – и она остановилась, повернулась и уставилась на Итана.

– В последний раз я видела Алиссу живой две ночи тому назад.

– Где ты видела ее в последний раз?

– Мы разошлись в разные стороны на Главной улице. Мы не убивали ее, Итан.

– Но она была с тобой в ночь своей гибели.

– Да.

– Где?

Она покачала головой.

– Куда ты ходишь ночью, Кейт? И почему?

– Что находится за оградой?

Итан не ответил, и она улыбнулась.

– Так я и думала.

– Ты его любишь?

– Прошу прощения?

– Своего мужа. Ты любишь его? Это по-настоящему?

Улыбка исчезла.

– Увидимся позже, шериф.

* * *

Он шел домой, не зная.

Не зная, лгала ли ему Кейт.

Не зная, была ли она по другую сторону ограды.

Не зная, убила ли она Алиссу.

Ни черта не зная.

На их взаимоотношения она влияла точно так же. Ему доводилось провести с нею день, когда один миг воспринимался как блаженство, а другой – как нечто противоположное, так что он уже не знал, где стои́т. Приходилось пересматривать все заново. Итан никогда не понимал, сознательно ли Кейт с ним играет, или это его собственный промах – то, что он позволил этой женщине проникнуть так глубоко и причудливо в его душу.

Едва войдя в переднюю дверь, Итан стащил сапоги и прокрался по деревянному полу к лестнице. В доме было холодно, половицы потрескивали и прогибались под весом его шагов.

Наверху он прошел по коридору к спальне сына.

Дверь была открыта.

Он двинулся к кровати.

В комнате было не теплее семи градусов. Бен спал, зарывшись под пять одеял, но Итан чуть плотнее стянул их вокруг шеи сына и прикоснулся тыльной стороной руки к шее мальчика.

Мягкая и теплая.

В любой день могли прибыть грузовики с дровами. Говорили, что город сжигает много сосен, чтобы согреваться зимой, – каждый дом получал по шесть кордов[24] дров. У Пилчера была маленькая армия тех, кто ежедневно совершал вылазки за ограду под защитой вооруженных до зубов людей. Этот отряд пилил деревья и заготавливал дрова для всего города.

Итан направился в свою спальню.

Сняв штаны и рубашку, он оставил их кучкой лежать в дверях.

Пол был ледяным.

Он поспешил к кровати.

Забравшись под одеяла, повернулся на бок и притянул к себе Терезу.

Она излучала тепло.

Он поцеловал ее в шею сзади.

Сон казался чем-то несбыточным. В последнее время почти невозможно было выключить шум в глубине своего сознания.

Итан закрыл глаза.

Может, сон все-таки придет.

– Итан.

– Привет, детка, – прошептал он.

Тереза перевернулась, оказавшись лицом к нему. Ее дыхание на его лице было знакомым, ласковым теплом.

– Убери свои ноги с моих. Они ледяные.

– Прости. Я тебя разбудил? – спросил он.

– Когда ушел. Куда ты ходил?

– На работу.

– Повидаться с ней?

– Я не могу…

– Итан.

– Что?

– Куда?

– Это неважно, Тереза. Это действительно не…

– Я так не могу, это не может дольше продолжаться.

– Что продолжаться? Ты о нас?

– Об этом городе. И о нас в нем. О тебе. О ней. О твоей работе.

Тереза подалась ближе, прижала губы к его уху, прошептала:

– Могу я продолжать говорить вот так, или нас услышат?

Он поколебался.

– Я все равно это сделаю, Итан.

– Тогда просто не двигайся.

– Что?

– Лежи совершенно неподвижно.

– Почему?

– Может, просто сделаешь это? Особенно не двигай левой ногой.

Они лежали тихо.

Итан чувствовал, как бьется сердце жены напротив его груди.

Мысленно он сосчитал до пятнадцати и прошептал:

– Говори не громче, чем я сейчас.

– Я раньше думала, что если бы только смогла быть снова с тобой, если бы только ты был с нами, я сумела бы это сделать. Купиться на ложь.

– И?

– Я не могу.

– У тебя нет выбора, Тереза. Ты знаешь, какой опасности подвергаешь нашу семью только тем, что ведешь подобные разговоры?

Ее губы плотнее прижались к его уху.

Озноб рванулся вниз по его спине.

– Я хочу отсюда уйти. С меня довольно, Итан. Мне плевать, что может с нами статься. Я просто хочу уйти отсюда.

– Тебе плевать, что станется с нашим сыном? – прошептал Итан.

– Это не жизнь. Мне все равно, если мы все умрем.

– Хорошо. Потому что так и случится.

– Ты это гарантируешь?

– На сто процентов.

– Потому что *знаешь*.

– Да.

– Что там, снаружи, Итан?

– Мы не можем об этом говорить.

– Я твоя жена.

Они крепко прижимались друг к другу. Ее ноги были холодными и гладкими, а жар, исходящий от нее, сводил с ума. Итану хотелось потрясти ее. Хотелось ее трахнуть.

– Почему, черт возьми, у тебя начинает вставать?

– Не знаю.

– Что там, за оградой, Итан?

– На самом деле ты не хочешь этого знать.

А потом ее рука оказалась на его члене.

– Ты думаешь о ней?

– Нет.

– Поклянись мне.

– Клянусь.

Она отодвинулась, скользнула вниз под одеяла и взяла его в рот. Привела его к самому краю. Потом приподнялась и стащила с себя ночную рубашку. Села на него; дыхание ее туманилось. Наклонилась и поцеловала его. Ее соски на холоде были твердыми, касаясь его груди.

Тереза перевернулась на спину, увлекла с собой Итана и ввела его внутрь.

Она была такой громкой и звучала так красиво…

Когда начала кончать, она притянула голову Итана вниз – ее губы у его уха, его губы у ее уха, – застонала и проговорила:

– Расскажи мне.

– Что?

Он не мог дышать.

– Расскажи… Ооогосподиитан… Где мы на самом деле.

Итан прижался лицом к ее уху.

– Остались только мы, детка.

Они кончали вместе, громко и жестко, так же синхронно, как всегда.

– Это последний город на земле.

Тереза кричала: «Дадададогосподинеостанавливайся!» Достаточно громко, чтобы укрыть его слова.

– И нас окружают монстры.

* * *

Они лежали, перепутавшись руками и ногами, потные, совершенно неподвижные.

Итан шептал ей на ухо.

Он рассказал ей все.

Когда они живут. Где они живут. О Пилчере. Об аберах.

Потом он лежал, подперев голову согнутой в локте рукой, гладя ее лицо.

Тереза смотрела в потолок.

Она была тут пять лет, чертовски дольше, чем он, но то было состояние лимбо. Когда не знаешь ничего наверняка. Теперь она знала. Может, она подозревала это и раньше, но теперь вся неопределенность была выжжена: кроме Итана и Бена, она никогда больше не увидит никого из тех, кого любила в прошлой жизни. Все они были мертвы уже два тысячелетия. И если она когда-то цеплялась за надежду покинуть Заплутавшие Сосны, Итан только что уничтожил эту надежду. Ее пребывание здесь было бессрочным приговором.

Она была приговорена к пожизненному заключению.

Итан гадал, какие чувства преобладали в Терезе, полагая, что в ее голове бултыхается целый коктейль: гнев, отчаяние, горе, страх.

При проникающем в окно свете неблизкого уличного фонаря он увидел, как на глаза ее наворачиваются слезы.

И почувствовал, как ее рука в его руке начала дрожать.

Глава 13

Водонапорная башня,

парк Волонтеров, Сиэтл, 2013

Хасслер приблизился ко входу в водонапорную башню, и из тени возле двери появилась женщина.

– Вы опоздали, – сказала она.

– На пять минут. Расслабься. Он там?

– Да.

Она была не старше двадцати. Тонкая, но сильная, безумно роскошная, но с мертвыми глазами. Интересного громилу выбрал себе Пилчер. От нее явно веяло уверенностью того, кто может за себя постоять.

Она стояла между дверью и Хасслером, преграждая ему путь.

– Не возражаешь? – спросил он.

Мгновение казалось, что женщина может и возразить, но, наконец, она шагнула в сторону. Проходя мимо, Хасслер сказал:

– Не впускай туда никого.

– Спасибо, что говорите, как мне делать мою работу, агент.

Металл лязгнул под туфлями с загнутыми носками.

Хасслер потащился вверх по лестнице.

Наблюдательная площадка была скудно освещена, толстые заслонки прикрывали арочные окна в круглой кирпичной стене, чтобы никто не проник внутрь. И ограда от пола до потолка защищала семидесятипятифутовую шахту открытой спиральной лестницы.

Дэвид Пилчер, в длинном черном пальто и шляпе-котелке, сидел на скамье на дальнем конце площадки.

Хасслер обошел его и уселся рядом.

Мгновение раздавался лишь звук дождя, барабанящего по крыше над ними.

Потом Пилчер оглядел его с чуть заметной улыбкой.

– Агент Хасслер.

– Дэвид.

За окном очертания Сиэтла смахивали на неоновое размытое пятно сквозь низкий облачный слой.

Пилчер сунул руку в карман пальто и вытащил плоский конверт.

Положил его на колени Хасслеру.

Тот осторожно открыл конверт, заглянул внутрь, пролистал большим пальцем стодолларовые купюры.

– Сдается мне, тридцать тысяч, – сказал он, выпустив конверт.

– У вас есть новости? – спросил Пилчер.

– Прошло пятнадцать месяцев со времени исчезновения агента Бёрка и смерти агента Сталлингса. И никаких зацепок. Никаких новых улик. Не поймите меня неправильно. Я не говорю, что кто-то в министерстве финансов забудет, что один наш агент убит и трое пропали без вести в Заплутавших Соснах, Айдахо. Но без новой информации они просто ходят по собственным следам и сами это знают. Два дня тому назад внутреннее расследование по поводу исчезновения моих агентов официально перестало быть приоритетным.

– И что, по мнению ваших людей, произошло?

– Их теории?

– Да.

– Они мечутся туда-сюда, но никогда и близко не подходят к цели. Сегодня у них «служба надежды» Итана Бёрка.

– Что такое служба надежды?

– Гадом буду, если знаю.

– Вы уезжали?

– Уезжал на заключительную пьянку в доме Терезы.

– Я собираюсь нанести ей визит после того, как мы тут закончим дела.

– Неужто?

– Пора.

– Тереза и Бен?

– У меня есть теория, что, если я смогу по возможности удержать семьи вместе, переход на другую сторону будет легче.

Хасслер встал.

Подошел к окну.

Уставился сквозь стекло на оранжерею, освещенную праздничными огнями.

Он слышал шум городского движения и живую музыку на Капитолийском холме, но здесь, на вершине водонапорной башни, чувствовал себя отрезанным от всего мира.

– Вы подумали о том, о чем мы с вами разговаривали в прошлый раз? – спросил Хасслер.

– Да. А вы?

– Я только об этом и думаю. – Он повернулся и уставился на Пилчера. – На что это будет похоже?

– Что именно?

– Заплутавшие Сосны. Когда возвращаешься из того, что вы называете…

– Приостановленной жизнедеятельностью… – Лицо Пилчера потемнело. – Вы уже знаете о моем проекте слишком много, чтобы я чувствовал себя уютно.

– Если бы я хотел свалить вас, Дэвид, я мог бы сделать это несколько месяцев назад.

– Если бы я желал вашей смерти, агент Хасслер, – вашей и всех тех, кого вы любите, – ничто в мире не помешало бы мне это устроить. Даже из тюрьмы. Даже из могилы.

– Итак, между нами установилось взаимное доверие, – сказал Хасслер.

– Возможно. Или, по крайней мере, мы позаботились о взаимном уничтожении.

– По мне, это одно и то же.

Ледяные капли мелкого дождя задували в окно. Хасслер чувствовал, как они покрывают шею сзади неприятным холодком.

– Итак, возвращаясь к моему вопросу, Дэвид. На что это будет похоже, когда вы все очнетесь?

– Сперва – работа. Много, много работы. Город придется отстраивать заново. На это уйдет время. Потом?.. Не знаю. Мы говорим о двух тысячах лет спустя. Башня, на которой мы сейчас стоим, превратится в руины. Эти городские очертания исчезнут. Все люди в этом городе, их дети и внуки и правнуки превратятся в ничто. Даже их кости.

Хасслер вцепился в оконное ограждение.

– Я хочу участвовать.

– Гарантий нет, Адам.

– Я понимаю.

– Это – Колумб в поисках Восточных Индий. Человек, летящий на Луну. Миллион вещей могут пойти наперекосяк – и мы никогда не проснемся. Может ударить астероид. Случиться землетрясение. Мы можем очнуться в ядовитой атмосфере или во враждебном мире, которого никогда даже не воображали.

– Вы и вправду думаете, что это случится?

– Понятия не имею, с чем мы столкнемся по пробуждении. В голове у меня лишь образ идеального маленького городка, где человечество получит шанс начать все заново. Только это и движет мною.

– Итак, вы позволите мне присоединиться?

– У меня уже полный штат. Какие навыки вы можете предложить?

– Интеллект. Способность лидерствовать. Умение выживать. Я был связистом в «Дельте»[25], прежде чем присоединился к секретной службе, но уверен, что вы это уже знаете.

Пилчер только улыбнулся и сказал:

– Что ж, думаю, вы приняты.

– Я хочу попросить об одном одолжении, и если вы на это согласитесь, можете взять обратно свой конверт.

– Каком?

– Итан Бёрк никогда не проснется.

– Почему?

– Я хочу быть там с Терезой.

– Тереза Бёрк…

– Верно.

– Жена Итана.

– Да.

– Вы влюблены в нее? – спросил Пилчер.

– Вообще-то да.

– И она влюблена в вас?

– Пока нет. Она никогда не переставала любить его.

Хасслер почувствовал, как в животе его взыграла язва. Это зеленое пламя ревности.

– Он изменяет ей со своей бывшей напарницей, Кейт Хьюсон, а она все равно принимает его обратно. Все еще любит его. Вы когда-нибудь встречались с Терезой Бёрк?

– Нет, но скоро встречусь.

– Он ее не заслуживает.

– А вы заслуживаете?

– Я бы любил эту женщину так, как ее следует любить. Она будет счастливей со мной в Заплутавших Соснах, чем когда-либо была в целой жизни.

У Хасслера перехватило дыхание оттого, что он сказал эти слова, озвучил их вслух. Он никогда ни с кем этим не делился.

Пилчер засмеялся и встал.

– Итак, в конечном итоге все это только ради того, чтобы заполучить девушку?

– Нет, это…

– Шучу. Я позабочусь, чтобы это произошло.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Когда мы ляжем под наркоз? – спросил Хасслер.

– Это называется деанимация. Моя суперструктура достроена. Осталось лишь заполнить склад и набрать несколько последних рекрутов. Мне шестьдесят четыре года, и моложе я не становлюсь, а на другой стороне будет ожидать куча дел.

– Итак…

– У нас в Заплутавших Соснах в канун Нового года состоится вечеринка. Я, моя семья и сто двадцать членов моей команды собираются выпить лучшее шампанское, какое можно купить за деньги, а после уснуть на пару тысяч лет. Добро пожаловать, можете к нам присоединиться.

– Две недели?

– Две недели.

– И что подумают люди – куда вы денетесь?

– Я сделал приготовления. С моей последней публичной лекции прошло семь лет. Я стал затворником. Думаю, пятьдесят шансов на пятьдесят, что «Ассошиэйтед пресс» вообще опубликует дату моей кончины. А что насчет вас? Продумали, как уйдете?

– Я обналичил свой 401 (k)[26], опустошил свои банковские счета и оставил запутанный след к кое-какому теневому поставщику фальшивых паспортов. Это-то как раз нетрудно.

– А что трудно?

Хасслер оглянулся на окно, за которым высились окутанные туманом холмы Королевы Анны – в тех местах жила Тереза Бёрк.

– Знать, что мне предстоит ждать две тысячи лет, чтобы быть с женщиной моих грез.

Часть III

Глава 14

Тобиас лежал плашмя на животе в качающейся траве, едва дыша.

В пятистах ярдах отсюда из чащи широкохвойных сосен появился абер. Он вышел на поле и не особенно торопясь, вприпрыжку двинулся в сторону Тобиаса.

Блин!

Тобиас только что покинул лес на другом конце поля, и пяти минут не прошло.

За тридцать минут до этого он пересек ручей и полсекунды помедлил на берегу, обдумывая – не остановиться ли попить. Он решил не останавливаться. Если бы он остановился, то провел бы пять-десять минут, пока не напился бы вволю и не наполнил заново свои однолитровые бутылки. И в результате не появился бы на краю этого поля как раз тогда, когда абер уже вышел на открытое место. И смог бы проследить траекторию, по которой двигался абер, из-за безопасного прикрытия леса. Позаботился бы о том, чтобы избежать именно этой сраной ситуации, в которой теперь очутился: ему придется пристрелить абера.

Схватка была неизбежна. Стоял полдень. Абер находился в подветренной стороне. Других вариантов не было: Тобиас не мог здесь оставаться, а от ближайших зарослей его отделяло расстояние в несколько футбольных полей.

У этого создания были настолько тонко развиты чутье, зрение и слух, что стоит Тобиасу встать, и абер заметит его. Учитывая направление ветра, тварь должна учуять его в любую секунду.

Тобиас уронил рюкзак и ружье в траву, едва заметил вдали первое движение. Теперь он протянул руку, схватил «винчестер», стиснул цевье ружейного ложа и приподнялся на правом локте.

И прильнул к оптическому прицелу.

Прицел не выверялся целую вечность, и, когда абер появился в перекрестии визирных нитей, Тобиас подумал обо всех тех случаях, когда встряхивал ружье, прислоняя его к дереву или кидая на землю. Подумал о дожде и снеге, которые колошматили по его оружию тысячу с лишним дней, проведенных им в диких местах.

Теперь, по его прикидкам, абер был от него в двухстах ярдах. Все еще рискованное предприятие, но массивная центральная часть твари маячила в перекрестии нитей. Он сделал легкую поправку на ветер. Сердце Тобиаса сильно билось, когда он прижимался к земле, все еще холодной после мороза минувшей ночи.

С тех пор, как он в последний раз встречался с абером, прошло уже несколько недель, а может, и месяцев. Тогда у него имелись патроны к его .357-му. Господи, как ему не хватало того оружия! Если бы у него по-прежнему был револьвер, он встал бы, крикнул, позволил твари подбежать…

И вышиб бы ей мозги с близкой дистанции.

Он видел, как сердце абера пульсирует в перекрестии нитей.

Сдвинул предохранитель.

Прикоснулся пальцем к спусковому крючку.

Нажимать на него не хотелось.

Ружейный выстрел возвестил бы о его присутствии всем на три мили вокруг.

Тобиас подумал: «Просто дай ему пройти мимо, может, он тебя не заметит».

А потом: «Нет. Тебе придется его уложить».

Эхо выстрела пронеслось над полем, отразилось от далекой стены деревьев и начало медленно гаснуть вдали.

Промах.

Абер застыл без движения, замер на середине шага на двух ногах, казавшихся прочными, как дубы, повернув нос к ветру. На его морде и шее виднелась «борода» засохшей крови после недавней охоты. Сквозь прицел трудно было определить его размеры, и, честно говоря, это неважно. Даже небольшие экземпляры, весом в сто двадцать фунтов, были убийственно опасны.

Тобиас повернул вверх рукоять затвора и рванул ее назад.

Использованная гильза выплюнулась с легким дымком.

Он толкнул рукоять затвора вперед, закрыл его и снова посмотрел сквозь оптический прицел.

Проклятье, абер уже неплохо продвинулся. Теперь он во всю прыть чесал через луг этим стелющимся, стремительным аллюром, напоминающим бег питбуля.

В своей прежней жизни Тобиас видел битвы во всему миру. Могадишо, Багдад, Кандагар, поля коки в Колумбии. Операции по спасению заложников, захваты приоритетных целей, тайно спланированные политические убийства.

Все это не шло ни в какое сравнение со страхом, от которого можно было обделаться при виде нападающего абера. Сто пятьдесят ярдов, и он все ближе, и понятия не имеешь, насколько сбит твой прицел.

Тобиас поместил в перекрестие визира центр массы и нажал на спуск.

Ружье сильно отдало ему в плечо, а на левом боку абера появилась полоска крови. Пуля едва царапнула бок твари, и та все еще приближалась, ничуть не обескураженная.

Но теперь Тобиас знал погрешность прицела – на несколько градусов вправо и вниз.

Он выбросил стреляную гильзу, дослал в патронник новый патрон, закрыл затвор, сделал поправку в прицеле.

Теперь он слышал абера – быстрое дыхание и звук, с которым когти прорывались сквозь траву.

Ощутил странный прилив уверенности.

Поймал в перекрестье нитей голову и выстрелил.

Когда ветер сдул ружейный дымок, Тобиас увидел, что абер без движения лежит вниз лицом, с разнесенным вдребезги затылком.

Конец сорок пятому.

Он сел.

Руки в перчатках без пальцев потели.

Из леса вырвался вопль.

Тобиас поднял ружье, взял на прицел линию деревьев в трети мили отсюда.

За первым воплем послышался еще один.

Он не видел за деревьями ничего четкого. Только движение в тенях.

Осознание ударило в него тошнотворным взрывом страха – там есть и другие!

Он убил лишь разведчика большой стаи.

Вскинув рюкзак на плечо, Тобиас схватил «винчестер» и бросился через поле. Лес, к которому он направлялся, был в четверти мили отсюда. Он закинул ружье за плечо и изо всех сил рванул бегом, работая руками, через каждые несколько шагов бросая взгляд влево, туда, откуда раздавались вопли, звучавшие все громче и чаще поверх его судорожных вдохов.

«Ворвись в лес, прежде чем они тебя увидят. Ради бога. Если ты доберешься до леса, ты можешь выжить. Если стая тебя остановит, ты умрешь в течение ближайших десяти минут».

Тобиас оглянулся, увидел мертвого абера в траве, линию деревьев за ним, но никакого движения в поле.

А деревья, которые спасли бы его, стояли в пятидесяти ярдах впереди.

Он не бегал изо всех сил больше года. Остаться в живых за оградой было искусством, основанным на умении избегать врага. Ты никогда не бросаешься очертя голову на незнакомую территорию. Никогда не торопишься. Ходишь тихо. При всякой возможности остаешься под прикрытием деревьев. Суешься на открытую местность, только если это необходимо. Не гонишь. Не оставляешь после себя ничего такого, по чему тебя можно выследить. И если держишься настороже каждую секунду каждого дня, у тебя есть шанс остаться в живых.

Наконец он добрался до деревьев – как раз тогда, когда первый абер вырвался на открытое место. Тобиас не знал, увидели ли его, и теперь сам никого не видел. И не слышал. Не было ничего, кроме бури в его груди и его затрудненного дыхания.

Он прорывался между деревьями, ветки хватали его за руки. Одна ветка полоснула по правой стороне лица, порвав кожу. Кровь побежала по губе.

Тобиас перепрыгнул через поваленный ствол и оглянулся, грянувшись на землю с другой стороны – ничего не видно, кроме неясных очертаний колышущейся зелени.

Ноги горели.

Легкие горели.

Он не сможет долго продержаться в подобном темпе.

Теперь – на поляну, усыпанную валунами, за которой высится семидесятифутовый утес. Искушение взобраться туда, где он будет в безопасности, было первобытным, но такая попытка привела бы к беде. Аберы умели карабкаться почти так же быстро, как и бегать.

По поляне извивался ручей.

Его ботинки зашлепали по воде.

Сквозь лес за его спиной понеслись крики.

Силы его были на исходе. Он просто не мог дольше так продержаться.

Тобиас ворвался в рощицу низких дубов с темно-красными листьями.

Баста.

Он добрался до предела своих возможностей, не успев миновать рощу, упал на колени, потащился в кусты. Голова кружилась от изнеможения. Тобиас поставил ружье и рывком открыл рюкзак.

«И после всего пережитого я умру здесь?»

Коробка с патронами.30–30 лежала сверху.

Всегда.

Он быстро вскрыл ее и начал загонять патроны в ствольную коробку перед затвором. Два – в магазин, последний – в патронник. Вернул затвор на место.

Перевернулся на живот.

Окружающие его заросли были оранжевыми.

Ветер донес запах гниющих листьев.

Сердце его колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. Он уставился сквозь лес назад, на поляну.

Они приближались.

Нельзя было сказать, насколько велика была стая, с которой он столкнулся. Если его заметили и их больше пяти – buenas, блин, noches[27].

Если их пять или меньше и ему повезет с каждым выстрелом – у него есть крошечный шанс.

Но если он промажет или не убьет каждой пулей – если ему придется перезаряжать ружье – он умрет.

Делов-то…

Взгляд сквозь оптический прицел на усеянную валунами поляну.

Тобиас не в первый раз оказался лицом к лицу с возможностью не вернуться в Заплутавшие Сосны. Он уже запаздывал на четыре месяца. Возможно, его объявили павшим в бою. Пилчер подождал бы еще немного. Дал бы ему добрых шесть месяцев сверх условленного срока, прежде чем послать кого-нибудь другого за ограду, глубоко во вражескую территорию. Но каковы будут шансы, что другой Кочевник найдет то, что нашел он? Каковы шансы, что другие сумеют прожить так долго, как сумел он?

На поляну вырвался абер.

Потом еще один.

И еще.

Четвертый.

Пятый.

Хватит. Пожалуйста. Больше не…

К группе из пяти аберов присоединились другие.

Еще десять.

Вскоре уже двадцать пять аберов шныряли вокруг валунов в тени утеса.

Сердце Тобиаса оборвалось.

Он отполз назад, глубже в чащу, в укрытие, волоча за собой рюкзак и ружье.

Теперь – никаких шансов.

***

Свет начал гаснуть.

Тобиас продолжал прокручивать в голове то, что случилось, пытаясь определить, в чем же он облажался, где сделал неверный шаг, но ничего такого не находил. Он прождал на краю того поля пять минут, прежде чем выйти на открытое место. Осмотрел все вокруг сквозь оптический прицел. Слушал. Он не ринулся вперед, сам не зная куда.

Конечно, он мог бы обогнуть открытое пространство. Держаться периметра леса. Это отняло бы у него целый день.

«Нет. Ты не мог бы принять другое решение. Ты не сделал ничего безрассудного».

По его прикидкам, Заплутавшие Сосны лежали себе безмятежно в тридцати или сорока милях к востоку от его местонахождения.

Четыре дня пути, если бы все прошло гладко. Десять – в случае плохой погоды или небольших травм. Он почти добрался, Христа ради!

Последние три дня он поднимался на нагорье. Ели и осины начали перемежаться с соснами. Утром становилось все холоднее. Он даже чувствовал, что воздух становится более разряженным, когда делал глубокие вдохи, никогда до конца не наполнявшие легкие…

Блин, блин, блин!

И что теперь?

Успокойся, солдат.

Держи себя в руках, неврастеник.

Тобиас закрыл глаза, приказывая панике утихнуть. Возле его правой руки лежал в листьях небольшой камешек. Он поднял его и начал тихо выскабливать сорок пятую зарубку на ложе своего «винчестера».

***

Наступил вечер.

Они не обнаружили его, но и не ушли.

Это было странно – стать свидетелем того, как аберы идут по следу, руководствуясь чутьем. Тобиас припомнил ночь, которую провел на сосне. При лунном свете он наблюдал, как абер прошел в пятидесяти ярдах под ним, опустив нос к земле, явно выслеживая кого-то.

Может, дело в ручье?

Тобиас пересек ручей почти в беспамятстве, но вода поднималась до колен. Может, он скрыл свой запах, или, по крайней мере, замаскировал его настолько, чтобы сбить их со следа. По правде говоря, Тобиас не знал точно, насколько остры органы обоняния аберов. И что именно они засекают. Отмершие частицы кожи? Вонь только что примятой травы?.. Господи, прости, они так же талантливы, как и собаки-ищейки.

Солнце село. Аберы расположились на поляне. Некоторые тесно свернулись в позе эмбриона возле валунов и уснули. Другие развалились у ручья, окунув когти в воду.

Спустя некоторое время четверо из них исчезли в лесу.

Тобиас никогда еще не был так близко к стае.

Укрывшись в зарослях, он смог урывками разглядеть, что аберы не выше четырех футов. В сорока ярдах оттуда, где он лежал, трое плескались в ручье, в том месте, где он изгибался и исчезал в лесу. Это выбивало из колеи – видеть, как они общаются друг с другом: нечто среднее между борьбой львят и человеческих детей, играющих в перетягивание каната.

Он начал замерзать, жажда сводила его с ума.

У Тобиаса в рюкзаке было полбутылки воды, и он понимал, что жажда подталкивает его к тому, чтобы потянуться за ней, рискуя быть обнаруженным. Но он еще не настолько отчаялся.

Пока.

* * *

В сумерках из леса вернулись четыре абера. Они кого-то принесли – двое из них тащили создание, которое дергалось и кричало, когда они вышли на поляну.

Стая окружила вернувшихся.

Поляна наполнилась визгливыми воплями и щелканьем челюстей.

Тобиас слышал это уже столько раз – то был некий вид коммуникации.

Когда аберы образовали круг, шум поднялся такой, что он рискнул поднять ружье, чтобы понаблюдать сквозь оптический прицел.

Охотники принесли лося – длинноногого подростка-самца с едва начавшими прорезываться между ушей рогами. Пошатываясь, он стоял в кругу. Его правая задняя нога была скверно сломана, и он не касался копытом земли; сквозь сухожилие виднелась белая полоска кости.

Один из больших самцов втолкнул в круг молодого абера.

Стая завопила в унисон, воздев когти к небу.

Молодой абер застыл.

Получил еще один жестокий толчок.

Спустя мгновение начал подкрадываться к добыче. Лось неуклюже попятился на трех ногах. Это длилось некоторое время, как некий кошмарный балет.

Внезапно молодой абер ринулся вперед и, выставив когти, бросился на раненого зверя. Лось мотнул головой – попал, заставив абера отлететь назад и растянуться на земле.

Стая разразилась хаотическими звуками, смущающим образом напоминавшими смех.

В круг выпихнули еще одного детеныша, ростом в четыре с половиной фута и, по прикидкам Тобиаса, фунтов в восемьдесят.

Абер ринулся на лося, вспрыгнул ему на спину, впился когтями, и под его весом раненый самец упал на колени. Он поднял голову и издал беспомощный трубный вопль, когда молодой абер зарылся лицом в его шкуру и дико полоснул.

Игра продолжалась, детеныши по очереди гоняли лося по кругу. Кусали. Царапали. Пускали кровь здесь и там, но ни один из них не приблизился к тому, чтобы нанести серьезную рану.

Наконец шестифутовый самец-абер прыгнул в центр круга, схватил молодого сородича за шею и оторвал от спины лося. Держа юнца на весу, в нескольких дюймах от своего лица, он провопил что-то явно раздраженное, уронил детеныша и повернулся к лосю.

Словно осознав нарастающую угрозу, лось попытался встать, но его задняя нога была искалечена.

Взрослый абер приблизился к нему.

Тьма быстро сгущалась.

Абер подался к лосю.

Поднял правую руку.

Лось завопил.

Самец что-то пронзительно крикнул, и трое молодых аберов, прыгнув в круг, навалились на лося. Они пожирали его дымящиеся внутренности, грудой лежащие на траве.

Когда аберы сомкнули круг, чтобы понаблюдать, как кормится их молодняк, Тобиас опустил ружье.

На поляне теперь царили такой шум и суматоха, что он дотянулся до рюкзака и сунул в него руку. Он просовывал руку все глубже и глубже, пока наконец-то пальцы его не коснулись бутылки. Тобиас вытащил ее, открутил крышку и влил воду себе в глотку.

* * *

Он спал, дрожа и видя во сне то, чему был свидетелем. Руины Сиэтла – густой тихоокеанский тропический лес, заваленный упавшими небоскребами. Нижняя часть Спейс-Нидл[28] в сотню футов высотой еще стояла, окутанная буйством ползучих растений и подлеска. Ничего даже отдаленно узнаваемого, кроме вулкана Рейнира. С расстояния в шестьдесят миль вулкан как будто остался прежним две тысячи лет спустя. Тобиас сидел на вершине того, что некогда было холмом Королевы Анны, и плакал при виде этой горы, пока тропический лес не загудел от болтовни животных, никогда не видевших и не чуявших человека.

Ему снилось, как он стоял на пляже в Орегоне.

Скалы выступали из тумана, как корабли-призраки.

Он взял тогда палочку и написал на песке: «Орегон, Соединенные Штаты Америки». Сел, наблюдая за тем, как солнце опускается в море, приходит прилив и стирает эти слова.

Ему снилось, как он шел, не видя конца пути.

Ему снилось, как он спал на деревьях и переправлялся через реки.

Ему снились сны о его доме в Заплутавших Соснах. Столько одеял, сколько нужно. Вдоволь теплой еды. Дверь на запоре.

Безопасность за оградой.

Сон без страха.

И его женщина.

«Когда ты вернешься – а ты обязательно вернешься, – я трахну тебя так, солдат, будто ты только что вернулся домой с войны».

Она нацарапала эти слова на первой странице его дневника в ночь перед тем, как он ушел. Конечно, она не знала, куда он направляется, знала только, что ему, вероятно, не суждено вернуться.

Он испытывал к ней такую нежность…

И теперь – сильнее, чем когда-либо.

Если бы только она знала, сколько холодных и дождливых ночей он читал ее последние слова и чувствовал жар утешения…

Ему снилось, как он умирает.

Как возвращается.

И под конец приснилась самая кошмарная вещь, какую он видел в длинной чреде кошмаров.

Он услышал ее и почуял с расстояния в десять миль; шум доносился из старого леса с мамонтовыми деревьями в четыреста футов вышиной где-то рядом с границей того, что некогда было Калифорнией и Орегоном.

Когда он приблизился, шум стал ужасающим, напоминая сотни тысяч протяжных визгливых воплей. То был самый большой риск, на который он шел за четыре года, проведенные за оградой, но любопытство не позволило ему повернуть назад.

Даже спустя несколько дней слух его восстановился не до конца. Громкость была в десять раз больше, чем на самом шумном рок-концерте. Словно тысяча реактивных самолетов взлетели одновременно. Тобиас пополз к источнику звука, прикрываясь самодельным камуфляжем под лесную подстилку.

В полумиле от цели страх победил любопытство, и он не смог заставить себя подползти ни на фут ближе.

Тобиас мельком увидел *это* сквозь гигантские деревья – размером с десять футбольных стадионов, самые высокие острия поднимаются на несколько сотен футов над шатром леса. Он посмотрел сквозь оптический прицел ружья и попытался понять, что же он такое видит – структуру, сделанную из миллионов тонн грязи, бревен и камней, сцементированных какой-то смолой. Оттуда, где он лежал, сооружение напоминало гигантские черные медовые соты – десять тысяч отдельных клеток, в которых кишели аберрации и запасы их разлагающейся добычи.

Запах был такой, что слезились глаза.

Шум – такой, словно тысячу человек одновременно свежевали заживо.

Эта штуковина выглядела совершенно чуждой… Тобиас пополз прочь, и тут осознание ударило его прямо промеж глаз.

Эта чудовищность была городом.

Аберы строили цивилизацию.

Планета принадлежала им.

*   *   *

Тобиас проснулся.

Снова было светло – мягкая, нерешительная голубизна висела на поляной.

Все было покрыто изморозью, и его штанины замерзли и стали жесткими ниже колен.

Аберы исчезли.

Тобиас неудержимо дрожал.

Ему нужно было встать, начать двигаться, помочиться, разжечь огонь, но он не осмеливался это сделать.

Кто знает, как давно стая ушла отсюда…

*** * ***

Солнце поднялось над утесом, и солнечный свет ударил по поляне.

Изморозь дымилась, испаряясь с травы.

Тобиас не спал уже три или четыре часа и слышал лишь шелест трепетания листвы в лесу вокруг.

Он сел.

Каждый его мускул ныл и пылал после вчерашнего спринта, походя на перетянутую гитарную струну.

Он осмотрелся по сторонам. Руки и ноги начали гореть, когда к ним прилила кровь.

Он с трудом встал, и тут до него дошло.

Он все еще дышит.

Все еще стоит.

Каким-то образом… он выжил.

Над ним пылали алые листья невысокого дуба, освещенные сзади солнцем.

Он уставился сквозь листву в голубизну – беспримерную голубизну небес, какую никогда еще в жизни не видел.

Глава 15

Когда Итан проснулся, Тереза и Бен уже ушли: одна – на работу, другой – в школу.

Он почти не спал.

Голым прошел по холодному деревянному полу к окну и соскреб корку льда со стекла. Свет, проникающий в это окно, до сих пор был таким слабым, что, скорее всего, солнце еще не вышло из-за восточной гряды гор, возвышающихся над городом.

Тереза предупредила, что настоящая зима тут всегда приходит в течение месяца – в границах двух недель до и двух недель после солнцестояния, когда солнце никогда не поднимается над утесами, окружающими Заплутавшие Сосны.

Он пропустил завтрак.

Взял кофе навынос в «Ароматном парке́».

Двинулся из города на юг.

Итан проснулся с нарастающим сожалением, как в похмельное утро: все еще смутно помня минувшую ночь и с замирающим чувством, что гадски облажался.

Потому что он и вправду облажался.

Он рассказал все Терезе.

Это было почти невообразимо.

Откровенно говоря, он уже пребывал в расстроенных чувствах после встречи с Кейт, а жена пустила в ход внушительный арсенал своих уловок, чтобы получить именно то, чего добивалась. Итан еще не знал, насколько трагичной была его ошибка. В худшем случае Тереза совершит оплошность, расскажет остальным, и город расколется пополам. Пилчер объявит «красный день». Он, Итан, потеряет жену. Бен лишится матери. Даже представить такое было убийственно.

С другой стороны, Бёрк не мог отрицать, как чертовски здорово было наконец кому-то все рассказать, тем более – своей жене. Женщине, от которой у него предположительно не должно было быть секретов. Если она сумеет держать рот на замке, если сумеет переварить информацию – никаких оговорок, никаких мгновений слабости, никаких неверных шагов, никаких истерик, – тогда еще один человек сможет разделить вес сокрушительного знания. По крайней мере, Тереза наконец-то поймет, какую ношу он держит на плечах каждый божий день.

Пройдя полдороги, Итан взглянул на «прощальный» плакат Заплутавших Сосен – семья из четырех человек, застывшая с улыбками на лицах, машущая руками.

«Мы надеемся, что вы наслаждались визитом в Заплутавшие Сосны! Не пропадайте надолго! Возвращайтесь скорей!»

Конечно, то было лишь подготовкой к большой шутке Пилчера. Дорога просто делала поворот и возвращалась обратно в полумиле отсюда, чтобы преподнести истерическую концовку этой шуточки. Точно такая же идеальная улыбающаяся семья на билборде приветствовала всех следующими словами: «Добро пожаловать в Заплутавшие Сосны, где обретается рай».

Не то чтобы Итан не ценил эту иронию и, в некотором смысле, даже юмор. Но, учитывая минувшую ночь и то дерьмовое шоу, в которое быстро превращалась его жизнь, больше всего на свете ему хотелось иметь при себе дробовик двенадцатого калибра, чтобы истыкать дырками несносные счастливые лица.

В следующий раз.

Этот план явно сулил облегчение.

Добравшись до леса, Итан допил свой кофе и выплеснул осадок. Начал сминать пенопластовый стаканчик – и тут увидел кое-что внутри.

Слова, выведенные почерком Кейт.

Тонким, черным «шарпи»[29] было написано: «3:00. Угол Главной и Восьмой. Стой у передней двери театра. Без чипа – или не трудись приходить».

* * *

Дверь в тоннель была уже поднята, и Пэм ожидала его, сидя на переднем бампере джипа в черных шортах из спандекса и безрукавке из лайкры. Ее коричневые волосы были стянуты в «конский хвост», но все еще темны от пота – похоже, она занималась изматывающей тренировкой.

– Ты выглядишь, как обложка плохого журнала, посвященного «сгустку мышц»[30].

– Я тут титьки себе отмораживаю.

– Ты почти не одета.

– Только что закончила свои девяносто минут на велотренажере. Не думала, что ты так опоздаешь.

– У меня была длинная ночь.

– Гонялся за своей старой любовью?

Итан проигнорировал эту реплику и залез на пассажирское сиденье. Пэм завела двигатель, рванула в лес и сделала поворот на сто восемьдесят градусов, который вышвырнул бы Бёрка из джипа, не схватись он в последнюю секунду за поручень наверху.

Пэм вдавила педаль в пол и вернулась в тоннель. Замаскированная дверь закрылась за ними, а они с воем понеслись в сердце *горы*.

* * *

Поднимаясь в лифте на этаж Пилчера, Пэм сказала:

– Сделай мне сегодня одолжение.

– Какое?

– Проверь Уэйна Джонсона.

– Новичок?

– Да.

– И как он?

– Еще рано об этом говорить. Он очнулся только вчера. Я пошлю с тобой в город копию его личного дела, но я видела отчет наблюдения, который показывает, что он нынче утром прошел по дороге до края города.

– Он добрался до ограды?

– Нет, он не уходил с дороги, но явно стоял там очень долго, таращась в лес.

– И чего именно ты от меня ожидаешь?

– Просто поговори с ним. Убедись, что он понимает правила. Понимает, что от него ожидается. И возможные последствия.

– Ты хочешь, чтобы я ему угрожал?

– Если решишь, что это необходимо. Было бы мило, если бы ты помог подвести его к убеждению, что он мертв.

– Каким образом?

Пэм ухмыльнулась и стукнула Итана по руке достаточно сильно, чтобы ее свело.

– Ой.

– Придумай сам, тупица. Это может быть весело, знаешь ли.

– Что весело? Говорить человеку, что он мертв?

Лифт остановился, двери раскрылись, но когда Итан сделал движение, чтобы выйти из кабины, Пэм выбросила перед ним руку. Она не была такой мускулистой, какой изображают женщин-бодибилдеров в мультиках, но ее мышечный тонус был чертовски впечатляющим. Рука была худой и твердой.

– Если бы тебе пришлось рассказать мистеру Джонсону, что он мертв, – сказала она, – ты бы упустил самое главное. Ему нужно прийти к такому выводу самостоятельно.

– Это жестоко.

– Нет, это спасет ему жизнь. Потому что, если он будет искренне верить, что мир все еще существует, знаешь, что он попытается сделать?

– Попробует сбежать.

– И догадываешься, кому придется его отловить? Дам подсказку. Рифмуется со словом «титан».

Она улыбнулась этой своей улыбочкой, говорившей «я – сумасшедшая сука», и уронила руку.

– После вас, шериф.

Итан двинулся через резиденцию Пилчера, потом – по коридору к его кабинету, с усилием открыл дубовые двойные двери и вошел.

Пилчер стоял позади своего стола возле прорубленного в скале окна и глядел сквозь стекло.

– Входите, Итан. Хочу кое-что вам показать. Поторопитесь, иначе пропустите.

Бёрк прошел мимо стены из плоских мониторов и обогнул стол. Пэм появилась с другой стороны от Пилчера, а тот показал на окно и сказал:

– Теперь просто наблюдайте.

С этой высокой точки была видна долина Заплутавших Сосен, лежащая в тени.

– Вот оно.

Солнце показалось над восточной грядой.

Солнечные лучи косо упали в центр города в сиянии раннего утра.

– Мой город, – прошептал Пилчер. – Я пытаюсь уловить первый свет, который касается его каждый день.

Он жестом предложил Бёрку и Пэм сесть.

– Что у вас для меня есть, Итан?

– Прошлой ночью я виделся с Кейт.

– Хорошо. И какую игру вы разыграли?

– Полную честность.

– Не понял?

– Я рассказал ей все.

– Я что-то пропустил?

– Кейт не дура.

– Вы рассказали ей, что ведете расследование ее дела? – В словах Пилчера звучал гнев.

– Думаете, она бы не пришла именно к такому выводу? – спросил Итан.

– Ну, теперь мы никогда этого не узнаем, верно?

– Дэвид…

– Верно?

– Я ее знаю. Вы – нет.

– Итак, ты рассказал ей, что мы ее засекли, – проговорила Пэм. – А она ответила: «Отлично, вон оно что!»

– Я сказал, что она под подозрением и что я мог бы ее защитить.

– Сыграли на старых чувствах, а?

– Что-то типа того.

– Ладно, не самый худший подход… Итак, что вы выяснили?

– Она говорит, что в последний раз видела Алиссу на Главной улице в ночь ее гибели. Они разошлись в разные стороны. Тогда Алисса была еще жива.

– Еще что?

– Она понятия не имеет, что находится за оградой. Все время спрашивала меня об этом.

– Тогда почему она шляется посреди ночи?

– Не знаю. Она мне не рассказала. Но у меня есть шанс это выяснить.

– Когда?

– Сегодня ночью. Но нужно вынуть мой чип.

Пилчер посмотрел на Пэм, потом снова на Итана.

– Невозможно.

– В ее записке недвусмысленно сказано: «Без чипа – или не трудись приходить».

– Так просто скажите, что вынули его.

– Думаете, они не проверят?

– Мы можем сделать разрез сзади на вашей ноге. Они ни за что не распознают разницы.

– А если у них есть какой-то другой способ это выяснить?

– Например?

– Блин, да мне почем знать! Но если нынче ночью в моей ноге будет микрочип, я останусь дома.

– Я совершил эту ошибку с Алиссой. Позволил ей уйти без связи. Если бы у нее был чип, мы бы уже знали, куда она ходила. Где ее убили. Я не сделаю ту же ошибку дважды.

– Я могу за себя постоять, – сказал Итан. – Вы оба в этом убедились. Собственноручно.

– Может, нас заботит не столько твоя безопасность, сколько твоя верность, – сказала Пэм.

Итан повернулся в кресле.

Однажды он сражался с этой женщиной в подвале больницы. Она ринулась на него со шприцем, а он с разбегу врезался в нее и влепил ее лицом в бетонную стену. Теперь он мысленно заново пережил тот момент, словно воспоминание о доброй еде, желая, чтобы можно было повторить.

– Она привела веский довод, Итан, – сказал Пилчер.

– И в чем заключается этот довод? В том, что вы мне не доверяете?

– Вы отлично справляетесь, но прошло слишком мало времени. И еще многое надо доказать.

– Я хочу, чтоб чип вынули, или я никуда не пойду. Все просто.

В голосе Пилчера прозвучала жесткая нотка:

– Завтра с первыми лучами солнца вы будете в моем офисе с полным отчетом. Все ясно?

– Да.

– А теперь мне придется вам пригрозить.

– Тем, что случится с моей семьей, если я решу рвануть в бега или совершу другой акт непослушания? Давайте я просто представлю себе самое худшее и решу, что вы это сделаете. Вот что мне действительно нужно – так это перемолвиться с вами словечком наедине. – Итан взглянул на Пэм. – Ты не возражаешь?

– Конечно, нет.

Когда дверь за ней закрылась, Бёрк сказал:

– Мне бы хотелось получить более четкую картинку того, какой была ваша дочь.

– Зачем?

– Чем больше я о ней узна́ю, тем больше шансов выяснить, что с ней случилось.

– Полагаю, мы знаем, что с ней случилось, Итан.

– Вчера я был в ее комнате. Возле ее двери повсюду были цветы и карточки. Целые потоки чувств. Но я гадал… Были ли у нее враги внутри *горы*? Я имею в виду – она же была дочерью босса.

Итану показалось, что Пилчер может взорваться из-за такого вторжения в его личные чувства, в его горе. Но вместо этого тот откинулся на спинку кресла и сказал почти мечтательно:

– Алисса была последним человеком, который стал бы извлекать выгоду из своего статуса. Она могла бы жить в этих апартаментах в роскоши вместе со мной, делать все, что заблагорассудится. Но вместо этого продолжала жить в спартанских казармах и выполняла такие же задания, как и все остальные. Никогда не искала преференциального режима из-за того, кем была. И все это знали. И из-за этого все еще больше ее любили.

– Вы с нею ладили?

– Да.

– Что Алисса думала обо всем этом?

– О чем – обо всем?

– О городе. О наблюдении. Обо всем.

– На ранних порах, когда все мы вышли из консервации, у нее случались приступы идеализма.

– Вы имеете в виду – она не соглашалась с вами насчет того, как вы управляете Заплутавшими Соснами?

– Именно. Но к тому времени, как ей стукнуло двадцать, она начала по-настоящему взрослеть. Она поняла причины, стоящие за камерами и «красными днями». Оградой и тайнами.

– Как она стала шпионкой?

– Она сама об этом попросила. Возникла необходимость выполнить такое задание. Было много добровольцев. У нас с нею случился крупный спор. Я не хотел, чтобы она этим занималась. Ей было всего двадцать четыре. Такая умница… Она могла бы поучаствовать во множестве других дел, не подвергаясь при том опасности. Но, стоя здесь несколько месяцев тому назад, она сказала: «Я – лучшая кандидатура для данной миссии, папочка. Ты это знаешь. Я это знаю. Все это знают».

– Поэтому вы ее отпустили.

– Как вы довольно скоро выясните с вашим сыном, отпустить – самое трудное и самое великое, что мы можем сделать для своих детей.

– Спасибо, – сказал Итан. – Похоже, теперь я знаю ее чуть получше.

– Хотел бы я, чтобы вы и вправду получили шанс ее узнать. Она была… это было нечто.

На полпути к дверям Итан остановился, оглянулся на Пилчера.

– Могу я задать еще один назойливый вопрос?

Тот печально улыбнулся.

– Конечно. Зачем останавливаться на полпути?

– Мать Алиссы. Где она?

Как будто что-то надломилось в лице этого человека. Пилчер словно внезапно состарился, словно был смыт фундамент, на котором он стоял.

Итан немедленно пожалел, что задал такой вопрос.

Словно воздух высосали из комнаты.

– Из всех, кто вышел из консервации, девять человек так и не очнулись на другой стороне. Элизабет была одной из девяти. А теперь я потерял и дочь… Обнимите свою семью сегодня на ночь, Итан. Крепко их обнимите.

* * *

Операционная находилась внизу, на втором уровне, и хирург уже ожидал. Это был кругловатый сутулый мужчина с неуклюжими движениями, словно кости его атрофировались после долгих лет жизни в *горе* и слишком малого пребывания на солнце. Белый халат доходил до самых его туфель с загнутыми острыми носками; врач уже надел хирургическую маску.

Когда Итан и Пэм вошли, доктор поднял глаза от раковины, в которую лилась исходящая паром вода.

Он неистово мыл руки.

Не представился.

Просто сказал:

– Снимите штаны и лягте на стол на живот.

Итан посмотрел на Пэм.

– Ты останешься посмотреть?

– Ты и вправду думаешь, что я упущу шанс понаблюдать, как тебя режут?

Итан сел на табурет и начал стягивать сапоги.

Все уже было готово.

На подносе на голубой стерильной тряпке были разложены: скальпель, пинцет, шовная нить, игла, ножницы, иглодержатель, марля, йод и маленький пузырек без ярлычка.

Итан снял сапоги, расстегнул ремень и уронил свои штаны-хаки.

Пол сквозь носки был холодным.

Хирург локтем закрыл кран.

Итан забрался на стол и лег на живот на ткань. На противоположной стене висело зеркало – за мониторами и штативами для капельниц. В него Итан наблюдал, как доктор закончил натягивать хирургические перчатки и подошел.

– Насколько глубоко находится микрочип? – спросил Бёрк.

– Не слишком глубоко, – ответил доктор.

Он откупорил пузырек с йодом. Налил немного на ткань. Промокнул заднюю часть левой ноги Итана.

– Мы вживляем их в *biceps femoris*[31].

Доктор воткнул шприц в самый маленький пузырек.

– Слегка пощиплет, – сказал он.

– Что это?

– Просто местный анестетик.

Как только задняя часть ноги онемела, все прошло быстро.

Итан ничего не почувствовал, но в зеркале наблюдал, как доктор поднял скальпель.

Ощутил легкое давление.

Вскоре на латексных перчатках доктора появились пятнышки крови.

А минуту спустя он положил скальпель и взял пинцет.

Еще через двадцать секунд микрочип звякнул о металлический поднос рядом с головой Итана. Чип был похож на чешуйку слюды.

– Сделайте мне одолжение, – сказал Бёрк, когда доктор ввел в рану кусочек марли.

– Какое?

– Наложите неряшливые стежки.

– Умничка, – сказала Пэм. – Это завоюет тебе кое-какое доверие Кейт, если она решит, что ты сам себя резал. Типа как ты сорвался с цепи.

– Это и было у меня на уме.

Доктор взялся за иглодержатель, с которого свисала темная нить.

*** * ***

Боль от разреза начала согревать сзади ногу Итана, когда он и Пэм спустились на первый уровень, в коридор, ведущий к пещере.

Бёрк остановился у двери камеры Маргарет, подался к стеклянному окошку и приложил ладони к лицу, чтобы прикрыть по бокам глаза.

– Ты чего? – спросила Пэм.

– Хочу снова ее увидеть.

– Тебе нельзя.

Он прищурился сквозь стекло в темноту.

Ничегошеньки не увидел.

– Ты работала с ней? – спросил Итан.

– Да.

– И что ты о ней думаешь?

– Ее следовало бы швырнуть в кремационную печь вместе с остальными экземплярами. Пошли.

Итан посмотрел на Пэм.

– Ты не видишь никакой пользы в изучении аберов? Они превосходят нас в численности на несколько сотен миллионов.

– О, ты имеешь в виду, что мы можем с ними сосуществовать? И какое же хипповое дерьмо типа «давайте возьмемся за руки» ты предлагаешь?

– Выживание, – ответил Итан. – А вдруг они не все бессмысленно жестокие? Если они и вправду обладают разумом, с ними возможно общаться.

– В Заплутавших Соснах имеется все, что нам нужно.

– Мы не можем жить в этой долине вечно.

– Почем ты знаешь?

– Потому что я не считаю условия существования в городе «жизнью».

– И как бы ты это назвал?

– Тюремным заключением.

Он снова повернулся к камере.

Голова Маргарет заполнила круглое окно в дюймах от его лица.

Она уставилась Итану в глаза.

Разумная.

Совершенно спокойная.

– Пенни за твои мысли, – сказал он.

Ее черные когти начали постукивать по стеклу.

Глава 16

Это был викторианский дом с двумя спальнями в северо-восточной части города, недавно покрашенный, с двумя соснами на переднем дворе. На черном почтовом ящике уже было выведено по трафарету имя «Уэйн Джонсон».

Итан шагнул на крыльцо и выбил на двери дробь медным кольцом.

Спустя мгновение дверь открылась.

Полный, лысеющий, болезненно-бледный мужчина посмотрел на Итана снизу вверх, прищурившись от яркого света.

На нем был купальный халат, и остатки его волос выглядели встрепанными, будто со сна.

– Мистер Джонсон? – спросил Итан.

– Да?

– Привет. Я просто хотел заглянуть и представиться. Я – Итан Бёрк, шериф Заплутавших Сосен.

Странно, но Итан чувствовал, что это нечестно – претендовать на такое положение.

Мужчина удивленно уставился на него.

– Ничего, если я на минутку зайду?

– Э-э… Конечно.

В доме все еще стоял необжитой, стерильный запах.

Они уселись за маленьким кухонным столом.

Итан снял свой стетсон и расстегнул парку. На кухонных столах выстроились горшочки и тарелки, завернутые в фольгу. Соседям, без сомнения, позвонили и убедили их приносить мистеру Джонсону обеды и ужины в течение его первой трудной недели.

Те три тарелки, в которые можно было заглянуть, выглядели нетронутыми.

– Вы едите? – спросил Итан.

– Вообще-то у меня почти нет аппетита. Люди приносят еду…

– Хорошо, значит, вы знакомитесь с соседями.

На это Уэйн Джонсон ничего не ответил.

Руководство по обживанию в Заплутавших Соснах, которое вручали каждому по прибытии, лежало открытое на столешнице из искусственного дерева. Семьдесят пять страниц ужасных угроз, заглазированных под «советы» на тему того, как счастливо жить в Соснах. Первую неделю в бытность свою шерифом Итан провел, запоминая руководство от корки до корки. Книжка была открыла на той странице, где объяснялось, как распределяется еда в зимние месяцы, когда сады глубоко промерзают.

– Мне сказали, что скоро я буду работать, – сказал Уэйн.

– Так и есть.

Мужчина положил руки на колени и уставился на них.

– И чем я буду заниматься?

– Пока точно не знаю.

– Вы один из людей, с которыми я могу по-настоящему разговаривать? – спросил Уэйн.

– Да, – ответил Итан. – Прямо сейчас вы можете задать мне любой вопрос, мистер Джонсон.

– Почему это со мной происходит?

– Не знаю.

– Не знаете? Или не скажете?

В начале пособия имелся раздел, озаглавленный «Как справиться с вопросами, страхами и сомнениями насчет того, где вы».

Итан подтянул к себе пособие и пролистал до этого раздела.

– Данная глава может послужить вам руководством, – сказал он.

Он чувствовал себя так, будто пересказывает очень плохой сценарий, которому сам не верит.

– Руководством для чего? Я не знаю, где я. Я не знаю, что со мной случилось. И никто мне ничего не говорит. Мне не нужно руководство, мне нужны гребаные ответы!

– Я понимаю, вы расстроены, – сказал Итан.

– Почему не работает телефон? Я пять раз пытался позвонить матери. Просто гудки да гудки. Тут что-то не так. Она всегда дома, всегда рядом с телефоном…

Итан не так давно сам был в шкуре Уэйна Джонсона.

Отчаянный.

Перепуганный.

Теряющий рассудок, пока он бегал по городу в попытках связаться с внешним миром.

Пилчер и Пэм устроили все так, чтобы Итан поверил, будто сходит с ума. Такой с самого начала была задумана его интеграция. Уэйн Джонсон был другим. Он получал то же, что и большинство людей: несколько недель на исследование города, на исследование границ – и несколько истерик перед тем, как на него подействует добро с кулаками.

– Нынче утром я прошел по дороге, ведущей из города, – сказал Уэйн. – И знаете что? Дорога просто сделала петлю и вернулась обратно. Это неправильно. Что-то тут не так. Я появился здесь всего пару дней тому назад. Как же может статься, что дороги, по которой я приехал в город, больше не существует?

– Послушайте, я понимаю, что у вас есть кое-какие вопросы, и…

– Где я? – Голос Уэйна разнесся по всему дому. – Что это, к дьяволу, за место?

Лицо его покраснело, он дрожал.

Итан услышал собственный голос:

– Это просто город, мистер Джонсон.

И вот что было страшно – он даже не задумался над ответом. Выпалил его так, будто был запрограммирован на эти слова. Он ненавидел себя за это. Ему говорили то же самое снова и снова во время *его* интеграции.

– Просто город? – переспросил Уэйн. – Ага. Просто город, который тебе не разрешается покинуть, в котором тебе не разрешается контактировать с внешним миром.

– Поймите вот что, – сказал Итан. – Все в Заплутавших Соснах были на вашем месте, включая меня самого. Потом станет лучше.

«Поздравляю. Теперь ты открыто лжешь этому человеку».

– А я говорю, что хочу уехать, шериф. Что больше не хочу тут находиться. Что хочу домой. Вернуться к своей прежней жизни. Что вы на это скажете?

– Это невозможно.

– Невозможно уехать отсюда?

– Вот именно.

– И какой же властью, по-вашему, вы обладаете, чтобы удерживать меня здесь против моей воли?

Итан встал. Его начинало от всего этого тошнить.

– Какой властью? – повторил Уэйн.

– Чем скорее вы примиритесь со своей новой жизнью здесь, тем лучше у вас пойдут дела.

Бёрк надел шляпу.

– Хотел бы я, чтобы вы просто прямо выложили, что у вас на уме, – сказал мистер Джонсон.

– Простите?

– Если я попытаюсь уйти, вы меня убьете. Суть в этом, верно? Это та самая горькая правда, вокруг которой вы танцуете?

Итан похлопал по руководству для вновь прибывших.

– Здесь есть все, – сказал он. – Все, что вам нужно знать. В городе – жизнь. За пределами города – смерть. Все и вправду очень просто.

Когда он вышел из кухни и вернулся к передней двери, Уэйн Джонсон окликнул его:

– Я мертв?

Итан уже взялся за дверную ручку.

– Пожалуйста, шериф, просто скажите мне. Я могу с этим справиться. Я погиб в той аварии?

Итану не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что мужчина плачет.

– Это ад?

– Это просто город, мистер Джонсон.

Когда Бёрк вышел, в его голове крутилась единственная мысль: «Пэм бы гордилась мной».

И впервые в своей жизни он почувствовал себя по-настоящему злым.

* * *

Итан рассчитал время своего пути до дома так, чтобы заглянуть в ювелирный магазин, а потом зайти в агентство недвижимости Терезы как к концу ее рабочего дня. Он завернул за угол Главной; нога сзади побаливала в месте разреза.

Небо затянулось тучами, зажглись уличные фонари, стоял жгучий холод.

Вот она – стоит в полуквартале отсюда, глядя вверх, в ночь. На ней был серый шерстяной плащ свободного покроя и вязаная шапка, завязанная под подбородком – виднелось всего несколько прядей светлых волос.

Тереза пока не заметила его и пыталась вытащить ключ из замка. Безучастность ее лица что-то надломила в Итане.

Она выглядела сокрушенной.

Изношенной.

Он окликнул ее по имени.

Она оглянулась.

У Терезы была черная полоса. Он сразу это увидел. Мог побиться об заклад на деньги, что она весь день боролась со слезами. Потянувшись к жене, он обнял ее.

Они вместе пошли по тротуару.

На улице была всего горстка людей, которые запирали магазины, возвращались домой с работы.

Итан спросил, как прошел день, и она ответила:

– Прекрасно, – голосом, который подсекал значение этого слова.

Они двинулись наискосок через перекресток с Шестой улицей.

– Я не могу этого сделать, – сказала Тереза.

Теперь в ее голосе звучали слезы, горло ее сдавило от эмоций.

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

– Я знаю.

– Но не здесь. И не так.

– Нас сейчас могут услышать?

– Если мы не будем осторожны. Говори тихо и смотри в землю. Кое-что я не рассказал тебе прошлой ночью.

– Что?

Итан обнял ее за талию, притянул ближе и проговорил:

– Погоди секундочку.

Они прошли мимо уличного фонаря на углу, в котором, как знал Итан, были спрятаны камера и микрофон.

Когда они отошли от фонаря на пятьдесят шагов, он сказал:

– Ты знала, что в твоей ноге, сзади, есть микрочип?

– Нет.

– Вот так они нас отслеживают.

– У тебя тоже есть такой чип?

– Свой я только что вынул. Временно.

– Почему?

– Объясню позже. Я хочу вытащить твой. Только тогда мы сможем по-настоящему разговаривать.

Их дом стоял недалеко от холма.

– Это будет больно? – спросила Тереза.

– Да. Мне придется сделать разрез. Мы сделаем это в кресле, которое стоит в кабинете.

– Почему именно там?

– Там в нашем доме «слепое пятно». Единственное. Камеры не могут нас там увидеть.

Ее губы сложились в еле заметную улыбку.

– Так вот почему ты всегда хотел меня в кабинете…

– Именно.

– Уверен, что сможешь это сделать?

– Думаю, да. Ты готова?

Тереза сделала глубокий вдох, потом выдохнула.

– Буду готова.

* * *

Итан стоял под аркой между кухней и столовой, глядя на Бена: тот сидел за столом, утонув в большом халате и набросив на плечи одеяло. Единственным звуком в доме был звук карандаша, которым мальчик водил по бумаге.

– Привет, дружище, – сказал Итан. – Как продвигается?

– Хорошо.

Бен не поднял глаз от своего рисунка.

– Над чем ты там трудишься?

Сын показал на стоящий в центре стола предмет – хрустальную вазу с букетом цветов, который долго держался, прежде чем капитулировать перед холодом в доме. Опавшие, потерявшие цвет лепестки валялись на столе вокруг вазы.

– Как прошел день в школе?

– Хорошо.

– Что ты проходишь?

Это вырвало Бена из сосредоточенности.

То был откровенно ложный шаг – похмелье от прежней жизни Итана.

Сбитый с толку мальчик поднял на него глаза.

– Неважно, – сказал Итан.

Даже в доме было настолько холодно, что он видел пар от дыхания сына.

Ярость нахлынула ниоткуда.

Он круто повернулся и зашагал по коридору, рывком распахнул заднюю дверь, вышел по настилу во двор.

Трава была пожелтевшей, умирающей.

Осины, которые отделяли их участок от соседского, практически в одночасье потеряли листву. Пол дровяного сарая все еще был усыпан кусочками коры и сосновыми щепками, оставшимися от прошлогоднего запаса дров.

Выдернув топор из колоды с плоской верхушкой, Итан представил, как Тереза рубит тут дрова – одна, на холоде, пока он все еще в консервации.

Бёрк ринулся обратно в дом, темная сила ехала на его плечах.

Тереза была в столовой вместе с Беном, наблюдая, как тот рисует.

– Итан? Все в порядке?

– В полном, – ответил он.

Первый удар расколол пополам кофейный столик, сложив две половинки внутрь.

– Итан! Какого черта?

Тереза была уже в кухне.

– Я вижу…

Итан поднял топор.

– …Гребаное дыхание моего сына в этом гребаном доме.

Следующий удар разнес левую половину стола, расщепив дуб на три части.

– Итан, это наша мебель…

Он посмотрел на жену.

– Была наша мебель. Теперь это – топливо. Есть где-нибудь газета?

– У нас в спальне.

– Не возражаешь, если я возьму?

К тому времени, как Тереза вернулась со «Светом Заплутавших», Итан порубил кофейный столик на куски такой величины, чтобы их можно было впихнуть в печь.

Они скомкали обрывки газетной бумаги и засунули под растопку. Итан открыл заслонку и поджег бумагу. Когда огонь разгорелся, он окликнул Бена.

Мальчик подошел с альбомом для рисования под мышкой.

– Да?

– Иди, порисуй у огня.

Бен посмотрел на разнесенный в щепки кофейный столик.

– Давай, сынок.

Мальчик занял место в кресле-качалке рядом с печкой.

– Я оставлю для тебя дверцу открытой, – сказал Итан. – Когда огонь разгорится, добавь еще деревяшку.

– Хорошо.

Итан посмотрел на Терезу, стрельнул глазами в сторону коридора, захватил из кухни тарелку и последовал за женой в кабинет.

И заперся изнутри.

Свет, проникавший через окно, был серым, слабым, угасающим.

Тереза спросила одними губами:

– Ты уверен, что здесь они нас не видят?

Итан подался к ней и прошептал:

– Да, но все-таки могут услышать.

Он усадил ее в кресло, приложил палец к губам. Сунув руку в карман, вытащил клочок бумаги, который сложил тридцать минут назад в участке. Тереза развернула его.

«Мне нужно добраться до задней части твоей ноги. Сними брюки и перевернись. Прости, но это будет очень больно. Ты должна вести себя тихо. Пожалуйста, доверься мне. Я очень тебя люблю».

Она подняла взгляд от записки.

Испуганно.

Опустив руки, начала расстегивать джинсы.

Итан помог их спустить. Когда он стащил их, в этом было нечто невольно эротическое – импульс не останавливаться, раздевать ее и дальше. В конце концов, то было их «трахательное кресло».

Тереза повернулась лицом к спинке и вытянула ноги, как будто разминалась.

Итан обошел вокруг кресла и встал сбоку.

Он был на девяносто процентов уверен, что находится вне поля зрения камеры: судя по тому, что он видел в кабинете Пилчера, камера смотрела вниз с книжной полки на другой стороне комнаты.

Он поставил тарелку на пол и снял пальто. Опустившись на колени, откинул клапан одного из больших карманов и вытащил все, что награбил нынче днем в своем кабинете.

Пузырек спирта для протирки.

Пригоршню ватных шариков.

Марлю.

Тюбик суперклея.

Фонарик-карандаш.

Пинцет, который сунул в карман в медицинском кабинете в суперструктуре.

Нож «Спайдерко Гарпия».

Он уставился на ногу Терезы, а запах древесного дыма сочился тем временем из гостиной в щель под дверью. Итан не сразу сосредоточился на старом белом шраме от разреза, напоминающем след крошечной гусеницы. Откупорив пузырек со спиртом, он поднес к нему ватный шарик и перевернул пузырек.

Резкий чистый запах изопропилового спирта наполнил комнату.

Итан провел влажным ватным шариком по шраму, а потом протер тарелку. Открыл «Спайдерко». Клинок был зловещим с виду изделием ножовщика – зазубренный по всей длине, загибающийся к концу, как коготь хищной птицы. Итан смочил еще один ватный шарик и простерилизовал лезвие, а потом – пинцет.

Тереза наблюдала за ним, в ее глазах застыло выражение, очень напоминающее ужас.

– Не смотри, – одними губами выговорил он.

Жена кивнула, поджала губы, подбородок ее затвердел от напряжения.

Когда Итан прикоснулся острием ножа к верхней точке шрама, тело Терезы одеревенело. Он так и не собрался с духом, чтобы начать резать ее, но все равно ринулся в это очертя голову.

Тереза резко втянула воздух сквозь зубы, когда лезвие проникло в ее ногу.

Глаза Итана на миг сосредоточились на ее руках, внезапно сжавшихся в кулаки.

Он заставил себя дистанцироваться от этого.

Лезвие было безумно острым, но то было маленьким утешением. Без всяких усилий – это было все равно что резать теплое масло – он легко провел им по всей длине шрама своей жены. Непохоже было, чтобы он причинял ей боль, но лицо Терезы сморщилось и покраснело, а костяшки пальцев побелели, когда по ноге протянулась прямая полоска крови.

Он помнил этот взгляд.

Эту неистово красивую решительность.

В ночь рождения их сына.

Острие ножа погрузилось на четверть, может, на полдюйма, и Итан задумался – вошел ли он достаточно глубоко, чтобы обнажить мышцу.

Он осторожно вытащил клинок и положил нож на тарелку. Кровь покрыла острие «Гарпии», густая, как машинное масло. На белом фарфоре появились брызги и пятна. Джинсы Терезы были заляпаны красным, кровь собралась в щелях кресла.

Итан взял пинцет, включил фонарик и зажал его в зубах. Наклонился ниже, чтобы рассмотреть как следует новый разрез.

Левой рукой развел в стороны края разреза. Правой ввел в него пинцет.

Слезы потекли по лицу Терезы, она обеими руками вцепилась в свои волосы. Итан сомневался, что, если ему придется углубить ранку, она это выдержит.

Он медленно открыл пинцет.

Тереза издала самый громкий звук, который издавала до сих пор, – глубокий и гортанный.

Ее пальцы скребли по обитым материей ручкам кресла.

Самым трудным для Итана было не проронить ни единого слова одобрения и утешения.

Он посветил фонариком в рану.

Увидел мышцу.

Микрочип отразил перламутровое мерцание поджилки Терезы.

Итан взял с тарелки «Гарпию».

«Твои руки не должны дрожать».

Пот жег глаза.

«Почти всё, детка».

Он снова ввел лезвие в рану, и кровь потекла по ноге. Тереза вздрогнула, когда кончик «Гарпии» коснулся мышцы, но Итан не поколебался.

Он ввел кончик ножа между мышцей и микрочипом и выковырял его.

Вытащил лезвие.

Микрочип едва держался на кончике ножа.

Итан не дышал.

Сделав большой глоток воздуха, он положил нож на тарелку. Тереза смотрела на него, отчаянно вопрошая глазами. Он кивнул, улыбнулся и взял стопку марли. Она схватила марлю и прижала к задней части ноги. Кровь почти немедленно пропитала марлю, и Итан протянул новую стопку.

Худшая боль как будто была позади, краска сбегала с лица Терезы, как будто у нее проходил жар.

Спустя пять минут струйка крови стала униматься.

Спустя двадцать – полностью остановилась.

Итан смочил последний комок ваты спиртом и протер место разреза. Тереза поморщилась. Потом он свел вместе края раны, оторвал зубами колпачок суперклея и выжал щедрую каплю, которую распределил по всей длине разреза.

На улице почти стемнело, и с каждой секундой в кабинете становилось все холодней.

Итан удерживал края раны сведенными вместе пять минут, потом отпустил.

Клей держался.

Итан передвинулся к передней части кресла и приложил губы к уху Терезы.

– Я вытащил его. Ты изумительно держалась.

– Очень трудно было не вопить.

– Клей держится, рана закрыта, но ты должна еще немного полежать. Пусть схватится как следует.

– Я замерзаю.

– Я принесу одеяла.

Она кивнула.

Итан улыбнулся жене.

В уголках ее глаз все еще стояли слезинки.

– Дай мне на него посмотреть, – одними губами вымолвила она.

Итан взял с тарелки «Гарпию» и поднес кончик клинка к лицу Терезы.

Микрочип держался в остывающей крови, которая сворачивалась все сильней и сильней.

Тереза напрягла челюсти из-за вспышки гнева. Неистовства.

Посмотрела на Итана.

Ни единого слова не было произнесено, но это было неважно. Он видел слова, ясно написанные на ее лице: «Вот ведь подонки!»

Итан снял микрочип с ножа, вытер с него кровь и ткани кусочком марли и показал Терезе. Потом сунул руку в нагрудный карман и вынул оттуда золотое украшение, купленное сегодня, – плетеную цепочку с медальоном в виде сердечка.

– Ну зачем ты, – сказала Тереза.

Итан открыл медальон и прошептал:

– Храни микрочип в сердце. Ты должна все время носить это ожерелье, если я не скажу, чтобы ты его сняла.

* * *

В гостиной было по-настоящему тепло. Щеки Бена рдели в свете очага. Он рисовал открытую печь. Пламя. Чернеющее дерево внутри. Куски разбитого кофейного столика, разбросанного вокруг печи.

– Где мама?

– Читает в кабинете. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет.

– Не беспокой ее некоторое время, хорошо? У нее был трудный день.

Итан вынул охапку одеял из отделения под диваном и пошел обратно в кабинет.

Тереза дрожала. Он закутал ее в одеяла и сказал:

– Приготовлю на ужин что-нибудь горячее.

Она улыбнулась сквозь боль.

– Это было бы замечательно.

Итан наклонился к ней и прошептал:

– Выходи через час, но, как бы ни было больно, ступай твердо. Если они поймают тебя на том, что ты хромаешь перед камерами, они все поймут.

* * *

Итан стоял у кухонной раковины, глядя в черное окно. Три дня тому назад лето кончилось. Листья только начали окрашиваться в осенние цвета. Иисусе, осень длилась лишь мгновение – от августа до декабря за семьдесят два часа…

Фрукты и овощи в холодильнике почти наверняка были последней свежей едой, которую они будут есть в грядущие месяцы.

Бёрк налил в котелок воды и поставил на плиту кипятиться. Пристроил рядом большую кастрюлю, выставил регулятор плиты на среднюю отметку и плеснул в кастрюлю оливкового масла.

У них оставалось пять помидоров на веточке – как раз хватит. Вырисовывался план ужина.

Итан раздавил головку чеснока, нарезал лук, бросил все это в масло. Пока все шипело, порезал помидоры.

Это вполне могло происходить и на их кухне в Сиэтле. Поздними субботними вечерами Бёрк ставил запись Телониуса Монка[32], открывал бутылку красного и погружался в приготовление потрясающего ужина для своей семьи. Не существовало способа лучше снять напряжение после долгой недели.

В этих минутах было ощущение тогдашних мирных вечеров, все ловушки кажущейся нормальности. Если забыть про то, что полчаса назад он вырезал отслеживающий чип из ноги своей жены в единственном месте в доме, которое не находилось под непрерывным наблюдением.

Если забыть про это.

Итан добавил помидоры, вдавил их в лук, налил еще масла и наклонился над плитой, оказавшись в сладко пахнущих клубах пара, пытаясь хотя бы на краткий миг удержать плод своего воображения…

* * *

Тереза вышла, когда он промывал макароны. Она улыбалась, и Итан подумал, что в ее улыбке чувствуется боль – едва уловимая напряженность, – но походка ее была безупречной.

Они поужинали по-семейному на одеяле в гостиной, собравшись вокруг печи и слушая радио.

Гектор Гайтер играл Шопена.

Еда была вкусной.

Тепло обнимало.

И все это закончилось слишком быстро.

* * *

Миновала полночь.

Бен спал.

Они сожгли кофейный столик за два часа, и викторианский дом снова погружался в леденящий холод.

Итан и Тереза лежали на кровати лицом друг к другу.

Он прошептал:

– Ты готова?

Она кивнула.

– Где твое ожерелье?

– На мне.

– Сними его, оставь на прикроватном столике.

Проделав это, она спросила:

– И что теперь?

– Ждем одну минуту.

* * *

Они оделись в темноте.

Итан заглянул к сыну и обнаружил, что тот спит без задних ног.

Вместе с Терезой они спустились по лестнице. Ни он, ни она не произнесли ни звука.

Открыв переднюю дверь, Бёрк поднял капюшон черной фуфайки и жестом показал, чтобы Тереза сделала то же самое.

Они шагнули на улицу.

Уличные фонари и фонарики на крыльце подчеркивали темноту.

Холодную, без звезд.

Они вышли на середину улицы.

– Теперь мы можем разговаривать, – сказал Итан. – Как твоя нога?

– Ужасно болит.

– Ты у меня потрясающая, детка.

– Я уж думала, что потеряю сознание. И мне этого хотелось.

Они двинулись на запад, к парку. Вскоре услышали шум реки.

– Мы здесь и вправду в безопасности? – спросила Тереза.

– Мы нигде не в безопасности. Но, по крайней мере, без чипов камеры нас не засекут.

– Я чувствую себя так, будто мне снова пятнадцать и я тайком выбираюсь из родительского дома. Такая тишина…

– Я люблю выходить поздно. А ты раньше никогда не выбиралась тайком? Ни разу?

– Конечно, нет.

Они покинули улицу и побрели по игровой площадке.

Через пятьдесят ярдов шар единственного уличного фонаря озарил сверху подвесные качели.

Они шли до тех пор, пока наконец не добрались до конца парка, до берега реки, и сели на увядающую траву.

Итан чуял воду, но не видел ее. Он не видел своих рук, когда подносил их к лицу. Никогда еще невидимость не казалась такой успокаивающей.

– Я не должен был тебе рассказывать, – проговорил он. – То был момент слабости. Я просто не мог выдержать этой лжи между нами. Того, что мы с тобой не на одной и той же странице.

– Конечно, ты должен был мне рассказать.

– Почему?

– Потому что этот город – полное дерьмо.

– Но вряд ли где-нибудь за его пределами лучше. Если ты когда-нибудь мечтала покинуть Заплутавшие Сосны, я погасил этот лучик надежды.

– Я в любой день предпочту правду. И я все еще хочу отсюда уйти.

– Это невозможно.

– Нет ничего невозможного.

– Нашу семью прикончат, не пройдет и часа.

– Я не могу так жить, Итан. Я думала об этом весь день. И не могу перестать об этом думать. Я не буду жить в доме, где за мной шпионят, где мне приходится шептать, чтобы по-настоящему побеседовать с мужем. Я сыта по горло жизнью в городе, где мой сын ходит в школу, а я не знаю, чему его там учат. Ты знаешь, чему его учат?

– Нет.

– И тебя это совершенно не беспокоит?

– Конечно, беспокоит.

– Так сделай что-нибудь, блин!

– У Пилчера в *горе* сто шестьдесят человек.

– Нас тут четыреста или пятьсот.

– Они вооружены. Мы – нет. Послушай, я не для того рассказал тебе, что происходит, чтобы ты попросила меня разнести здесь все в клочья.

– Я не буду так жить.

– И чего ты от меня хочешь, Тереза?

– Исправь положение!

– Ты сама не знаешь, о чем просишь.

– Ты хочешь, чтобы наш сын рос…

– Если бы тебе и Бену стало хоть немного лучше оттого, что я сжег бы этот долбаный город дотла, я бы запалил его еще в свой первый рабочий день.

– Мы теряем его.

– О чем ты говоришь?

– Это началось в прошлом году. И становится все хуже и хуже.

– То есть?

– Он отдаляется, Итан. Я не знаю, чему его учат, но это забирает его у нас. Между нами вырастает стена.

– Я все выясню.

– Обещаешь?

– Да, но и ты должна кое-что мне пообещать.

– Что?

– Ты не вымолвишь ни полсловечка о том, что я тебе рассказал. Никому, ни единой детали.

– Сделаю, что смогу.

– И последнее.

– Что?

– Мы сейчас впервые в Заплутавших Соснах не под наблюдением камер.

– И?..

Он наклонился и поцеловал ее в темноте.

* * *

Они шли по городу.

Итан почувствовал, как замерзающие пылинки начали бить его в лицо.

– Это то, о чем я думаю? – спросил он.

Вдалеке свет одинокого уличного фонаря превратился в сцену для снежинок.

Ветра не было. Снег падал отвесно вниз.

– Зима пришла, – сказала Тереза.

– Но всего несколько дней назад было лето.

– Лето длинное. Зима длинная. Весна и осень проносятся мгновенно. Последняя зима длилась девять месяцев. Снег на Рождество был глубиной в десять футов.

Бёрк взял жену за руку в варежке.

Во всей долине – ни звука. Полная тишина.

– Мы могли бы быть где угодно. В какой-нибудь деревне в Швейцарских Альпах. Просто два любовника вышли прогуляться в полночь.

– Не надо так, – предупредила Тереза.

– Как – так?

– Не надо притворяться, будто мы в другом месте и в другом времени. Люди, которые в этом городе притворяются, сходят с ума.

Они свернули с Главной и двинулись дальше по боковым улочкам.

В домах было темно. В долине не поднимались дымы очагов, и воздух, в котором мелькали снежинки, был чистым, промытым.

– Иногда я слышу крики и вопли, – сказала Тереза. – Они где-то далеко, но я слышу их. Бен никогда об этом не упоминает, но я знаю: он тоже их слышит.

– Это аберы, – сказал Итан.

– Странно, что он никогда не спрашивал меня, что это за звуки. Как будто он уже знает.

Они пошли на юг: за больницу, на дорогу, которая, как подразумевалось, ведет из города.

Фонари остались позади.

Вокруг сомкнулась тьма.

Тротуар был присыпан хрупким слоем снега толщиной в четверть дюйма.

– Сегодня днем я нанес визит Уэйну Джонсону, – сказал Итан.

– Завтра вечером я должна буду отнести ему еду.

– Я солгал ему, Тереза. Сказал, что станет лучше. Сказал, что это просто город.

– Я тоже. Но ведь тебе велели так говорить, верно?

– Никто не может заставить меня что-то сказать. В конце концов всегда есть выбор.

– И как он?

– А ты как думаешь? Испуган. Сбит с толку. Он думает, что он мертв и это ад.

– Мы убежим?

– Вероятно.

У края леса Итан остановился и сказал:

– Ограда примерно в миле впереди.

– Какие они из себя? – спросила Тереза. – Аберы?

– Как все скверные твари, которые снились тебе в детских кошмарах. Они – монстры в шкафу и под кроватью. И их миллионы.

– Ты говоришь, что нас от них отделяет ограда?

– Большая ограда. И по ней пропущен электроток.

– А, ну если так…

– И на пиках есть несколько снайперов.

– В то время как Пилчер и его люди живут в безопасности в *горе*…

Тереза сделала несколько шагов по дороге, снег собирался на ее плечах и капюшоне.

– Скажи мне кое-что. Какой смысл во всех этих симпатичных домиках с белыми заборчиками?

– Думаю, он пытается сохранить наш образ жизни.

– Для кого? Для себя или для нас? Может, кто-то должен ему сказать, что с нашим образом жизни покончено.

– Я пытался это сделать.

– Мы все должны быть в той *горе*, решая, как же теперь быть. Я не буду жить до скончания дней в модели Трейн-тауна[33], построенной каким-то психопатом.

– Что ж, тот, кто всем здесь заправляет, не разделяет твоих взглядов. Послушай, этой ночью мы ничего уже не изменим к лучшему.

– Я знаю.

– Но после изменим.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Даже если из-за этого потеряем все?

– Даже если из-за этого потеряем жизнь. – Итан шагнул вперед, распахнул руки, притянул ее ближе. – Я прошу довериться мне. Ты должна жить так, будто ничего не изменилось.

– Это сделает мой визит к психиатру интересным.

– Какой визит?

– Раз в месяц я хожу на прием, поговорить с мозгоправом. Думаю, все ходят. Только тогда нам и разрешается открыться перед другим человеком. Мы должны делиться нашими страхами, нашими мыслями, нашими тайнами.

– И можно говорить о чем угодно?

– Да. Я думала, ты знаешь об этих встречах.

Итан почувствовал, как шерсть на его загривке встает дыбом. Он подавил ярость – сейчас от нее не было бы никакого проку.

– С кем ты встречаешься? – спросил он. – С мужчиной? С женщиной?

– С женщиной. Она очень хорошенькая.

– Как ее зовут?

– Пэм.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул холодный, пахнущий сосной воздух.

– Ты знаешь ее? – спросила Тереза.

– Да.

– Она из людей Пилчера?

– Она, по сути, его заместительница. Ты не можешь рассказать ей ничего об этой ночи. Или о твоем чипе. Понимаешь? Ничего. Нашу семью убьют.

– Хорошо.

– Она когда-нибудь проверяла твою ногу?

– Нет.

– А кто-нибудь другой проверял?

– Нет.

Итан взглянул на часы – 2:45. Почти пора.

– Послушай, – сказал он, – мне кое-куда нужно сходить. Я провожу тебя до дома.

– Снова увидишься с Кейт? – спросила Тереза.

– И ее группой. Пилчер сгорает от желания узнать, что они затевают.

– Позволь пойти и мне.

– Я не могу. Она ожидает только меня. Если вдруг ты тоже появишься, это может быть…

– Неловким?

– Это может ее спугнуть. Кроме того, она и ее люди, возможно, кое-кого убили.

– Кого?

– Дочь Пилчера. Она была шпионкой. Дело в том, что я не знаю, опасны они или нет.

– Пожалуйста, будь осторожен.

Итан взял жену за руку, и они повернули обратно, к дому. Фонари Заплутавших Сосен сквозь снег казались туманными.

– Я всегда осторожен, любовь моя, – сказал Итан.

Глава 17

Стоя в лесу между сосен, она думала, что нет ничего красивее снежинок, падающих в поле зрения бинокля ночного видения.

Десять лет тому назад в трех милях от центра города случился лесной пожар. Она стояла тогда среди горящих деревьев, наблюдая, как угольки дождем сыплются с неба. Сегодня она вспомнила о том дне – вот только снег светился зеленым. Пылающим зеленым. Каждая снежинка оставляла за собой люминесцентный след. И лесная подстилка, и дорога, и засыпанные снегом крыши городских домов – все они сияли, как экраны с LED-подсветкой.

Снег, собравшийся на плечах Итана и Терезы, тоже светился.

Как будто снежинки были окроплены магической пыльцой.

Пэм даже не пришлось прятаться за дерево.

Насколько она могла судить, Итан не взял с собой фонарика, и здесь, в лесу, за пределами досягаемости уличных фонарей и светильников на крыльце, было так темно, что она не боялась выдать себя. Ей нужно было просто стоять тут, не издавая ни звука, в пятнадцати шагах от них, и слушать.

Ей не следовало быть здесь.

Теоретически ее послали, чтобы наблюдать за новеньким, Уэйном Джонсоном. То была его вторая ночь в Заплутавших Соснах, а ночь номер два была отмечена в истории как Ночь беглецов. Но Пэм начинала думать, что Уэйн может примириться с ходом вещей быстрее, чем предполагалось. Что он не доставит сколько-нибудь значительных проблем. Он, в конце концов, был продавцом энциклопедий. И в натуре его профессии имелось нечто – во всяком случае, с ее точки зрения – предполагавшее подчинение.

Поэтому вместо того, чтобы следить за Джонсоном, Пэм скользнула в пустой дом, стоявший напротив викторианского дома Итана, и нырнула за шторы в гостиной, откуда открывался вид прямо на его переднюю дверь.

Пилчер был бы зол, как черт, что она пренебрегла своим поручением.

С одной стороны, ее решение предвещало расплату, маленький ад, но с другой стороны… Когда босс наконец успокоится и выслушает ее… Он будет потрясен тем, какой результат принесло ее решение.

Она проделывала такое и раньше – с Кейт Бэллинджер. Установив наблюдение за домом этой женщины две недели тому назад, Пэм наконец-то подловила ее в момент ухода. Но выследить ее с мужем было дело другое. Пэм вскоре потеряла Кейт из виду: та буквально провалилась сквозь землю. Пэм пыталась убедить Пилчера позволить ей провести настоящее расследование, но он отшил ее, поскольку делом уже занималась Алисса.

«Ну, и что ты на это скажешь, блин?»

По ее мнению, старик слишком часто терпел, когда шериф вешал ему на уши лапшу.

Пэм этого не понимала. Не понимала, что же такого Пилчер увидел в Бёрке. Да, Итан мог за себя постоять. Да, у него имелись навыки, необходимые для того, чтобы управлять городом, но, Господи Боже, никто не стоит тех неприятностей, которые они из-за него пережили.

Если бы это зависело от нее – а в один прекрасный день так и будет, – она бы разделалась с Итаном и его семьей еще две недели тому назад.

Приковала бы Бена и Терезу к шесту за оградой.

Позволила бы аберам явиться за ними.

Иногда Пэм засыпала, представляя себе вопли сына Итана, воображая лицо Итана, когда тот наблюдает, как его мальчика, а потом и его жену потрошат и пожирают у него на глазах. Но Итана она не скормит аберам. Она посадит его под замок на месяц или два. Дьявол, может быть, на год. Сколько бы времени на это ни ушло. Заставит его наблюдать снова и снова, как аберы пожирают его семью. Будет бесконечно прокручивать эту видеозапись в его камере. Включит погромче вопли. И только когда он будет сломлен всеми вообразимыми способами, когда его измученное тело станет лишь оболочкой для обломков разума, тогда и только тогда она выпустит его обратно в город. Даст ему милую небольшую работенку – может, официанта, а может, секретаря… Что-нибудь раболепное, скучное, сокрушающее душу.

Конечно, она будет каждую неделю его проверять. И если все сделает правильно, надо надеяться, от его разума останется ровно столько, чтобы помнить, кто она такая и все, что она у него забрала.

И он проживет остаток своих дней жалким отребьем рода человеческого.

«Вот так ты расправлялась с людьми вроде Итана Бёрка. С людьми, которые пытались бежать. Ты уничтожала их. Ты превращала их в ужасающий пример для всех, кто их видит. И уж наверняка, сука гребаная, ты не делала их шерифами!»

Пэм улыбнулась.

Она его подловила.

Наконец-то.

Ее впервые озарило, что фантазии, которыми она тешилась, лежа в своей комнате внутри *горы*, достижимы. Она не была вполне уверена, как следует поступить дальше и как пустить в ход этот боеприпас, чтобы реализовать те темные красивые фантазии, но она что-нибудь придумает.

И это сделало ее очень счастливой.

Стоя в темноте между соснами, окруженная горящими зелеными крупинками, Пэм не могла перестать улыбаться.

Глава 18

Итан стоял на углу Главной и Восьмой перед двойными дверями, которые вели в театр на четыреста мест. Здание было заперто на ночь, и сквозь стекло было видно, что в фойе темно – не удавалось разглядеть ни одного заключенного в рамку постера из киношной и театральной жизни. Представления тут шли почти регулярно – музыкальные сольные концерты, самодеятельный театр; а еще проводились собрания горожан. Классические кинофильмы показывали по вечерам в пятницу, и каждые два года здесь проходили выборы мэра и городского совета.

Итан посмотрел на часы – 3:08.

Это было не похоже на Кейт – опаздывать куда-то на восемь минут.

Он сунул руки глубоко в карманы.

Снег перестал идти. Холод был беспощадным.

Бёрк переминался с ноги на ногу, но это мало согревало.

За углом здания появилась тень и двинулась прямиком к нему, шаги поскрипывали по снегу.

Он выпрямился – не Кейт.

Она двигалась не так и была вовсе не такой большой.

Итан сжал в кармане «Гарпию», думая: «Мне следовало уйти, когда она опоздала на пять минут. Это был знак, что что-то не так».

Мужчина в черном капюшоне шагнул к нему. Он был выше Итана и шире в плечах, со щетиной на щеках, воняющий молочной фермой.

Итан медленно вытащил из кармана складной нож и просунул кончик большого пальца в дыру в клинке.

Одно быстрое движение – и нож раскроется.

Один взмах – и он вспорет этого человека.

– Это очень плохая задумка, – сказал мужчина.

– Где Кейт?

– Вот что сейчас произойдет. Первое. Нож возвращается в твой карман.

Итан сунул руку в карман, но не выпустил нож.

Он узнал этого человека по фотографии в личном деле. Но в городе никогда его не видел – и в этот миг, стоя на холодной улице с натянутыми почти до предела нервами, не смог припомнить его имя.

– Второе. Видишь те кусты?

Человек показал на перекресток Главной и Восьмой, где рос большой можжевельник, нависающий над деревянной скамьей – автобусной остановкой, которая никогда не видела автобуса. Просто еще одна фальшивая деталь этого города. Раз в неделю теряющая рассудок старуха день-деньской сидела здесь на скамье в ожидании автобуса, который никогда не придет.

– Я собираюсь перейти через улицу, – сказал мужчина. – Встретимся за тем кустом через три минуты.

Не успел Итан ответить, как человек отвернулся от него.

Итан наблюдал, как он топает через пустой перекресток; в светофоре над его головой желтый свет сменился красным.

Итан ждал.

Часть его вопила, что что-то вышло из-под контроля – ведь встретиться здесь с ним должна была лично Кейт.

Что ему нужно немедленно пойти домой.

Мужчина добрался до другой стороны улицы и исчез за кустом.

Итан подождал, пока светофор не пройдет трижды через цикл смены цветов. Потом вышел из-под навеса и двинулся через улицу.

Переходя через нее, он наконец-то вспомнил имя этого человека – Брэдли Imминг.

Слева и справа на Главной все было тихо.

Абсолютная пустота улицы действовала на нервы.

Темные здания. Единственный светофор, гудящий наверху, по очереди бросающий на снег зеленые, желтые и красные полосы.

Итан добрался до скамьи, двинулся вокруг куста.

Должно было случиться что-то плохое. Он это чувствовал.

Предостерегающая пульсация в глазах – как набат.

Он не услышал шагов, просто ощутил сзади на шее теплое дыхание за полсекунды до того, как мир почернел. Его первым инстинктивным порывом было драться, рука его снова зарылась в карман, нащупывая нож.

Итан крепко ударился о землю, щекой о снег, и на спину ему навалились несколько человек. Он снова почуял сладкую, густую вонь фермы.

Голос Брэдли прошептал ему в левое ухо:

– А ну, уймись, быстро.

– Ты что делаешь, сука?

– Ты не производишь впечатление человека, который добровольно надел бы капюшон. Я правильно понял?

– Угу.

Итан напрягся – еще одно отчаянное усилие, чтобы вытащить руку из-под груди, но тщетно. Его держали на совесть.

– Мы маленько прогуляемся по городу, – сказал Имминг. – Запутаем тебя чуток, чтоб ты был паинькой.

– Кейт ничего об этом не говорила.

– Ты хочешь увидеть ее этой ночью или как?

– Хочу.

– Тогда все так и будет, как я сказал. Это то, что ты называешь непременными условиями. Или можно просто отменить все прямо сейчас.

– Нет. Мне нужно ее увидеть.

– Теперь мы встанем. Потом поможем встать тебе. Ты не будешь на меня замахиваться, ничего такого, да?

– Попытаюсь сдержаться.

Навалившаяся на него тяжесть исчезла.

Итан сделал вдох, в котором так отчаянно нуждался.

Его схватили под мышки, подняли на ноги, но не отпустили. Привели на перекресток Главной и Восьмой. Итан старался не потерять направление – прямо перед ним был север.

– Помнишь игру «прицепи хвост ослу»?[34] – спросил Имминг. – Мы покрутим сейчас твою задницу, партнер, но не беспокойся – мы не дадим тебе упасть.

Его крутанули добрых двадцать раз с такой скоростью, что мир продолжал вращаться даже тогда, когда они остановились.

– Ведите его туда, – сказал остальным Имминг.

Итан нетвердо держался на ногах, качаясь, как пьяный, который едва бредет домой после выпивки под закрытие, но ему не давали упасть.

Они шли долго, оставив далеко позади тот момент, когда Итан утратил малейшее представление о том, где находится.

Никто не разговаривал.

Слышны были только звуки дыхания и шагов на снегу.

* * *

Наконец они остановились.

Итан услышал скрип, как будто кто-то открывал дверь на ржавых петлях.

Имминг сказал:

– Держи ухо востро, сейчас начнется мудреное дельце… Поверните-ка его кругом, мальчики. Я спущусь первым. И проверьте снова, как завязан сзади его капюшон.

Когда Итана повернули на сто восемьдесят градусов, Имминг сказал:

– Мы опустим тебя на колени.

Голос теперь звучал из другого места, как будто Имминг находился почти ниже ног Итана.

Колени Бёрка ударились о снег. Он почувствовал, как сквозь ткань джинсов просочился холод.

– Я держу твой ботинок, ставлю его на ступеньку, – сказал Имминг. – Чувствуешь?

Подошва правого ботинка Итана коснулась узкого края деревяшки размером один на четыре дюйма.

– Теперь поставь рядом вторую ногу. Хорошо. Мальчики, держите его руки. Шериф, продолжайте, сделайте еще шаг вниз.

Хотя Итан ничего не видел, он чувствовал себя так, будто балансирует над глубокой пропастью.

Он шагнул вниз, на следующую ступеньку.

– Мальчики, положите его руки на верхнюю ступеньку.

– И какая тут высота? – спросил Итан. – И хочу ли я вообще это знать?

– Тебе осталось еще примерно двадцать ступенек.

Голос Имминга звучал отдаленно, словно тот находился далеко внизу, и отдавался эхом.

Итан провел руками по ступеньке, чтобы оценить ее ширину.

Лестница была шаткой. Она покачивалась, стонала и вздрагивала с каждым шагом.

Когда ноги Бёрка наконец коснулись твердой, неровной поверхности внизу, Имминг схватил его за руку и оттащил на несколько шагов в сторону.

Итан услышал, что лестница снова дребезжит – второй человек начал спускаться, и опять – скрип заржавленных петель.

Где-то наверху с грохотом захлопнулась дверь.

Имминг зашел Итану за спину, развязал узел и снял капюшон.

Бёрк стоял на самом раздолбанном бетоне, какой только видел в жизни. Он взглянул на Имминга: тот держал керосиновую лампу, свет которой пятнал его лицо, превращая в коллаж из света и теней.

– Что это за место, Брэдли? – спросил Итан.

– А, ты знаешь мое имя? Как мило… Прежде чем перейти к тому, что это за место, давай-ка поболтаем о том, будешь ли ты дышать достаточно долго, чтобы выяснить это. Согласишься ли ты к нам присоединиться, или мы убьем тебя прямо здесь.

Звук шаркающих шагов заставил Итана круто развернуться.

Он глядел в глаза двух молодых людей с накинутыми на головы черными капюшонами. Каждый из них держал мачете и глазел на Итана так пристально, будто и впрямь хотел пустить мачете в ход.

– Это предупреждение, – сказал Брэд.

– «Без чипа – или не трудись приходить».

– Верно. А теперь давай посмотрим, насколько хорошо ты следуешь инструкциям. Разденься.

– Извините?

– Догола.

– Вот это вряд ли.

– Такие правила. Они осмотрят каждый квадратный дюйм твоей одежды, а я тем временем осмотрю каждый квадратный дюйм твоего тела. Как я понимаю, ты был с чипом, когда встретился с Кейт прошлой ночью. Значит, нам лучше найти симпатичный, свежий, уродливый, как грех, шов на твоей ноге. Если мы его не найдем, если я приду к выводу, что ты пытаешься протащить чип у нас под носом, знаешь, что тогда будет?

– Брэд, я сделал в точности как…

– Знаешь. Что. Тогда. Будет?

– Что?

– Мы зарубим тебя до смерти мачете прямо здесь. И я знаю, о чем ты думаешь. «Это будет началом войны, Брэд». Вот о чем ты думаешь, так? Ну опять-таки – знаешь что? Нам это по хрену. Мы готовы.

Итан расстегнул ремень, спустил джинсы и трусы и сказал:

– Валяйте, оторвитесь.

Он стащил фуфайку с капюшоном и протянул ее одному из людей с мачете. Когда он стянул майку, Брэд встал на колени за его спиной и провел пальцем в перчатке по шву.

– Свежий, – сказал он. – Сам делал?

– Да.

– Когда?

– Этим утром.

– Лучше держать его в чистоте, пока не заживет. Снимай ботинки.

– А вы не собираетесь сперва угостить меня обедом?

Трудная публика – никто даже сдавленно не захихикал.

Вскоре Итан стоял совершенно голым.

Керосиновая лампа давала немного света, и трое людей присели на корточки в ее мерцании, изучая одежду Итана и выворачивая ее наизнанку – каждый рукав, каждый карман.

Древний кульверт[35] был в шесть футов шириной и шесть высотой. Куда ни посмотри, бетон осы́пался настолько, что едва напоминал бетон. Это не были катакомбы под европейским городом, хотя место в точности походило на них, а лишь одна из последних оставшихся частиц инфраструктуры первоначальных Заплутавших Сосен двадцать первого века.

Тоннель имел легкий наклон в сторону, как решил Итан, восточного конца города. Это имело смысл. Восточная гряда высоких гор, наверное, давала большой сток воды во время гроз. А когда буйствовало лето – начинали таять массы снега. Даже сейчас струйка воды извивалась по разрушающемуся бетону у Итана под ногами.

Брэд поднял глаза, швырнул ему майку и встал:

– Можешь одеться.

* * *

Они шли по тоннелю, шлепая по водостоку, и в холодной темноте висело явное разочарование. Эти парни с фермы хотели убить Итана, у них руки чесались расчленить его. А он просто не дал им повода.

Потолок был настолько низким, что Итану приходилось идти, пригнувшись.

От тоннеля остались одни руины. Ползучие растения вились по стенам. Из бетона торчала искореженная арматура. Корни. Следы растаявшего снега тянулись вниз по стенам и капали с потолка.

Лампа выхватывала из темноты лишь то, что находилось не более чем в двадцати шагах впереди, и звук шагов крошечных суетливых лапок как будто вечно оставался вне пределов досягаемости света.

Они проходили места, где тоннель скрещивался с другими тоннелями. Мимо других лестниц, поднимавшихся в темноту.

Ботинки Итана чего только не давили.

Камешки.

Грязь.

Обломки, которые приносило сюда с гор сильными ливнями.

Крысиный череп.

* * *

Он не знал, как долго они тащились сквозь освещенную лампой тьму.

Казалось, это заняло целую вечность – и в то же время ни единой минуты.

Воздух стал другим. Спертым и заметно теплее воздуха в городе.

Теперь они шли под устойчивым ветром, который приносил свежий холодок верхнего мира.

Струйка, бегущая по полу тоннеля, расширилась и превратилась в быстрый ручей, а в придачу к шлепанью их ног по воде начал нарастать новый, более сильный звук.

Они вышли из тоннеля в каменистое русло.

Итан последовал за остальными, вскарабкавшимися на берег. Когда они добрались до ровной земли и остановились, чтобы отдышаться, он наконец-то понял, что это за звук – настолько все подавляющий, что пришлось бы кричать, чтобы тебя услышали.

Водопад. Его не видно в гнетущей, беззвездной темноте, зато слышно, как вода рушится на землю неподалеку. Итан слышал, как главный каскад бьет по скале с непрерывным глухим плеском, и лицо его стало влажным от водяной дымки.

Люди уже двигались дальше, поднимаясь в густой сосновый лес, и Бёрк последовал за светом лампы, как за спасательным леером. Он не видел никакой тропы.

Белый шум водопада постепенно затихал вдали, пока наконец Итан не перестал слышать что-либо, кроме звука собственного дыхания во все более разреженном воздухе.

В тоннеле ему было холодно. Теперь он потел. И они все еще поднимались.

Деревья росли так близко друг от друга, что лишь мельчайшие, похожие на пыль, снежинки могли найти путь до лесной подстилки.

Итан продолжал оглядываться на подножие холма, стараясь разглядеть огни Заплутавших Сосен, но там было черно, как в бочке с дегтем.

Внезапно лес оборвался – деревьям больше негде было расти.

Они просто кончились у каменной стены.

Люди не остановились, даже не замедлили шага, просто продолжали идти прямо на эту стену.

Импинг прокричал, обернувшись:

– Она крутая, но там есть тропа! Просто иди точно след в след и радуйся, что темно!

– Почему? – спросил Итан.

Тот только засмеялся.

Лес был густым.

Это было безумием.

Имминг прицепил лампу к кожаной лямке и повесил через плечо, чтобы освободить руки.

«Потому что руки тебе понадобятся».

Гора взмывала вверх, тошнотворный наклон далеко превосходил пятьдесят градусов. Стальной трос был прикреплен шкворнем к скале, а вдоль троса тянулось некое подобие тропы – небольшие выбоины в скале и трещины, похоже, призванные играть роль ступенек. Большинство выбоин были естественными. Некоторые – сделанными человеком. Все это выглядело самоубийством.

Итан вцепился в ржавый трос – то была его жизнь.

Они начали подниматься.

Ничего не было видно, кроме ближайшего скудного участка освещенной лампой тропы.

На первом же повороте склон стал круче.

Итан понятия не имел, как высоко они взобрались, но испытывал кошмарное ощущение, что лес уже остался где-то внизу.

Налетел ветер.

На скале, лишенной защиты деревьев, скопилась четверть дюйма снега. Теперь скала была крутой и скользкой.

Даже Имминг и его люди замедлили безумный темп. Все делали осторожные шаги, заботясь о том, чтобы каждый раз надежно ставить ноги.

Руки Итана окоченели от холода.

На такой высоте трос был облеплен снегом, и перед каждым шагом Итану приходилось стряхивать этот снег.

Перед шестым поворотом склон стал вертикальным.

Теперь Итан дрожал.

Ноги его превратились в желе.

Он не мог сказать наверняка, но, похоже, из-за напряженного подъема стежки на его шве разошлись и струйка крови стекала сзади по ноге в ботинок.

Итан остановился, чтобы перевести дыхание и заново собраться с духом. Когда он снова поднял глаза, лампа исчезла. Над ним не было ничего, и ничего не было внизу. Только бесконечная, головокружительная темнота.

– Шериф!

Голос Имминга.

Итан посмотрел вверх и снова вниз. Ничего.

– Бёрк! Сюда!

Он окинул взглядом утес. В двадцати шагах в стороне был свет, но люди больше не поднимались. Они каким-то образом двигались вбок по отвесной поверхности утеса.

– Ты идешь, или что?

Итан опять посмотрел вниз и увидел *это*: в одном длинном шаге в стороне к скале была прикреплена единственная доска в шесть дюймов шириной, а над ней параллельно тянулся трос потоньше того, за который он держался.

– Давай! – заорал Имминг.

Итан перешагнул оттуда, где стоял, через два фута пустоты на шестидюймовую доску. Она была облеплена талым снегом, и половина его ковбойских сапог нависла над пустотой.

Он вцепился в трос, сделал шаг правой ногой, но гладкая подошва поехала по обледеневшей доске.

Ноги его заскользили.

Вопль, который услышал Итан, был его собственным.

Он ударился грудью о скалу, едва держась одной рукой за трос, а собственный вес тянул его вниз. Скрученный металл впился в его пальцы.

Имминг что-то кричал ему, но Итан не понимал слов.

Он сосредоточился лишь на холодной режущей стали, чувствуя, как хватка его медленно слабеет и сапоги начинают съезжать с ног.

Он мысленно увидел, как соскальзывает, вообразил ошеломляющее чувство зависания в животе и то, как он размахивает руками и ногами. Может ли быть что-нибудь хуже, чем падение в полной темноте? По крайней мере, при свете дня ты бы видел землю, которая рвется к тебе, чтобы тебя прикончить, и имел бы шанс, хоть и быстротечный, приготовиться.

Итан подтягивался на тросе до тех пор, пока сапоги его не коснулись снова доски.

Прислонился к скале.

Глотнул воздух.

Рука кровоточила.

Ноги тряслись.

– Эй, козел! Попытайся не сдохнуть, ладно?

Люди засмеялись, звук их шагов отдалился.

Не было времени на перегруппировку.

Осторожными шагами Итан двинулся вдоль поверхности скалы.

Спустя пять минут ужаса лампа исчезла за поворотом.

Итан последовал за ней, и, к его бесконечному облегчению, тропа сделалась шире.

Больше не было никаких тросов и досок.

Теперь они шли вверх по постепенно поднимающемуся уступу.

Может, дело было в крайней усталости и постепенно выветривающейся огромной дозе адреналина, но Итан совершенно не заметил, когда же случился переход. Когда они перестали быть снаружи и оказались внутри.

Теперь лампа освещала каменные стены – они окружали его со всех сторон, и даже над головой был камень, а воздух стал теплее на десять градусов.

Шаги отдавались эхом.

Впереди и вверху слышался шум голосов.

Музыка.

Итан последовал за людьми в конец прохода.

Внезапный свет обжег ему глаза.

Его провожатые продолжали идти, но Итан остановился у широкой открытой двери.

Он не мог толком уложить в голове то, что видит.

Это не вписывалось в первоначальную концепцию.

Пещера была в несколько тысяч квадратных футов – площадь комфортабельного дома. По углам потолок низко просел, а в центре поднимался больше чем на двадцать футов. От обилия огней каменные стены светились цветом необожженного кирпича.

Повсюду горели свечи.

Факелы.

Керосиновые лампы свисали на проволоке с потолка.

Тут было тепло, жар исходил от большого очага в дальнем углу – там имелась ниша, через которую, вероятно, выходил дым.

И повсюду были люди. Стоящие маленькими группками. Танцующие. Сидящие на стульях вокруг очага. Неподалеку на самодельной сцене играли три музыканта – на трубе, контрабасе и на пианино, которое, как решил Итан, разобрали и затащили сюда по частям. На табурете сидел Гектор Гайтер, который вел оркестр через какую-то печальную джазовую оркестровку, уместную в ночном клубе в Нью-Йорке.

Все были безукоризненно одеты – такие наряды не смогли бы выдержать путешествия, которое только что пережил Итан.

Люди курили.

Беседовали на фоне музыки.

Улыбались.

Смеялись.

Запах выпивки висел в воздухе, как запах духов.

И вот перед ним стоит Кейт.

Она покрасила волосы, так что они снова стали кофейно-коричневыми, на ней было черное платье без рукавов.

Улыбка и туман выпивки блестели в ее глазах, как слезы.

– Подумать только – из всех притонов множества городов целого мира мы встретились именно здесь! – сказала она и провела рукой по левому рукаву его фуфайки. – Похоже, у тебя было нелегкое восхождение. Давай переоденем тебя во что-нибудь сухое.

Кейт повела его сквозь толпу в дальнюю часть комнаты. Они прошли в альков, где на деревянных вешалках висела одежда, которую здесь носили.

– Рост сорок два, так? – спросила Кейт.

– Да.

Она показала на черный костюм, висящий в конце длинного ряда сухой, чистой строгой одежды.

– Похоже на твои старые шмотки, да? Обувь и носки вон там. Оденься и выходи.

– Кейт…

– Поговорим там.

Она ушла.

Итан снял фуфайку с капюшоном, майку, влажные джинсы. У стены стояла скамья, он уселся на нее, стащил сапоги и осмотрел разрез.

Несколько стежков разошлось, но он принес с собой запасную марлю и лейкопластырь.

Забинтовав ногу достаточно туго, чтобы прекратилось кровотечение, Итан пустил в ход майку, чтобы вытереть потек подсохшей крови, который тянулся по всей ноге.

* * *

Вернувшись туда, где была вечеринка, Бёрк не смог отрицать, что чувствует себя так, будто заново родился. В раздевалке имелось зеркало, и он зачесал влажные волосы на сторону, как делал в бытность свою федеральным агентом.

Кто-то соорудил бар вдоль одной из стен пещеры. Итан пробрался к нему сквозь толпу и взгромоздился на табурет.

К нему приблизился бармен: белая рубашка, черный галстук, черный жилет. Освежающе традиционный.

Бармен бросил салфетку для коктейля на темное, истертое дерево бара.

Итан узнал этого человека: он видел его в городе. Они никогда не разговаривали, но тот работал кассиром в бакалейной лавке несколько дней в неделю.

– Что будете? – спросил бармен, ничем не выказывая, что знает, кто такой Итан или что его это заботит.

– А что у вас есть? – спросил Бёрк, взглянув на бутылки, выстроившиеся у стены перед зеркалом.

Он видел бурбон, скотч и водку. Узнал брендовые названия, но все бутылки были почти пусты.

Зато, похоже, хватало бутылок с прозрачной жидкостью без этикеток.

Зеркало обрамляла дюжина фотографий, сделанных «Поляроидом». Одна ближе к центру привлекла внимание Итана. На фотографии были крупным планом сняты Кейт и Алисса. Обе одетые как подростки – в фуражках разносчиков газет, с коротко постриженными волосами, с кричащим макияжем и жемчужной бижутерией. Они прижимались щеками друг к другу. Похоже, в тот момент обе были пьяны и безнадежно счастливы.

– Сэр? – спросил бармен.

– «Джонни Уокер Блю»[36]. Неразбавленный.

– Эти бутылки вообще-то больше для атмосферы и для особых случаев.

– Хорошо. Тогда что вы посоветуете?

– Я смешиваю дьявольский мартини.

– Конечно, пожалуйста.

Итан наблюдал, как бармен наливает из разных бутылок без этикеток в большой бокал для мартини. Бокал он поставил на салфетку перед Итаном и украсил ломтиком зеленого яблока.

– Ваше здоровье, – сказал этот человек. – Первая – за мой счет.

Итан поднес бокал к губам – и тут услышал голос Кейт:

– А теперь попытайся отнестись непредвзято.

Она забралась на табурет рядом с ним. Итан слегка отхлебнул.

– Ух ты! – сказал он. – Что ж, по крайней мере, с бокалом не облажались. До сего момента я никогда еще не хотел, чтобы что-то лишилось вкуса.

Запаха не было; главным ощущением на языке было жжение, а вслед за тем – сильное цитрусовое пощипывание. Послевкусие было милосердно коротким, как букет ощущений недавнего падения с утеса.

Итан осторожно поставил бокал обратно на салфетку.

– Не хочешь же ты сказать, что пристрастилась к этому самогону.

Кейт засмеялась.

– Ты хорошо выглядишь, агент Бёрк. Должна сказать, элегантный черный костюм и галстук идут тебе в тысячу раз больше лесного наряда шерифа.

В зеркале отражались люди, танцующие под медленный джаз. Итан заметил Imминга и его головорезов в смокингах, потягивающих что-то из стеклянных банок и наблюдающих за оркестром.

Итан потянулся было к ножке своего бокала, но передумал.

– Милая берлога, – сказал он. – Как вы все это сюда заволокли?

– Мы приносили сюда вещи годами. Рада, что ты смог сюда добраться.

– Что ж, еле-еле добрался… И все еще не понимаю, куда же именно я добрался. Это что, костюмированная вечеринка?

– Вроде того.

– Ну, и кем притворяются эти люди?

– В том-то и дело. Здесь никто не притворяется, Итан. Сюда можно прийти и быть тем, кто ты есть на самом деле.

Кейт повернулась на табурете, осмотрела толпу.

– Здесь мы говорим о своем прошлом. О том, как жили раньше. О том, кем были. Где жили. Здесь мы помним людей, которых любили, с которыми мы разлучены. Говорим о Заплутавших Соснах. Говорим обо всем, о чем захотим, и не боимся в этой пещере ничего. Здесь запрещено бояться.

– А вы говорите о том, чтобы уйти?

– Нет.

– Значит, ты никогда не была у ограды?

Кейт отхлебнула кошмарное пойло, которое выдавалось тут за мартини.

– Один раз.

– Но ты не перебиралась на другую сторону.

– Нет, я просто хотела на нее посмотреть. С тех пор, как мы начали приходить в эту пещеру, трое из нас перебрались на другую сторону.

– Каким образом?

Она поколебалась.

– Есть тайный тоннель.

– Дай-ка я догадаюсь…

– Что?

– Ни один из них не вернулся.

– Верно.

Она слезла с табурета.

– Потанцуй со мной.

Итан взял ее за руку, и они пошли по неровному камню в толпе танцующих. Он положил ладонь ей на спину, но держался на почтительной дистанции.

– Гарольд не будет возражать, – сказала Кейт. – Он не из ревнивых.

Итан притянул ее ближе, их тела почти соприкоснулись.

– А если так?

– Когда я сказала, что он не из ревнивых, это не было вызовом.

Но все же она не отодвинулась.

Они начали танцевать.

Итан ненавидел то, как приятно было снова к ней прикоснуться.

– Что думают все эти люди насчет того, что я здесь? Они ведут себя так, будто даже не осознают, что у них в доме шериф.

– О, они осознают. У нас была насчет этого дискуссия. Я убедила их, что тебе можно доверять. Что ты нам нужен. Я поручилась за тебя головой.

– Я действительно вам нужен. Это правда.

– Вопрос в том, есть ли ты у нас?

– Если я скажу: «Нет», закончу ли я голым, истыканным ножами, мертвым посреди дороги?

Итан почувствовал, как ногти Кейт впились в его плечо. В ее глазах был огонь.

– Ни я, ни один из моих людей и пальцем не тронул Алиссу. Мы не революционеры, Итан. Мы явились в эту пещеру не для того, чтобы устроить тут склад оружия и спланировать внезапный удар. Мы встречаемся здесь, чтобы побыть там, где за нами не наблюдают. Чтобы почувствовать себя людьми, а не узниками.

Итан повел ее в сторону от того места, где играла музыка.

– Я тут размышляю кое о чем, – сказал он.

– О чем же?

– Вообще-то о двух вещах. Во-первых, как ты догадалась, что у тебя в ноге микрочип? Во-вторых – откуда узнала, что если ты вынешь чип, камеры не будут тебя видеть? Я не понимаю, как о таком вообще можно просто догадаться.

Кейт отвела взгляд.

Итан потянул ее из главной пещеры в коридор, где было прохладней.

Теперь он видел, что оно никогда не исчезало. Непроходящее подозрение. Но до сего момента, пока он не задал вопросы вслух, простая правда ускользала от него.

– Кейт, посмотри на меня, – сказал Бёрк. – Расскажи мне правду об Алиссе.

– Я уже рассказала.

Господи, он забыл, как хорошо знает эту женщину, как легко может видеть ее насквозь. Он подумал о фотографии Кейт и Алиссы за баром и тут уловил в ее глазах нечто новое, то, чего она не могла больше прятать, – боль, потерю.

– Она была не только *их* шпионкой, так?

Глаза Кейт наполнились слезами.

– Она шпионила и на *вас* тоже.

Слезы потекли по ее щекам, и она не вытерла их.

– Алисса обратилась ко мне…

– Когда?

– Несколько лет назад.

– Несколько лет? Итак, ты все знаешь. Ты все время знала.

– Нет. Она никогда не рассказывала нам, что там, за оградой. Она сказала, что ограда нужна ради нашей собственной безопасности. Вообще-то ясно дала понять, что уйти – значит погибнуть, что все мы, включая ее саму, застряли здесь. Я ей поверила. Большинство из нас поверили. Я не знала, откуда пришла Алисса. Где она живет, когда ее нет в городе. Откуда она знает все то, чего не знаем мы. Но она ненавидела то, как с нами обращаются. Условия, в которых мы живем. Она сказала, что есть и другие, которые чувствуют то же, что она, и отдала жизнь, чтобы помочь.

– Она была твоей подругой?

– Одной из лучших подруг.

– Итак, перец, тайные записки, расследование Алиссы…

– Все это просто спектакль. Ее заставили вести расследование нашего дела. Может, ее раскрыли. Заподозрили, чем она занимается.

– Ты знаешь, кто они такие? Она тебе рассказывала?

– Нет.

В пещере оркестр играл новую песню, что-то быстрое. Люди танцевали.

– Три ночи назад Алисса была здесь? – спросил Итан.

– Нет, тогда сборища не было. Слишком рискованно. Но раньше она была здесь много раз. В ночь ее гибели я встретилась с ней в склепе. Мы говорили о том, что она собирается сделать. От нее ожидали полного отчета. Хотели, чтобы она назвала имена, выдала нас всех. Чтобы можно было сделать из нас пример.

– И что вы с ней решили? Что Алисса должна была сделать?

– Состряпать оправдание – почему она никак не смогла повидаться с нашей группой. Это было единственным вариантом.

– В какое время вы с Алиссой разошлись? Это очень важно.

– Помню, когда я шла домой, услышала, как часы пробили дважды.

– И где именно это было?

– Угол Восьмой и Главной.

– Куда она пошла после того, как вы разошлись?

– Понятия не имею.

– Нет, я имею в виду – в каком направлении?

– А… Кажется, она двинулась по тротуару на юг.

– В сторону больницы?

– Верно.

– И нет ни малейшего шанса, что ее убил один из ваших людей? Может, кто-нибудь понял, что она знает правду, и хотел пойти на все, лишь бы тоже узнать?

– Невозможно.

– Ты абсолютно уверена? У парней, которые нынче ночью меня сюда привели, были не очень-то вежливые манеры. И мачете.

– Ну, тебе они не доверяют. Но они любили Алиссу. Все ее любили. Кроме того, существование тоннеля под забором – не секрет для моих людей. Если бы кто-нибудь решил уйти, Алисса их не остановила бы.

– Тогда что же их останавливает?

– Люди, которые ушли и не вернулись.

* * *

В конце концов Бёрк получил тот самый «Джонни Уокер Блю». Кейт ушла за стойку бара, реквизировала бутылку и два стеклянных бокала и унесла их на столик, стоящий в стороне от главного потока движения и шума.

Они пили, наблюдали за толпой и слушали музыку. Итан изучал лица и все больше поражался, потому что в этой комнате не было никого, кого он ожидал бы тут увидеть.

Эти люди в Заплутавших Соснах ходили по струнке – идеальные маленькие горожане. Следовали правилам, не причиняя ни малейшего беспокойства.

Он бы оценил большинство из здесь собравшихся как полностью обращенных, согласных со всем, что влекла за собой жизнь в Заплутавших Соснах, – и вот они здесь, свободные от микрочипов (по крайней мере, на несколько часов), пьяные, счастливые, танцующие в пещере.

После следующей песни оркестр перестал играть.

И почти немедленно все в пещере стали вести себя по-другому.

Люди нашли места за столиками или уселись на пол у каменной стены.

Итан подался к Кейт и прошептал:

– Что происходит?

– Увидишь.

К их столику подошел муж Кейт. Итан встал.

– Гарольд Бэллинджер, – сказал тот. – Поверить не могу, что мы и вправду встретились.

– Итан Бёрк.

Они пожали друг другу руки.

– Вы работали с моей женой много лет тому назад.

– Да, так и есть.

– Мне бы хотелось когда-нибудь об этом послушать.

Когда они сели, Итан задался вопросом – рассказывала ли Кейт своему мужу о времени, которое они провели вместе. Он не улавливал говорящих об этом флюидов.

Какой-то человек устанавливал факелы полукругом на передней части сцены. Он шагнул вниз, и женщина в платье без бретелек заняла его место в свете огня.

Ее выдавали только светлые прядки – то была барменша из кафе. Она улыбалась, держа бокал для мартини в одной руке и сигарету-самокрутку – в другой.

Микрофона тут не было.

– Становится поздно, – сказала она. – Думаю, нынче ночью осталось время только для одного.

– Ничего, если выйду я? – спросил, поднявшись, один из мужчин.

– Конечно. Давайте сюда.

Человек в темном костюме, который был ему не совсем впору (коротковатые обшлага, туговат в груди), добрался до сцены и шагнул на освещенное место. Когда свечи озарили его лицо, Итан понял, что это Брэд Фишер. Они с Терезой обедали в доме этого человека всего два вечера тому назад.

Итан окинул взглядом толпу, но не увидел миссис Фишер.

Брэд откашлялся. В его улыбке сквозила нервозность.

– Я здесь третий раз, – сказал он. – Некоторые из вас меня знают. Большинство – нет. Пока. Я – Брэд Фишер.

Комната отозвалась, как на встрече АА[37]:

– Привет, Брэд.

– Прежде всего, где Гарольд? – спросил он.

– Здесь, сзади! – прокричал Гарольд.

Брэд слегка повернулся, чтобы оказаться лицом к столику Итана.

– Гарольд пришел в мой офис два месяца тому назад и, не вдаваясь в детали, сделал так, чтобы я смог сюда прийти. Я не знаю, как тебя благодарить, Гарольд. Я не уверен, что когда-нибудь смогу это сделать.

Гарольд отмахнулся и крикнул:

– Сделай добро другому!

По комнате пронесся смех.

Брэд продолжал:

– Я родился в Сакраменто, штат Калифорния, в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. Забавно, что за неделю до того, как очнулся в Заплутавших Соснах, я подумал, что моя жизнь наконец-то достигла расцвета. Честно говоря, я припоминаю, что подумал именно такими словами. У меня была отличная новая работа в Силиконовой долине[38], и я только что женился на своей лучшей подруге. Ее звали Нэнси. Мы познакомились в Парке Золотых Ворот. Не знаю, знаком ли кто-нибудь из вас с Сан-Франциско. Это его японский чайный сад. Мы повстречались на лунном мосту. Он был…

Лицо Брэда смягчилось под наплывом воспоминаний.

– Такой безвкусный. Один из мостов с высокими арками. Я имею в виду – он был как будто из фильма. Мы всегда смеялись над ним. В наш медовый месяц мы выбрали поездку в машине вместо путешествия в тропики. Мы были знакомы всего шесть месяцев, и казалось правильным просто быть вместе в дороге. Проехать Запад из конца в конец. Мы ехали, куда хотели. Не строили планов. Это было лучшее время в моей жизни.

Даже из задней части комнаты Итан видел, как Брэд собирается с духом, чтобы продолжить.

– Мы с Нэнси были в дороге около недели, когда попали в Айдахо. В первую ночь остановились в Бойсе, и я до сих пор помню то утро, когда Нэнси после завтрака выбрала на карте Заплутавшие Сосны. Город находился в горах. Ей это понравилось. Мы взяли номер в отеле «Заплутавшие Сосны». Пообедали в «Осиновом доме». Мы ели в патио, и над нами с осин свисали на шнурах белые лампы. Это была одна из тех самых ночей. Вы понимаете, что я имею в виду, правда? Вы разговариваете за бутылкой вина о будущем, и все кажется возможным, только руку протяни. Мы вернулись в номер, и занимались любовью, и уснули. А когда проснулись, были здесь, и ничто больше не было таким, как прежде. Нэнси продержалась два месяца, а после лишила себя жизни. Теперь я живу с незнакомкой, с которой никогда не делил ни единого искреннего момента. После того, как я очнулся в Заплутавших Соснах, я провел одинокую пару лет, вот почему встреча с Гарольдом, а теперь и со всеми вами… С людьми, с которыми я могу делить настоящие мгновения… Это лучшее, что случилось со мной за очень долгое время.

Он отхлебнул мартини, вздрогнул.

– А к нему привыкаешь, верно?

Кто-то закричал:

– Никогда!

Снова смех.

Брэд сказал:

– Я знаю, что очень скоро все мы должны начать холодный путь домой, но я надеюсь, что смогу еще постоять здесь и рассказать о своей жене. Настоящей жене.

Теперь он поднял бокал.

– Ее зовут Нэнси, и я люблю ее, я скучаю по ней…

Теперь он не скрывал своих чувств.

– И я думаю о ней каждый божий день.

Все в комнате встали.

Поднялись бокалы, мерцая в свете огня.

Все сказали:

– За Нэнси.

Люди выпили, а потом Брэд шагнул с возвышения.

Итан смотрел, как он выходит в коридор. Там Брэд соскользнул на пол и заплакал.

Итан посмотрел на Кейт, гадая, что думает ее группа о разительной несовместимости времен. Брэд Фишер сказал, что родился в 1966-м, но ему не могло быть больше двадцати девяти – тридцати, а это означало, что он явился в Заплутавшие Сосны, Айдахо, в середине 1990-х, когда Билл Клинтон был президентом, а до одиннадцатого сентября[39] оставалось еще шесть лет.

Остальные в этой комнате, без сомнения, появились в городе до него и после него. Что они из этого извлекают? Сравнивают ли, сопоставляют ли контраст собственного взгляда на прежний мир с опытом других, ищут ли смысл в своем нынешнем существовании? Те, кто появился примерно в одно и то же время, – ищут ли они друг у друга утешения в общем знании истории?

– Подумай только, – сказала Кейт, – впервые за два года он смог открыто говорить о своей настоящей жене.

Люди выстроились в очередь к раздевалке.

– А что насчет его жены в Заплутавших Соснах, Меган? – спросил Итан. – Он не смог ее сюда привести?

– Она учительница.

– И что с того?

– Они искренне верующие. Кое-кто дал ему дозу того, что он, наверное, подсыпал в воду жены за ужином. Вырубил ее на всю ночь, чтобы получить возможность ускользнуть.

– Итак, она не знает, что он приходит сюда.

– Ни в коем случае. И никогда не должна узнать.

* * *

Все ушли.

Итан переоделся, сменив черный костюм на влажные джинсы и фуфайку с капюшоном.

В главной пещере Кейт задувала свечи, а Гарольд собирал пустые бокалы и выстраивал их рядком в баре.

Задув последнюю свечу, Кейт зажгла керосиновую лампу для путешествия домой, и они последовали за Гарольдом по коридору.

Снаружи небо прояснилось. Звезды сияли из темноты, луна была яркой.

Гарольд взял у Кейт лампу и повесил через плечо. Втроем они двинулись вниз по уступу, туда, где вдоль утеса была подвешена тропа.

Все эти возвращающиеся домой люди отполировали деревянные доски и очистили тросы от снега.

Теперь Итан видел Заплутавшие Сосны в долине внизу.

Окутанные снегом, тихие.

Белые крыши.

Мерцающие огни.

Он подумал обо всех людях там, внизу.

О тех, кому снились их прежние жизни.

О тех, кто все еще не спал в ранние утренние часы в своих личных тюрьмах, гадая, во что же теперь превратилась их жизнь, не зная, живы они или мертвы.

О мужчинах и женщинах, тащившихся домой из пещеры в мокрой одежде, возвращаясь в мир, который, как они знали, был неправильным.

О своей жене.

О своем сыне.

– Итан, я должна знать, – сказала Кейт.

– Знать что?

– Насколько это было ужасно? То, что сделали с Алиссой. Она страдала?

Бёрк потянулся к тросу и сделал тот первый шаг на доску, от которого все переворачивалось в животе. Он велел себе не смотреть вниз, но не мог воспротивиться желанию взглянуть. Лес лежал в трехстах футах под подошвами его сапог, сосны с шапками снега.

– Она умерла быстро, – солгал он.

– Пожалуйста, не надо, – сказала Кейт. – Мне нужна правда. Ее сильно изранили?

Пребывание в пещере было пьянящим, но теперь вопросы ринулись торопливым, все возрастающим жаром.

Люди Пилчера пытали Алиссу, чтобы та назвала имена членов группы Кейт?

Или ее убили люди Кейт, чтобы она их не назвала?

– Итан?

Где это произошло?

– Итан…

Кто ее исколол?

Пилчер не убивал свою дочь.

Кейт что, играет с ним?

– Что они сделали с моей подругой? – спросила она. – Я должна знать.

Итан оглянулся на женщину, которую некогда любил. Она и ее муж стояли на краю утеса.

Бёрк думал, что после этой ночи будет лучше понимать, что случилось с Алиссой, но вместо этого чувствовал еще большую нерешительность.

Ему не давало покоя еще большее количество вопросов.

Слова Пилчера начали отдаваться эхом в его голове.

«Ты понятия не имеешь… На что она способна».

– Они искромсали ее, Кейт, – сказал Итан. – Они просто ее искромсали.

Глава 19

Изнеможение настигло его на перекрестке Восьмой и Главной.

Теперь он был один, расставшись с Кейт и Гарольдом несколько кварталов назад.

Небо перестало быть глубокого сине-черного цвета.

Звезды гасли.

Приближался рассвет.

Итан чувствовал себя так, будто не спал целую вечность, и не мог вспомнить, когда же в последний раз хорошенько вырубался на ночь.

Ноги болели. Швы снова разошлись. Он замерз и хотел пить, а всего в нескольких кварталах отсюда его манил дом. Он сбросит мокрую, промерзшую одежду, залезет под столько одеял, сколько сможет собрать, и просто перезарядится.

Приведет в порядок голову перед тем, как…

Шум приближающейся машины заставил его обернуться.

Итан уставился на юг, в сторону больницы.

На него стремительно надвигались горящие фары.

При виде их он остановился на переходе под висящим светофором.

Такое зрелище было крайне редким для Заплутавших Сосен – машина, которая не стояла, а ехала через город. Множество автомобилей были припаркованы вдоль улиц, большинство из них были на ходу. На краю города имелась даже заправочная станция, а рядом с ней – автомастерская. Но люди редко ездили на машинах. По большей части машины служили просто декорациями.

На мгновение Итан вообразил невозможное: что этот мини-вэн движется к нему. За рулем – отец семейства. Мама спит рядом с ним на переднем сиденье, дети в стране снов на заднем. Может, они едут всю ночь из Спокана или Мизулы. Может, возвращаются из отпуска. Может, просто проезжают через этот город.

Это было ненастоящим.

Он это знал.

Но на полсекунды, пока Итан стоял в предрассветном покое посреди города, это ощущалось возможным.

Приближающаяся машина мчалась посередине Главной, оседлав колесами белую полосу, на пределе оборотов мотора. Скорость была, должно быть, не меньше шестидесяти-семидесяти миль в час, рев двигателя вибрировал между темными зданиями, сияние фар затопило глаза.

Итану как раз пришло в голову, что, возможно, лучше убраться с дороги, когда он услышал, как мотор резко сбавил обороты.

Джип «Вранглер», который раньше столько раз отвозил его в *гору*, остановился на переходе перед ним.

Без дверей и со снятой крышей.

Итан услышал, как сработал экстренный тормоз.

Маркус уставился на него из-за руля мутноватыми глазами, которые говорили о том, что он не так давно проснулся.

Сквозь шум двигателя на холостом ходу он сказал:

– Вы должны отправиться со мной, мистер Бёрк.

Итан положил руку на обитую мягким дугу-предохранитель.

– Пилчер послал вас, чтобы доставить меня в пять часов утра?

– Он позвонил вам домой. Никто не ответил.

– Потому что меня не было дома всю ночь. Я занимался тем, что выполнял его поручение.

– Что ж, он хочет немедленно вас видеть.

– Маркус, я устал, замерз и промок. Скажите ему, что я пойду домой, приму душ и немного посплю. А потом…

– Простите, но так не получится, мистер Бёрк.

– Прошу прощения?

– Мистер Пилчер сказал: «Сейчас же».

– Мистер Пилчер может проваливать к чертям собачьим.

Светофор отбрасывал то один, то другой свет на джип, на лицо Маркуса, на пистолет, который тот внезапно направил в грудь Итану. Пистолет смахивал на «глок», но в полумраке Бёрк мог и ошибиться.

Он внимательно посмотрел на Маркуса и увидел его гнев, страх, нервозность.

Подрагивание пистолета было едва различимым.

– Садитесь в джип, мистер Бёрк. Мне жаль, что приходится так поступать, но я получил распоряжение, и мне приказано доставить вас в кабинет мистера Пилчера. Вы же солдат, верно? Вы понимаете, что иногда приходится делать, что велено, – неважно, нравится вам это или нет.

– Я был солдатом, – сказал Итан. – Я летал на «Блэк Хоке»[40]. Доставлял людей в битвы, из которых, как я знал, они не вернутся. Спускал с цепи ад на повстанцев. И – да, я получал приказы.

Итан залез на пассажирское сиденье и уставился на дуло пистолета, в яростные глаза Маркуса.

– Но я получал их от людей, которым полностью доверял и которых уважал.

– Я доверяю мистеру Пилчеру и уважаю его.

– Ему повезло.

– Пристегнитесь, мистер Бёрк.

Итан застегнул ремень. Похоже, в конце концов ему не суждено подзарядиться.

Маркус сунул оружие в кобуру, снял машину с ручного тормоза и врубил первую скорость. Отпустив сцепление, он развернул джип на заснеженном тротуаре и рванул по Главной улице; заднюю часть «Вранглера» занесло, пока покрышки искали сцепления.

Они промчались мимо больницы на скорости пятьдесят пять и, все еще разгоняясь, приблизились к темноте за краем города.

Дорога нырнула в лес, и Маркус переключился на третью скорость.

Когда Итан шел домой, он чувствовал себя паршиво, но, по крайней мере, шевелился достаточно, чтобы кровь продолжала бежать по жилам. А теперь была полная задница – ветер с воем врывался в джип, пробирая его до костей.

Маркус снова сбавил скорость и свернул с дороги в лес.

Может, Итан не рассуждал здраво, но последнее, что он намеревался сделать, – это появиться в *горе* и встретиться с Пилчером.

Добравшись до валунов, Маркус сунул руку в парку и вытащил нечто, напоминающее ключ от гаража. Вдалеке на снегу начал разрастаться треугольник света.

Маркус остановил джип у основания скалы.

Широкая дверь в утесе продолжала открываться, скользя вверх и назад, в скалу.

Пальцы Итана так онемели, что он едва мог чувствовать их, сжимая нож.

Одним движением он выбросил клинок и наклонился.

Изогнутый кончик впился в горло Маркуса прежде, чем тот успел хотя бы подумать о том, чтобы среагировать. Его правая рука соскользнула с руля и потянулась за пистолетом.

– Я вспорю вам горло, – сказал Итан.

Маркус вернул руку на руль.

– Сожмите этот руль так, будто от этого зависит ваша жизнь, потому что так и есть.

Теперь вход в *гору* был широко открыт, свет лился из тоннеля на снег и деревья вокруг.

Итан сказал на ухо Маркусу:

– Очень медленно снимите правую руку с руля, опустите вниз и включите первую скорость. Не снимайте руку с рычага и поезжайте в тоннель. Как только мы окажемся внутри, выключите двигатель. Вы понимаете, что я говорю?

Маркус кивнул.

– Я не хочу ранить вас, Маркус, но я это сделаю. Я уже убивал. На войне. Даже тут, в городе. Я сделаю это снова. Не думайте, что не сделаю это оттого, что с вами знаком. Это ни на что не повлияет.

Рука Маркуса дрожала, когда он положил ее на рычаг переключения передач и перевел его на первую. Он слегка газанул, и они медленно въехали в тоннель. Маркус остановил джип сразу за входом, как ему было велено.

Когда дверь за ними опустилась, Итан вытащил пистолет из кобуры Маркуса – «Хеклер и Кох УСП» с патронами калибра.40.

Наблюдают ли за ними камеры?

– С вами все кончено, – сказал Маркус. – Вы это понимаете, да?

Итан перевернул «ХК» так, чтобы взяться за дуло. Маркус понял, что сейчас произойдет, начал было закрываться, но Итан саданул его сбоку головы основанием композитной рукоятки.

Маркус осел и выпал бы из джипа, не удержи его привязной ремень. Итан выхватил из кармана его пальто удостоверение личности, расстегнул ремень Маркуса и позволил гравитации утянуть его на мостовую.

Потом отстегнулся сам и перелез на сиденье водителя.

Ударил ногой по педали сцепления.

Включил двигатель.

Вскоре он уже мчался по дороге в глубь *горы*.

*** * ***

Над ним гудели гигантские круглые светильники, подвешенные к потолку массивной пещеры, но в остальном в суперструктуре было тихо.

Бёрк проверил патронник в «ХК».

Просто смех! Конечно, патронник пуст.

Он извлек магазин – тоже пусто.

Швырнув пистолет на заднее сиденье, Итан вылез из джипа. У раздвижных стеклянных дверей вытащил из кармана карточку-удостоверение Маркуса и провел ею по щели ридера.

В коридоре первого уровня в столь ранний утренний час не было ни души.

Он поднялся по лестнице на этаж выше.

Длинная полоса шахматной плитки поблескивала под флуоресцентными лампами, в коридоре эхом отдавались его шаги.
Это казалось странно незаконным: идти по здешним коридорам в одиночку. Без надзора. Без сопровождения.

Ближе к концу Итан остановился у двери, ведущей в комнату наблюдения, и заглянул туда сквозь стекло.

Кто-то сидел у пульта, перебирая записи с камер – по большей части снимки людей, мечущихся, ворочающихся и трахающихся на кроватях. Тела смутно маячили сквозь свет ночного видения.

Итан провел карточкой Маркуса.

Дверь открылась.

Он шагнул в комнату.

Человек у пульта повернулся в кресле.

Тед.

Глава службы наблюдения.

Последний парень, которого Итан надеялся найти у пульта контроля.

– Шериф. – В голосе Теда звучала тревожная нотка. – Я не знал, что вы сюда заглянете.

– Да, я не вносил этот визит в свое расписание.

Итан двинулся к стене экранов, и дверь за ним закрылась.

– Покажите руки, – сказал он.

– Не понимаю.

– Не понимаете, что означает «покажите руки», Тед? – Итан вытащил нож.

Тот медленно поднял руки.

В комнате пахло выдохшимся кофе.

– Кто-нибудь есть в соседней комнате? – спросил Итан.

– Двое парней, – ответил Тед.

– У ваших специалистов есть повод нанести вам неожиданный визит?

– Не думаю. Обычно они вкалывают без продыха.

– Во имя общего здоровья и безопасности давайте надеяться, что так оно и есть.

Итан опустился в кресло рядом с креслом Теда. Руки последнего дрожали, и Итан почувствовал маленький толчок облегчения. Если этот человек боится, его можно будет контролировать. Линзы очков Теда были широкими, как окна, и большие расширенные зрачки за ними казались тусклыми и усталыми.

– Не спали всю ночь, Тед?

– Да.

– И сколько еще осталось до конца вашей смены? Прошу уяснить, что солгать насчет этого – последняя вещь, которую вы хотите сделать.

Тед повернул руку, чтобы посмотреть на часы на запястье.

– Тридцать четыре минуты.

– Вы боитесь, Тед?

Тот медленно кивнул.

– Это хорошо. Вам и полагается бояться.

– Почему вы так поступаете, шериф?

– Чтобы получить кое-какие ответы. Можете положить руки на колени, Тед.

Тот вытер лоб рукавом рубашки и положил ладони на колени, обтянутые хлопчатобумажными брюками.

– Я просто хочу кое-что четко до вас донести, – сказал Итан.

– Да?

– Не знаю, есть ли у вас тут «тревожная кнопка», какой-нибудь хитрый способ исподтишка известить людей, что вы в беде… Но если такое случится, если вы совершите эту ошибку, я вас убью.

– Понимаю.

– Мне плевать, даже если тридцать вооруженных охранников появятся за дверями. Если дверь откроется, я сделаю вывод, что вы кого-то вызвали, и последнее, что я сделаю перед тем, как меня вырубят, – перережу вам глотку.

– Хорошо.

– Я не хочу, чтобы это случилось, Тед.

– Я тоже.

– Все зависит от вас. А теперь приступим к работе. Уберите с экранов то, что они сейчас показывают.

Тед медленно повернулся в кресле, очутившись лицом к панели. Постучал по ней, и двадцать пять мониторов потемнели.

– Давайте делать все по порядку, – сказал Итан. – Полагаю, есть камера, которая снимает коридор второго уровня за этой дверью?

– Похоже на то.

– Расшевелите ее и покажите то, что она снимает, вон на том мониторе в верхнем правом углу.

Появился общий план коридора второго уровня – пустого.

– Теперь я хочу увидеть, где находится Пилчер.

– У него нет чипа.

– Конечно, нет. Есть камеры в его апартаментах или в его кабинете?

– Нет.

– И вам это кажется правильным?

– Не знаю.

– А как насчет его помощницы? Где Пэм? Или она тоже не на крючке?

– Не-а, ее мы должны засечь.

Ожил экран в верхнем левом углу.

– Вот она, – сказал Тед.

То было изображение тренажерного зала, снятое камерой в углу. Комната, полная велотренажеров, беговых дорожек, силовых тренажеров. В зале было пусто, не считая одной женщины, как будто без особых усилий подтягивающейся на перекладине.

– Вы просто вызвали ее микрочип?

– Верно. Из-за чего все это, Итан?

Бёрк взглянул на экран, показывавший коридор второго уровня. Все еще пусто.

– Внизу, у выхода в тоннель, установлена камера? – спросил он.

Пальцы Теда принялись за работу.

На мониторе появился тоннель.

Маркус сидел на бетоне, свесив голову между ног.

– Кто это? – спросил Тед.

– Мой эскорт.

– Что с ним случилось?

– Он направил на меня пистолет.

Маркус пытался встать. Он сумел подняться, но ноги его внезапно подогнулись, и он снова осел на дорогу.

– Позвольте кое-что спросить у вас, Тед.

– Что именно?

– Чем вы занимались, прежде чем Пилчер включил вас в штат?

– Когда я с ним познакомился, моей жены уже год как не было в живых. Я был бездомным и старался спиться и сдохнуть. Он посещал в качестве волонтера приют для бездомных, в котором я иногда бывал.

– Итак, вы познакомились, когда он выдавал вам суп?

– Так и было. Он помог мне привести себя в порядок. Я был бы мертв, если б он не вошел в мою жизнь. Не сомневаюсь.

– Итак, вы верите, что он вне подозрений? Не может сделать ничего неправильного?

– Вы слышите, как я это говорю, шериф?

На экране Маркус теперь стоял, пытаясь на подгибающихся ногах сделать шаг по тоннелю.

– Тед, когда я был здесь в последний раз, вы показали мне, как можно отследить микрочип. Посмотреть, где был человек.

– Угу.

– Полагаю, с Пилчером это невозможно?

– Правильно.

– А как насчет Пэм?

Тед повернулся в кресле.

– А что?

Теперь Маркус, шатаясь, шел по тоннелю.

– Просто сделайте это.

– В рамках какого временного промежутка?

– Я хочу посмотреть, где она была три ночи тому назад.

Все экраны потемнели.

Изображение слилось в одно – вид с воздуха на Заплутавшие Сосны, и красное пятнышко появилось на вершине горы к югу от города.

– Что это за место? – спросил Итан.

– Суперструктура.

– Вы можете приблизить?

– Да, но запись просто сосредоточится на деревьях на склоне горы. У нас есть продвинутая сеточная антенна над городом, но не над этим комплексом.

Внизу углового монитора справа виднелись цифры, похожие на двадцатичетырехчасовое исчисление времени суток.

– Это время данного ее местонахождения в двадцатичетырехчасовом? – спросил Итан.

– Да, девять ноль-ноль пополудни.

– Хорошо, медленно прокрутите назад.

Время начало отсчет – секунды, минуты, часы – но пятнышко не покидало *горы*.

Тед остановил отсчет и сказал:

– Теперь – час дня.

– И Пэм все еще не покинула *гору*. Промотайте вперед.

Как раз перед половиной второго дня пятнышко двинулось из *горы*, через лес и по дороге в Заплутавшие Сосны.

Тед увеличил изображение.

Пятнышко-Пэм стало больше; теперь она быстро направлялась по дороге к городу.

– Включите ту штуку, которая показывает все места, покрытые обычным наблюдением.

Появился люминесцентный слой.

– Поскольку у Пэм есть чип, стоит ей начать двигаться, и камера включится на запись, верно? – спросил Итан.

– Да.

Пэм свернула в закоулок, который шел параллельно Главной.

– Сколько там у нас времени?

– Час сорок девять.

– Мы можем по-настоящему увидеть ее на видео?

– Странно.

– Что?

– У меня отсутствует опция «показать видео с камеры».

Тед включил увеличение, и двадцать пять экранов целиком заполнил городской квартал.

– А, вот почему. Видите? Она стоит в «слепом пятне».

При таком увеличении были видны разбросанные там и сям темные места в светящемся слое. Шли секунды, а Пэм, похоже, все еще оставалась в темноте.

– Она – ас, – сказал Тед. – Знает все места расположения камер и где надо оставаться, чтобы тебя не засняли.

– Прокрутите до часа пятидесяти пяти минут, – сказал Итан.

Тед пробежал вперед на несколько минут.

Ровно в час пятьдесят пять пятнышко Пэм зависло над южным концом театра на углу Главной и Восьмой.

«Ты была там. В ночь смерти Алиссы ты наблюдала, как она рассталась с Кейт».

– Может, если вы расскажете, что именно ищете, я смогу вам помочь, – сказал Тед.

В 1:59 Пэм двинулась на юг.

«А потом ты пошла за Алиссой».

Пэм вошла в светящуюся область.

– У меня появилась опция «показать видео с камеры», – сказал Тед.

– Давайте посмотрим.

Изображение на экранах сменилось видом на Главную улицу. Снимок был зернистым, сделанным с помощью оптики ночного видения, но Итан различал тень Пэм, которая быстро шла по тротуару.

Она вышла из поля зрения камеры. Все почернело. На экраны вернулась карта, снятая сверху.

– Что она делает в городе? – спросил Тед.

– В час пятьдесят девять Алисса и Кейт Бэллинджер разошлись на углу Главной и Восьмой. У обоих не было чипов, поэтому их нет на отснятых кадрах. Мне сказали, что Алисса двинулась на юг, предположительно в сторону суперструктуры. Пэм пошла за Алиссой. Не забывайте, что спустя несколько часов я нашел Алиссу рядом с пастбищами к югу от города. Голую, посреди дороги. Замученную до смерти.

– Алиссу убили Скитальцы.

– Может, да. А может, и нет. Проверьте наши три камеры наблюдения, Тед.

Тот переключился обратно.

Маркус исчез из поля зрения камеры у двери тоннеля.

Пэм покинула спортзал.

Коридор второго уровня был пуст.

– Возвращайтесь туда, где мы только что были, – сказал Итан. – Посмотрим, куда она пошла.

Тед переключился на вид сверху на Заплутавшие Сосны.

Пэм продолжала двигаться на юг, прочь из города. Там, где дорога изгибалась и заворачивала назад, ее пятнышко направилось в лес и проделало весь путь до ограды.

– Вы можете добавить на эти экраны мой микрочип? – спросил Итан.

– Вы имеете в виду – в тот же самый момент?

– Именно.

Появилось пятнышко Итана.

– Итак, вы были там с Пэм? – спросил Тед. – Я не понимаю.

– Был. Три ночи назад я был у ограды. Питер Маккол только что умер.

– А, я это помню.

– Теперь снова пройдитесь по траектории Пэм начиная с часа пятидесяти девяти дня до тех пор, пока она не добралась до меня и ограды.

Тед заново прокрутил передвижения Пэм.

– Я не поспеваю за вашей мыслью, – сказал он.

– Тогда прокрутите снова.

Тед прокрутил еще трижды и в конце третьего повтора сказал:

– Какого черта?

Он подался в кресле вперед.

Теперь он вел себя по-другому.

Меньше страха, больше энергичности.

Сосредоточенности.

– Я ошибаюсь, или в ночь, когда убили Алиссу, Пэм на два с половиной часа была недоступна для наблюдения?

Тед еще раз прокрутил запись.

Он увеличивал изображение до тех пор, пока пятнышко не заполнило четыре экрана.

Потом прокрутил запись еще раз, и еще раз, и еще.

– Сбой времени практически незаметен, – сказал Тед. – Единственный показатель – таймер.

Он неистово застучал по трем клавиатурам.

На экранах вспыхнул код ошибки.

Тед уставился на него, склонив голову набок, как будто цифра была неисчислимой.

– Что это значит? – спросил Итан.

– Некоторые данные исчезли. С двух часов четырех минут ночи до четырех часов тридцати трех минут утра.

– Как такое возможно?

– Кто-то стер их… Дайте-ка мне попробовать кое-что другое.

Теперь экраны показали, что набирает Тед – длинную непонятную строчку кода. Но в ответ лишь появилось другое сообщение об ошибке.

– Я только что запустил систему восстановления, вернувшись к шестидесяти секундам перед тем, как время перепрыгнуло вперед.

– И?..

– Запись наблюдения, которую мы ищем, накрылась.

– Что именно это означает?

– Ее стерли.

– Это могли сделать Пилчер или Пэм?

– Определенно нет. Я имею в виду – самостоятельно не могли. Само уничтожение записи было практически невозможным, но чтобы подлатать историю наблюдения за Пэм с исчезнувшими данными, сделав ее на вид такой безупречной?.. Никоим образом. Для этого нужны знания и опыт высшего уровня.

– Так кто бы мог им помочь? Один из ваших специалистов?

– Только получив соответственный приказ.

– А вас не просили этого сделать?

– Нет. Клянусь.

– Сколько людей из вашей команды способны на что-нибудь в этом роде?

– Двое.

Итан показал ножом на дверь возле края массивной панели управления.

– Они сейчас там?

Тед заколебался.

– Тед!..

– Один из них там.

Итан двинулся к двери.

Тед сказал:

– Подождите.

Он показал на черные экраны, которые снова показывали то, что снимали камеры в прямом эфире внутри суперструктуры.

Пэм и Пилчер шли по коридору второго уровня, два охранника шагали за ними по пятам.

Итан сердито поглядел на Теда.

– Вы подали им сигнал тревоги?

– Конечно, нет. Сядьте.

– Зачем?

Тед атаковал тачскрины.

Записи камер наблюдения исчезли.

– Верните их, – сказал Итан.

– Если это означает то, что я думаю, нам не нужно их изображение на экране, пока они сюда идут.

Тед вызвал карту Заплутавших Сосен с воздуха, увеличил дом Кейт Бэллинджер и развернул интерактивный план. Нажал на камеру над ее кроватью.

Кейт и Гарольд заполнили экраны – свет зари проникал в окна, они одевались.

Итан сел.

– Вы в самом деле мне помогаете?

– Возможно.

Голоса зазвучали у самой двери. Потом раздался звук открывшегося замка.

– Вам лучше быстро что-нибудь придумать, шериф.

– И последнее, – сказал Итан. – Если мне понадобится экстренно поговорить с кем-нибудь посреди дня в центре города…

– Скамья на углу Главной и Восьмой. «Слепое пятно». «Глухое пятно».

Дверь открылась.

Пилчер вошел первым, Пэм – сразу же вслед за ним.

Пилчер сказал через плечо, наверное, обращаясь к охранникам:

– Просто подождите минутку. Я дам вам знать.

Потом он зашагал на середину комнаты и уставился на Итана с ярким, сосредоточенным гневом.

– Маркус в лазарете с сотрясением мозга и трещиной в черепе.

– Маленький засранец наставил на меня пистолет. Ему повезло, что он не в морге. Вы дали ему на это полномочия?

– Я велел ему ехать в город, найти вас и привезти ко мне во что бы то ни стало.

– Тогда, полагаю, ему нужно благодарить за трещину в черепе вас.

– Что вы здесь делаете?

– А на что это похоже?

Пилчер посмотрел на Теда.

– Он хотел посмотреть кое-какие видеозаписи дома Бэллинджер, – сказал Тед.

На экране Кейт переместилась на кухню. Она промывала кофеварку, очищая ее от остатков кофейной гущи.

Пилчер улыбнулся.

– В чем дело, Итан? Вам показалось мало личного общения с нею минувшей ночью? Я хочу, чтобы вы немедленно явились ко мне.

Бёрк шагнул к Пилчеру.

Он был на добрых шесть дюймов выше этого человека и смотрел на него сверху вниз.

– Я буду счастлив вас сопровождать, Дэвид, но сперва мне очень хочется донести до вашего сведения тот факт, что если вы еще когда-нибудь выкинете такую штучку – пошлете своего лакея, чтобы он меня притащил…

– Осторожней, – перебил Пилчер. – Конец этой фразы может дорого вам обойтись.

Он посмотрел мимо Итана.

– Вы уверены, что здесь все в порядке, Тед?

– Да, сэр.

Пилчер снова посмотрел на Итана.

– Только после вас.

Бёрк сунул руку в передний карман брюк, проходя мимо Пэм. Она улыбалась, как безумная; на коже ее все еще блестел пот после занятий в спортзале.

За дверью, в коридоре, справа и слева от двери стояли два больших, могучих человека. Они были в штатском, но с автоматами, висящими на шее на ремнях, и наблюдали за Итаном, агрессивно глядя ему в глаза.

Пилчер повел всех по коридору и пустил в ход свою карточку возле двери без таблички, за которой находился лифт в его апартаменты.

Потом оглянулся на охранников.

– Думаю, дальше мы сами, джентльмены.

Когда они вошли в лифт, он проговорил:

– Маркус сказал, что вы украли его ключ?

Итан протянул ключ-карту.

– Похоже, у тебя была трудная ночь, милый, – сказала Пэм.

Итан посмотрел на свою фуфайку – все еще влажную, с полосами грязи, порванную в нескольких местах.

– Я шел домой, чтобы привести себя в порядок, когда меня перехватил Маркус.

– Я рада, что он это сделал. – Пэм улыбнулась. – Ты мне нравишься грязным.

Когда они добрались до жилища Пилчера, Пэм схватила Итана за руку и удержала в кабине лифта.

– Я случайно увидела тебя и Терезу во время вашей полуночной прогулки по городу нынче ночью, – прошептала она, приблизив губы к его уху. – Ох, не делай такое лицо. Я никому не рассказала. Пока. Просто хочу дать тебе знать, что теперь ты принадлежишь мне.

* * *

Пилчер показал Итану и Пэм на круглый стеклянный стол на краю безукоризненно чистой кухни. Его личный повар уже трудился над завтраком – запах яиц с беконом и ветчиной витал над большой кухонной плитой «Викинг».

– Доброе утро, Тим, – сказал Пилчер.

– Доброе, сэр.

– Не будешь ли ты так добр принести кофе? И заодно можешь принять наши заказы. Нас будет трое.

– Конечно.

Свет, льющийся через окно рядом со столом, был серым и мрачным.

– Я слышал, что минувшей ночью шел снег, – сказал Пилчер.

– Просто снежная пыль, – отозвался Итан.

– Похоже, каждый год первый снег идет все раньше. А ведь всего лишь август.

Молодой гладко выбритый мужчина в форме шеф-повара вышел из кухни, неся поднос с тремя фарфоровыми чашками и большой кофеваркой.

Он поставил ношу на стекло и осторожно нажал на поршень.

Налил каждому по чашке.

– Я знаю, что Пэм и мистер Пилчер пьют черный. А вы, шериф? Могу я предложить вам сливки и сахар?

– Нет, спасибо, – ответил Итан.

Пахло хорошим кофе.

И на вкус этот кофе был неизмеримо лучше, чем тот, который подавали в городе. Он был таким, каким Итан помнил его в Сиэтле.

– Вчера вы так гордились бы нашим шерифом, Дэвид, – сказала Пэм.

– Да? А что он сделал?

– Он посетил Уэйна Джонсона. Это твоя первая интеграция, верно, Итан?

– Да.

– У мистера Джонсона сейчас трудный период, он задает нелегкие вопросы, которые задают все. Итан идеально с этим справился.

– Рад слышать, – сказал Пилчер.

– Я как будто наблюдала за первыми шагами нашего малыша. Как же это было прекрасно!

Тим принял их заказы и вернулся на кухню.

– Итак, мы умираем от нетерпения. Ждем, когда вы все расскажете о вашей ночи, Итан.

Бёрк уставился на пар, поднимающийся от его кофе. Он угодил в переплет. Если этот человек способен на убийство собственной дочери, что он сделает с шерифом и его семьей, если Итан откажется назвать имена?

Но если он все выложит, то подпишет Кейт смертный приговор.

Немыслимый выбор.

И как будто всего этого мало – Пэм знала о том, что он вырезал у Терезы чип.

– Итан, расскажите нам обо всем, что вы видели.

Даже под угрозой смерти Алисса сумела не выдать имена, но, без сомнения, рассказала правду своему отцу или Пэм. Она сказала, что группа Кейт не представляет собой опасности. Не планирует устроить революцию. Что эти люди просто встречаются для того, чтобы пережить несколько моментов свободы.

И все равно ее убили.

Правда не помогла Кейт и ее группе. Правда не спасла Алиссу.

– Итан?

Спустя мгновение ужасающей, слепящей ясности он понял, *что* должен сделать.

Рискованно. Безумно…

– Итан, хрена ради!

Но другого выхода нет.

– Я сделал это, – сказал он.

– То есть?

Итан улыбнулся.

– Я видел узкий кружок.

– Вас отвели туда, где они собираются?

– Мне завязали глаза и отвели в лес. Мы взобрались на утес, в пещеру, которая находится на полпути к вершине горы.

– Вы можете самостоятельно найти то место?

– Думаю, да. На обратном пути мне глаза не завязывали.

– Я хочу, чтобы вы начертили карту.

– Конечно.

– Итак, что вы видели?

– Там было пятьдесят-шестьдесят человек.

– Включая вашу бывшую напарницу и ее мужа?

– О да. Кейт и Гарольд явно заправляли шоу.

– Вы опознали остальных?

– Опознал.

– Нам нужен полный список имен.

– С этим проблем не будет. Но вы должны кое-что узнать.

– Что?

– В начале прошлой ночи я ожидал увидеть безобидное собрание. Когда где-то существуют твердые правила, в человеческой натуре ловко их обходить. Идеальный пример – подпольные бары двадцатых годов. Но это собрание, эти люди… Они не были безобидными.

Пилчер и Пэм переглянулись, на их лицах было написано нескрываемое удивление. Алисса явно говорила им обратное.

– Если честно, я думал, что вы просто одержимы манией все контролировать, но вы были правы. Они активно набирают новых членов. И у них есть оружие.

– Оружие? Какое именно?

– В основном самодельное. Тесаки. Ножи. Биты. Я видел один-два пистолета. Они собирают неслабый арсенал.

– Чего они хотят?

– Послушайте, рядом со мной все очень нервничали.

– Могу себе представить.

– Но, судя по фактам, которые мне удалось собрать, они хотят взять всё под свой контроль. Перевернуть вверх дном весь город. Уж это-то было ясно. Они не рисковали бы жизнью, являясь на эти встречи, просто ради того, чтобы рассиживаться там и толковать о добрых старых временах, о том, что было до Заплутавших Сосен. Они знают, что находятся под наблюдением. Они знают, что существует ограда. Некоторые из них даже побывали на той стороне.

– Как?

– Пока не выяснил.

Итан обхватил кружку с кофе ладонями, чтобы погреть их о теплый фарфор.

– Буду откровенен. Собираясь туда, я был настроен скептически. Но у вас… у нас… Серьезная проблема.

– А что насчет Алиссы? – спросила Пэм.

– Ты спрашиваешь, убили ли ее *они*?

– Да.

– Что ж, никто не вышел и не признался, пока я там был. Ну а чего вы хотели? Послушайте, те люди сверхпараноидальны и боятся, что их раскроют. Они не знают точно, Дэвид, кто вы такой, но знают о существовании кого-то вроде вас. Они знают, что кто-то все контролирует. И они хотят остановить вас любой ценой. Они хотят войны. «Свобода или смерть» – и тому подобное дерьмо.

Вернулся Тим с серебряным подносом. Он поставил на стол тарелку со свежими фруктами – наверняка последними из садов.

– Яйца на хлебе из опары для вас, мистер Пилчер. Яйца бенедикт для вас, Пэм. Яичница-болтунья для вас, шериф.

Он заново налил всем кофе и ушел.

Пилчер откусил кусочек, мгновение внимательно смотрел на Бёрка, потом сказал:

– Вы же понимаете, Итан, что война между последними несколькими сотнями человеческих существ на планете – то, чего никак нельзя допустить.

– Конечно.

– И что бы вы предложили?

– Простите?

– Если бы вы были на моем месте, что бы вы сделали?

– Не знаю. Вообще-то у меня еще не было шанса над этим поразмыслить.

– Почему мне трудно в это поверить?.. А ты, Пэм?

– Ну что ж. Прежде всего я заставила бы нашего потрясного шерифа записать имена всех до единого людей, которых он видел прошлой ночью на том маленьком званом вечере. А потом попросила бы меня, – она показала на себя, – сколотить небольшую команду. Мы бы проехались через город – и за одну ночь исчезли бы все до единого подонки, значащиеся в этом списке.

Она улыбнулась.

– Хотя, если подумать… У меня месячные, может, поэтому я просто чувствую себя слегка кровожадной… Извините за невольный каламбур.

– Ты бы вернула их всех в консервацию? – спросил Пилчер.

– Или зверски прикончила. Я имею в виду… Сдается, они вроде как неисправимы, а?

– Скольких, вы сказали, там видели, Итан?

– Пятьдесят или шестьдесят человек.

– Я не могу принести в жертву столько своих людей. Назовите меня безнадежным оптимистом, но я полагаю, что в группе Кейт есть некий процент тех, кого можно было бы урезонить с помощью менее решительных средств, чем пытки и смерть.

Пилчер слегка посолил свое яйцо.

Откусил.

Посмотрел в прорубленное в скале окно.

Отсюда, с утеса, открывался ошеломляющий вид. В тысяче футов внизу на склоне горы простирался лес, уходя к самому городу.

Когда Пилчер снова повернулся к сидящим за столом, взгляд его стал другим – в нем появилась решительность.

– Итан, вас ждет интересная ночь, – сказал он.

– То есть?

– Вы организуете свой первый «красный день». Вернее, «красную ночь».

– Для кого?

– Почетными гостями будут Кейт и Гарольд Бэллинджер.

Пэм сияла.

– Какая блестящая идея, – сказала она. – Отруби голову змее, и змея сдохнет.

– Я знаю, Итан, что единственной «красной ночью», которую вы пережили, была ваша собственная, – сказал Пилчер, – но, полагаю, вы изучили руководство и знаете, что от вас требуется.

– Испытываешь сомнения насчет того, что придется наблюдать, как казнят твою бывшую зазнобу? – спросила Пэм.

– Твоя чуткость просто потрясает, – сказал Итан. – Напомни мне как-нибудь объяснить тебе, что такое сочувствие.

– Может, слова были подобраны неудачно, – сказал Пилчер, – но вопрос остается в силе. Ты в состоянии это сделать, Итан? И не пойми меня неправильно, не подумай, что я подразумеваю, будто в этом деле у тебя имеется выбор.

– Перспектива меня ужасает, – ответил Итан. – Если вы об *этом* спрашиваете. Я когда-то ее любил. Но после прошлой ночи я понимаю необходимость того, что должно произойти.

Лицо Пилчера как будто расслабилось.

– Услышать от тебя такое, Итан… Ничто не могло бы сделать меня счастливее, чем то, что ты полностью в деле. Мы работаем вместе, втроем. Для меня так важно располагать твоей безраздельной преданностью и доверием, и я еще столького тебе не рассказал… Стольким хочу поделиться… Но я должен знать, что ты действительно со мной.

– Бэллинджеров надо взять живьем, – сказала Пэм. – Ты с самого начала должен разъяснить это чиновникам, иначе наших гостей прикончат в каком-нибудь переулке. Чтобы все поняли, *что* именно мы пытаемся донести, они должны умереть в кругу Главной улицы. Смерть их должна быть кровавой и ужасной, чтобы все члены их группы поняли, какова цена непослушания.

– Я буду наблюдать, как ты руководишь «красным днем», – сказал Пилчер. – Твое поведение нынче ночью станет большим шагом на пути установления между нами настоящего доверия.

Он допил кофе и встал.

– Ступай домой и поспи, Итан. Днем я пришлю в город мистера Митера, чтобы тот вшил тебе обратно чип.

Пэм улыбнулась.

– Господи, как я люблю «красные дни», – сказала она. – Даже больше, чем Рождество. И подозреваю, что горожане тоже их любят. Вы знаете, что некоторые из них хранят в своих шкафах костюмы для большой ночи? Разукрашивают их узорами из ножей и камней… Всем нам время от времени надо чуток сходить с ума.

– Ты считаешь, что убийство двоих из нас – это «чуток сходить с ума»? – спросил Итан.

– В конце концов это у нас получается лучше всего, разве нет?

– Надеюсь, что нет.

– Лично я, – сказал Пилчер, – ненавижу «красные дни». Но если подумать, там, внизу, мои люди, и, как бы тяжело это ни было, я знаю, что им нужно. Бесконечная идеальная жизнь свела бы их с ума. В каждом идеальном маленьком городке, если копнуть, отыщется что-нибудь уродливое. Не бывает снов без ночных кошмаров.

Глава 20

Итан вошел в свой темный дом, включил воду в ванной внизу и поднялся в спальню.

Тереза спала под грудой одеял. Он наклонился и прошептал ей на ухо:

– Присоединись ко мне в ванной.

Вода ванной – вот и все, что было в доме горячим, но то был восхитительный жар.

К тому времени, как Тереза спустилась, комната наполнилась паром. Он затянул зеркало над раковиной и окно над ванной. Из-за него штукатурка выглядела запотевшей.

Тереза разделась, шагнула в воду и опустилась между ног Итана.

Теперь, когда они оба были в воде, между поверхностью воды и краем ванны остался всего лишь дюйм. Теплый туман был таким густым, что Итан почти не видел раковины.

Ногой он повернул кран так, чтобы ванную комнату заполнил шум бегущей воды, и притянул Терезу к груди. Даже в жаркой комнате ее кожа была прохладной на ощупь. Ее ухо было возле самых его губ, и это было такой идеальной позой, чтобы поговорить с ней, что Итан сам не понимал, как это не приходило ему в голову раньше.

Их окутывал пар.

– Люди Кейт не убивали ту женщину, смерть которой я расследую, – сказал Итан.

– Тогда кто ее убил?

– Или Пэм – она работает на Пилчера – или сам старик.

– Убил собственную дочь?

– Я не знаю этого наверняка, но, как бы то ни было, сегодня будет «красная ночь».

– Для кого?

– Для Кейт и Гарольда.

– Иисусе… И ты, как шериф, должен будешь им руководить.

– Верно.

– И ты не можешь его остановить?

– Я не хочу его останавливать.

– Итан.

Тереза повернула голову и посмотрела на него.

– Что происходит?

– Лучше тебе не знать.

– Ты имеешь в виду – на случай, если тебе не удастся все провернуть?

– Да.

– И как велика такая возможность?

– Очень велика. Но мы говорили об этом прошлой ночью. Я пообещал тебе, что все исправлю, даже если это означает риск потерять все.

– Знаю. Просто…

– Разговоры – одно, а когда покрышки и в самом деле плавятся о дорогу – другое. Между прочим, Пэм о нас знает. О том, что мы выходили прошлой ночью.

– Она кому-нибудь рассказала?

– Нет, и бьюсь об заклад, что не расскажет – по крайней мере, до «красного дня».

– Но что будет, если расскажет кому-нибудь после?

– После ближайшей ночи все это будет уже неважно. Но… Послушай, мне необязательно это делать. Мы могли бы со всем смириться. Прожить остаток дней как хорошие маленькие горожане. Я буду шерифом. В таком варианте будут свои преимущества. У нас здесь нет ипотеки. Нет счетов. Нас всем снабжают. Раньше я работал каждый день допоздна. Теперь я всегда прихожу домой к ужину. Мы больше времени проводим вместе, по-семейному.

Тереза прошептала:

– Часть меня гадает, смогу ли я на это купиться, знаешь ли. Просто угомониться. Но это не будет жизнью, Итан. Не на таких условиях.

Она поцеловала его мягкими от пара и тепла губами.

– Поэтому делай, что должен, и просто знай – что бы ни случилось, я люблю тебя и за последние двадцать четыре часа чувствую себя ближе к тебе, чем за последние пять лет нашего брака в Сиэтле.

* * *

После полудня снег исчез.

Итан стоял под голубым зимним небом возле забора, окружавшего школу.

Дети текли из кирпичного здания, вниз по ступенькам. Он заметил Бена, который шел с двумя друзьями – за спиной у них висели рюкзаки, мальчики разговаривали и смеялись. Каким нормальным все это казалось… Ребята выходят из школы после учебного дня, только и всего.

Бен дошел до тротуара, все еще не замечая отца.

– Эй, сын! – окликнул Итан.

Бен остановился, его друзья – тоже.

– Папа. Что ты тут делаешь?

– Просто захотел забрать тебя сегодня после школы. Ты не против пройтись со мной до дома?

Непохоже было, чтобы мальчик хотел пройтись до дома с папой, но Бен вежливо скрыл свое смущение.

Повернувшись к друзьям, он сказал:

– Я пересекусь с вами сегодня попозже, парни.

Итан положил руку Бену на плечо.

– Как насчет того, чтобы отправиться в твое самое любимое в мире место?

Они прошли четыре квартала до Главной улицы, пересекли улицу и приблизились к кондитерскому магазину под названием «Сладкоежка».

Несколько школьников опередили их – группки мальчиков и девочек паслись у сотен стеклянных банок, полных жвачек-шариков, жевательных конфет, конфет «Свит тартс», «Пикси стикс», жевательных резинок «Край-бэйби», сладостей «Джолли Ранчерс», «Джобрейкерс», M&M’s, «Старбёрст», «Пез», «Скиттлз», «Сауэр пэтч кидс», «Nerds», «Смартиз», «Атомик файрболлз» – в коллекции не была упущена ни одна из главных портящих зубы сладостей.

Итан знал, что это, как и все остальное, хранилось на складе в консервации. Но ему невольно подумалось: если что-то и могло продержаться без изменения две тысячи лет, так это «Джобрейкерс».

В конце концов Итан и Бен остановились возле прилавка с шоколадом. Домашняя помадка во всех ее видах манила из-под стекла.

– Выбирай, что хочешь, – сказал Бёрк.

Вооружившись горячим шоколадом и бумажным пакетом, набитым самыми разными помадками, Итан и Бен пошли по тротуару. В Заплутавших Соснах это было самое оживленное время дня – занятия в школе только что закончились, на улицах звучал смех детей, и это было замечательно.

Сейчас все чувствовалось реальным, как никогда.

– Давай найдем местечко, чтобы присесть, – сказал Итан.

Он повел сына через улицу к скамье на углу Главной и Восьмой.

Они сидели, пили свой горячий шоколад и откусывали помадку, наблюдая за проходящими мимо людьми.

– Я помню себя в твоем возрасте, – сказал Итан. – Ты куда лучше, чем был тогда я. И умнее.

Мальчик поднял глаза. Вокруг его рта налипли крошки помадки.

– Правда?

Итан подумал, что благодаря очкам и «ушам» охотничьей шапки Бен очень похож на Ральфи из «Рождественской истории».

– О да. Я был маленьким поганцем. Напыщенным, всегда готовым прекословить.

Похоже, это позабавило Бена. Он отхлебнул горячий шоколад.

– Раньше школа была просто школой, – сказал Итан. – У нас были домашние задания. Родительские собрания. Табели успеваемости.

– Что такое «табель успеваемости»?

– Бланк, в котором показывалось, какие отметки ты получил за четверть. Наверное, ты не очень хорошо помнишь, как ходил в школу в Сиэтле. А эта школа слегка другая.

Теперь Бен уставился на тротуар у себя под ногами.

– Что-то не так, сын?

– Об этом не положено говорить.

Бен сказал это серьезным, тихим голосом.

– Бен, посмотри на меня.

Мальчик поднял глаза.

– Я – шериф Заплутавших Сосен. Я могу говорить обо всем, о чем захочу, черт побери. Понимаешь, я управляю этим городом.

Бен покачал головой.

– Нет, не управляешь.

– Не понял?

Теперь глаза Бена наполнялись слезами.

– Мы не можем об этом говорить, – сказал он.

– Я твой отец. Нет ничего, о чем мы с тобой не можем говорить.

– Ты не мой отец.

Итан не почувствовал бы себя хуже, если бы его ударили финкой в живот.

У него перехватило дыхание.

Внезапно он увидел мир сквозь пелену слез и едва сумел совладать со своим голосом.

– Бен, о чем ты говоришь?

– Не настоящий отец.

– Я не настоящий твой отец?

– Ты не понимаешь. И никогда не поймешь. Я иду домой.

Бен начал вставать, но Итан обхватил его рукой и удержал на скамье.

– Отпусти меня!

– А кто же, по-твоему, твой настоящий отец? – спросил Бёрк.

– Мне не положено говорить о…

– Скажи мне!

– Тот, кто нас защищает.

– Защищает от чего?

Мальчик сердито взглянул на Итана – сплошные слезы и сарказм – и сказал:

– От демонов за оградой.

– Ты был за оградой? – спросил Итан.

Мальчик кивнул.

– Кто тебя туда отводил?

Каменная стена.

– Тебя туда отводил невысокий пожилой мужчина с бритой головой и черными глазами?

Бен не ответил, но это и был ответ.

– Посмотри на меня, сын. Посмотри на меня. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что он твой отец?

– Я уже сказал. Он защищает нас. Он все нам дает. Он создал все это – все, что у нас есть в Заплутавших Соснах.

– Тот человек не бог, если ты это имел в ви…

– Не говори так.

Итан думал: «Если бы не было никаких других причин сжечь город дотла – это стало бы причиной. Они крадут у нас наших детей».

– Бен, в мире есть то, что правдиво, и то, что ложно. Ты меня слушаешь? Любовь, которую испытываем к тебе я и твоя мать… Нет ничего правдивее этого. Ты меня любишь?

– Конечно, люблю.

– Ты мне доверяешь?

– Да.

– Человек, который водил тебя за ограду, – не бог. Он меньше всего похож на бога. Его зовут Дэвид Пилчер.

– Ты знаешь его?

– Я работаю на него. Вижу его почти каждый день.

Внезапно перед ними возникла Меган Фишер. Итан совершенно не слышал ее шагов. Женщина возникла ниоткуда.

Осторожно опустившись на колени в своей шерстяной юбке, она положила руку Бену на колено.

– Все в порядке, Бенджамин?

Итан выдавил улыбку.

– Все прекрасно, Меган, – сказал он. – Трудный день в школе. Уверен, вы знаете, что это такое. Но нет ничего, что не смогла бы исправить небольшая прогулка в «Сладкоежку».

– Что случилось, Бенджамин?

Бен смотрел вниз, на свои колени, в буквальном смысле слова роняя слезы в свой горячий шоколад.

– Это вроде как личное дело, – сказал Итан.

Его слова заставили Меган вскинуть голову.

Исчезла бойкая, милая хозяйка, которая радушно принимала его и Терезу в своем доме несколько вечеров тому назад.

– Личное? – переспросила она, как будто не понимала смысла этого слова.

Как будто Бен был *ее* сыном и именно Итан вышел за границы дозволенного.

– В школе Сосен, – сказала Меган, – мы верим в общественный подход к…

– Да, личное. Типа как занимайтесь-своими-гребаными-делами, миссис Фишер, – вот такое личное.

Ее взгляд, в котором было неприкрытое потрясение и отвращение, полностью убедил Итана, что с ней никогда еще так не говорили. Уж определенно не говорили так с тех пор, как она очнулась в Заплутавших Соснах и получила эту должность, дававшую власть.

Меган встала, выпрямилась и уставилась на Итана сверху вниз так грозно, как может только учитель.

– Это наши дети, мистер Бёрк, – сказала она.

– Черта с два, – ответил Итан.

Женщина в бешенстве зашагала прочь по тротуару, а Бен вырвался из хватки отца и ринулся через улицу.

* * *

– Добрый день, Белинда, – сказал Итан, входя в офис шерифа.

– Добрый, шериф.

Она не подняла глаза от карт.

– Звонки были?

– Нет, сэр.

– Кто-нибудь заходил?

– Нет, сэр.

Проходя мимо ее стола, Итан постучал по нему костяшками пальцев со словами:

– Надеюсь, вы в настроении оттянуться нынче ночью.

Идя по коридору к своему кабинету, Бёрк чувствовал на своей спине ее взгляд, но не обернулся.

Очутившись в кабинете, он повесил шляпу на вешалку, подошел к шкафу и отпер дверцу.

До этого Итан открывал шкаф всего один раз; попытки избежать этого имели чисто психологическую подоплеку. Вещи в шкафу представляли то, что он ненавидел больше всего в своей работе, в этом городе. То, чего страшился с самого первого дня.

На медном крюке висел костюм его предшественника. Во время своего собственного «красного дня» Итан только мельком и издалека видел шерифа Поупа, и детали его наряда затерялись в страхе и панике Итана.

Вблизи наряд смахивал на плащ князя тьмы. Сделанный из пальто из бурого медведя, с подбитыми добавочным мехом плечами, он скреплялся на ключицах цепью с крупными звеньями. Мех торчал пучками в тех местах, где, как подозревал Итан, был забрызган кровью, слипся и засох. Но никто и не пытался вычистить одеяние, которое воняло, как дыхание падальщика, – гниющей кровью и разложением. Впрочем, все это не шло ни в какое сравнение с украшениями. К меху были пришиты скальпы каждого прежнего почетного гостя. Всего – тридцать семь. Самый давний напоминал вяленое мясо. Самый последний был все еще бледным.

На полке над плащом лежал головной убор, основанием которого служил череп абера с широко раскрытыми челюстями – в таком положении челюсти удерживались металлическими прутьями. К верхушке черепной коробки были привинчены оленьи рога.

На подставке, укрепленной на стенке шкафа, лежали меч и дробовик. Стразы, которыми они были усыпаны, поблескивали в свете потолочной лампы.

Зазвонил телефон, и Итан вздрогнул.

Какое редкое событие!

Он вышел из кабинета, обогнул стол и схватил трубку на пятом звонке.

– Шериф Бёрк у телефона.

– Вы знаете, кто говорит?

Хотя это было сказано чуть слышным шепотом, Итан узнал голос Теда.

– Да, – ответил он. – Как вы узнали, что я здесь?

Ну конечно же – Тед следит за ним со своего наблюдательного поста внутри *горы*.

– А это безопасно – разговаривать вот так? – спросил Итан.

– Недолго.

– Они выяснят?

– Рано или поздно. Вопрос вот в чем – будет ли это важно, когда они выяснят?

– Что конкретно вы имеете в виду?

– Я нашел.

– Что именно?

– Ту штуку, которую мы ищем. Она была спрятана, и глубоко спрятана, но ничего нельзя по-настоящему стереть.

– И?..

– Не по телефону. Вы можете встретиться со мною в морге через двадцать минут?

– Конечно.

– Доктор Митер только что отправился к вам в участок. Вам лучше не мешкать.

Итан услышал в динамике чьи-то отдаленные голоса, и тут же – стук трубки, которую положили, когда Тед дал отбой.

Едва Итан тоже повесил трубку, телефон снова зазвонил.

– Привет, Белинда, – сказал он.

– Шериф, с вами пришел повидаться доктор Митер.

«Чтобы вернуть на место мой микрочип».

– У меня тут типа работа в разгаре. Не могли бы вы принести ему чашечку кофе и проводить его в комнату ожидания?

– Да, сэр.

Итан открыл глубокий выдвижной ящик слева, вынул оттуда свой кожаный ремень и кобуру и надел. Потом перешел к шкафам с оружием и отпер дверцы и выдвижной ящик среднего из них. Из ящика он извлек «Пустынного орла»[41], вставил магазин и сунул пистолет в наплечную кобуру. Потом снял с подставки ружье модели 389 с ложем, раскрашенным в камуфляжные цвета, с вороненым дулом и оптическим прицелом 4x32.

Телефон зазвонил снова.

Он схватил трубку.

– Да, Белинда?

– Э-э… Вообще-то доктор Митер не хочет больше ждать.

– Доктор, который не хочет ждать?.. Вы не замечаете в этом иронии, Белинда?

– Прошу прощения, сэр?

– Сейчас буду.

Итан повесил трубку и подошел к окну рядом с оружейным шкафом. Это было окно-слайдер. Он отпер его, приоткрыл, потом полностью выдвинул створку. Неуклюже перебравшись через подоконник, слез за рядом кустов, которые тянулись перед домом. Пробравшись сквозь цепкие кусты, рысцой побежал по улице.

Этим утром он приехал на работу на «Бронко». Итан открыл дверцу со стороны водителя и сунул ружье на подставку. Включив двигатель, он услышал через открытое окно, что телефон в его кабинете снова звонит.

*** * ***

Итан остановил «Бронко» на пустой парковке на Главной и подошел к застекленному фасаду «Деревянных сокровищ».

Кейт сидела за кассой и со скучающей, пустой пристальностью глядела в пространство.

«Возвращение от сверкающей крупинки свободы прошлой ночи к ежедневному рабству, которое считается жизнью в Заплутавших Соснах, должно быть сокрушительным», – подумал он.

Наверное, дни после тайных вечеринок были полны похмелья и резких граней реальности. Или не реальности, а того, что на самом деле представляли собой их жизни.

Итан постучал по стеклу.

*** * ***

Они сидели на скамье на углу Главной и Девятой. Центр города был пуст. Он больше не казался настоящим. Так могли бы выглядеть декорации фильма после окончания съемок.

Свет уже начинал меркнуть, солнце скользнуло за гряду гор на западе.

– Здесь можно говорить без опаски, – сказал Итан.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала Кейт. – Ты вообще спал?

– Нет.

– Что случилось?

– Мне нужно знать, как найти тоннель под оградой.

– Зачем?

– Нет времени на объяснения. Ты была там?

– Один раз, – ответила Кейт. – Несколько лет назад.

– Ты проходила по тоннелю на другую сторону?

Она покачала головой.

– Почему?

– Боялась.

– Как мне его найти, Кейт?

– Там есть большой сосновый пень. Высотой с тебя. Толще любого другого неподалеку. Если он все еще там, ты не сможешь его проглядеть. Вход в тоннель рядом с ним, в лесной подстилке, он будет прикрыт сосновыми иголками. Думаю, уже очень давно никто не уходил на другую сторону.

– Тоннель заперт?

– Не знаю. Итан, что происходит?

Бёрк смотрел на нее.

Желая ей рассказать.

Желая ее предупредить.

– Тебе придется просто мне довериться, – сказал он.

* * *

Итан припарковал «Бронко» в стороне от чужих глаз в переулке за больницей.

Проскользнул через служебный вход.

На нижнем этаже царила абсолютная тишина.

Он спустился по лестнице в подвал, туда, где пересекались четыре пустых коридора, и двинулся к глухим двойным дверям в конце восточного крыла.

Последние несколько флуоресцентных панелей рядом с моргом погасли.

Он добрался до двери в полутьме.

Вошел.

Тед стоял у стола для аутопсии перед раскрытым ноутбуком.

Итан подошел; двери, качнувшись, закрылись за ним.

– Здесь безопасно разговаривать? – тихо спросил он.

– Я вырубил камеры наблюдения до подуровня больницы. – Тед посмотрел на наручные часы. – Но они пробудут в спящем режиме еще только десять минут.

– Где Пэм?

– Наверху, проводит сеанс психотерапии.

Итан обогнул блестящий стол и встал рядом с Тедом. Взглянул на холодильные камеры, раковину, весы для органов. Тед наклонил лампу для обследования от стола, и она озарила угол отвратительным блеском, оставив остальной морг в тени.

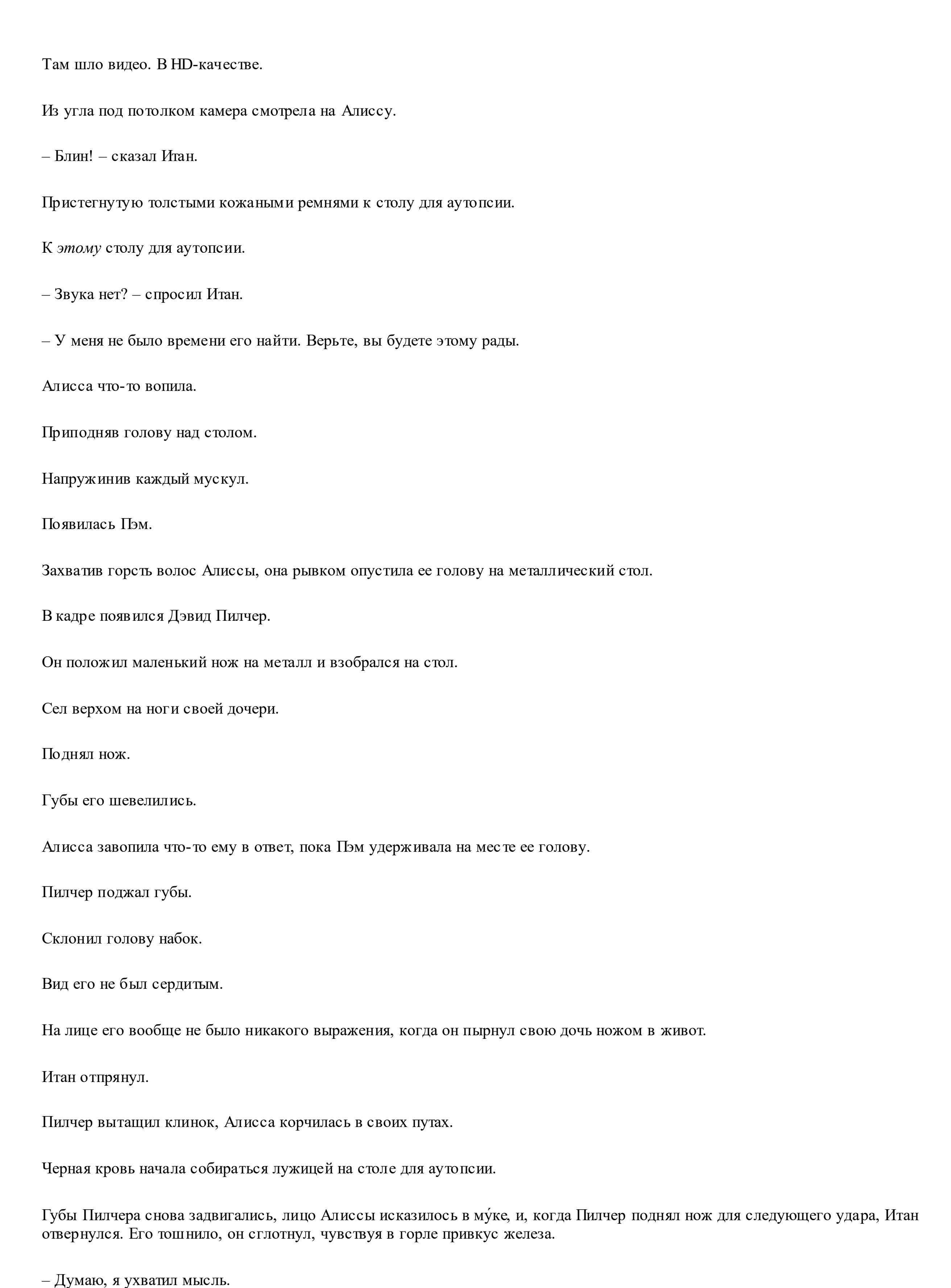
Ноутбук кончил загружаться. Тед ввел свое имя пользователя и пароль.

– Почему здесь? – спросил Итан.

– Что, простите?

– Почему вы захотели встретиться именно здесь?

Тед показал на экран.

Там шло видео. В HD-качестве.

Из угла под потолком камера смотрела на Алиссу.

– Блин! – сказал Итан.

Пристегнутую толстыми кожаными ремнями к столу для аутопсии.

К *этому* столу для аутопсии.

– Звука нет? – спросил Итан.

– У меня не было времени его найти. Верьте, вы будете этому рады.

Алисса что-то вопила.

Приподняв голову над столом.

Напружинив каждый мускул.

Появилась Пэм.

Захватив горсть волос Алиссы, она рывком опустила ее голову на металлический стол.

В кадре появился Дэвид Пилчер.

Он положил маленький нож на металл и взобрался на стол.

Сел верхом на ноги своей дочери.

Поднял нож.

Губы его шевелились.

Алисса завопила что-то ему в ответ, пока Пэм удерживала на месте ее голову.

Пилчер поджал губы.

Склонил голову набок.

Вид его не был сердитым.

На лице его вообще не было никакого выражения, когда он пырнул свою дочь ножом в живот.

Итан отпрянул.

Пилчер вытащил клинок, Алисса корчилась в своих путах.

Черная кровь начала собираться лужицей на столе для аутопсии.

Губы Пилчера снова задвигались, лицо Алиссы исказилось в му́ке, и, когда Пилчер поднял нож для следующего удара, Итан отвернулся. Его тошнило, он сглотнул, чувствуя в горле привкус железа.

– Думаю, я ухватил мысль.

Тед подался к ноутбуку и что-то набрал на клавиатуре. Экран милосердно погас.

– И дальше все то же самое, – сказал Тед. – Снова и снова.

Итан почувствовал, что его трясет после этого зрелища.

Он подумал о черных дырах на теле Алиссы, которые видел в тот первый день в морге.

– Значит, той ночью, после того как Алисса и Кейт расстались, Пэм последовала за Алиссой и каким-то образом затащила ее сюда, в подвал. Может, Пилчер уже их ждал, а может, пришел после. Когда несколько дней назад я обследовал тело в этом морге, я гадал, как и почему она была обескровлена. Когда ее убили…

– И вы стояли на месте преступления… – Итан уставился на дренаж под своими сапогами. – У вас есть копия записи, Тед?

– Я сделал несколько.

Тед сунул руку в карман и вытащил карту памяти величиной с ноготь.

– Эта для вас. Ее не будет проигрывать ни одно устройство в городе, но на тот случай, если что-нибудь случится со мной и с остальными копиями записи, храните ее в безопасном месте.

Итан сунул карту в карман.

Тед посмотрел на часы.

– Еще несколько минут – и нам лучше уйти. Что теперь? Я подумывал прокрутить эту запись на каждом экране в *горе*.

– Нет, не делайте этого. Возвращайтесь к работе. Продолжайте вести себя так, будто ничего не изменилось.

– Говорят, нынче ночью будет «красный день» для Бэллинджеров. В *горе* уже расходятся слухи, что те виновны в смерти Алиссы. Что вы собираетесь делать?

– У меня есть кое-что на уме, но я никому не расскажу.

– Итак, просто быть наготове?

– Да.

– Хорошо.

Тед бросил последний взгляд на часы.

– Нам лучше двигаться. Камеры включатся через шестьдесят секунд.

* * *

Было четыре часа дня, когда Итан добрался до поворота дороги в конце города. Он включил на «Бронко» полный привод и съехал по насыпи в лес.

Земля была мягкая, в тени между соснами лежали пятна нерастаявшего снега.

Бёрк двигался медленно. Половина мили как будто растянулась на целую вечность.

Он заметил сквозь ветровое стекло первую опору, а когда подъехал ближе, материализовались тросы, а после – мотки колючей проволоки на верху ограды.

Итан остановил «Бронко», не доезжая до нее тридцати ярдов. Было достаточно темно, чтобы это оправдало включение фар, но Итан не хотел рисковать.

Сидя за рулем с двигателем на холостом ходу, он невольно заметил, какой страх испытываешь при виде ограды.

Просто сталь да электроток.

И, учитывая всё, что ограда должна была не пустить в Заплутавшие Сосны, она выглядела бесконечно хрупкой.

Не очень-то похожей на единственное препятствие, стоящее между человечеством и его вымиранием.

*** * ***

Кейт оказалась права. Пень невозможно было проглядеть.

Со стороны он смахивал на огромного серебряного медведя, стоящего на задних лапах. Засохшие шишковатые ветви возле верхушки вздымались, как угрожающие когти. Эдакий зловещий силуэт, который в полутьме мог заставить человека вздрогнуть.

Итан остановил машину рядом с пнем.

Схватил ружье.

Шагнул из машины на лесную подстилку.

Темнело, и темнело слишком быстро.

Стук захлопнувшейся дверцы эхом отдался в лесу.

Потом обрушилась тишина.

Бёрк обогнул пень.

Тут не было снега, просто подстилка из слежавшихся сосновых иголок – и ничего, указывавшего бы на присутствие двери.

Итан открыл заднее окно «Бронко», опустил заднюю дверцу и схватил лопату и рюкзак.

*** * ***

Он копал уже полчаса, когда лезвие лопаты ударилось обо что-то твердое. Отбросив лопату, Итан упал на колени и руками вырыл остатки сосновых иголок, которые скапливались тут два, а может, и целых три года.

Дверь была стальной. В три фута шириной, четыре высотой, она блеснула на фоне земли.

Дверь была заперта на висячий замок, который годы дождей и снега почти превратили в порошок. Один сильный удар лопатой – и он сломался.

Итан вскинул на плечо рюкзак.

Зарядил ружье.

Повесил его под правую руку.

Вытащил большой пистолет и вогнал в патронник обойму с разрывными пулями калибра.50.

Петли двери заскрипели, как грифельная доска, если провести по ней ногтями.

Внутри было темно – хоть глаз выколи. Из-под двери пахло влажной землей.

Итан вытащил из-за ремня «Маглайт»[42], включил его и пристроил на «Пустынного орла».

Ступеньки были вырублены в земле. Итан начал осторожно спускаться. Девятая ступенька оказалась самой нижней.

Луч света выхватил проход, обрамленный и поддерживаемый брусьями четыре на четыре дюйма. У конструкции был такой вид, будто ее сработали вручную и второпях, и она не внушала доверия.

Итан прошел под корнями дерева и вмурованными в землю камнями.

В середине проход как будто сузился, плечи Бёрка коснулись стен, и ему пришлось двигаться, как горбуну, чтобы не задевать головой потолок.

На середине пути Итану показалось, что он слышит сквозь землю, как гудит ограда, и благодаря астрономическому напряжению прямо над головой чувствует пощипывание, когда корни касаются волос.

Он ощутил тесноту в груди, как будто легкие его расширялись, но знал: это чисто психосоматическая реакция на то, что он идет по подземному пространству.

И вот он стоит у подножия еще одной земляной лестницы, и его фонарик озаряет вторую стальную дверь.

Он мог бы вернуться, взять лопату, неуклюже постучать по двери.

Вместо этого Итан вынул пистолет и взял на мушку заржавленный висячий замок.

Сделал вдох.

И выстрелил.

* * *

Час спустя Итан закрыл заднюю и откидную дверцы машины.

Вернул ружье на подставку.

Распростерся на крыше машины. Соленая влага жгла ему глаза.

Здесь, в мрачной глубине леса, свет почти померк. Было так тихо, что Итан слышал, как сердце стучит в груди, которой он прижимался к металлу. Когда он снова смог нормально дышать, он встал.

Ему было жарко, но теперь пот холодил кожу.

– Какого дьявола ты затеял?

Итан резко обернулся.

Пэм стояла, вглядываясь сквозь тонированное стекло в заднюю часть «Бронко». Она возникла словно бы ниоткуда. Одетая в обтягивающие голубые джинсы, которые подчеркивали ее фигуру, и в красную безрукавку, со стянутыми в «конский хвост» волосами.

Итан присмотрелся к ее тонкой талии. Насколько он мог видеть, она была не вооружена, если только не припасла что-нибудь компактное за поясом сзади.

– Проверяешь меня, шериф?

– У тебя есть оружие?

– Ах, верно! И только из-за этого ты пожираешь меня глазами…

Пэм подняла руки над головой, как балерина, приподнялась на носках теннисных туфель и быстро крутнулась.

Оружия у нее не оказалось.

– Видишь? – сказала она. – В этих джинсах нет ничего, кроме маленькой старушки меня.

Итан вынул пистолет из кобуры. Сжал его в опущенной руке. Увы, не заряженный.

– Это большой пистолет, шериф. Ты ведь знаешь, что говорят о парнях с большими пистолетами.

– Это «Пустынный орел».

– Пятидесятого калибра?

– Верно.

– Из этой твари можно уложить медведя.

– Я знаю, что ты сделала с Алиссой, – сказал Итан. – Я знаю, что ее убили вы с Пилчером. Зачем?

Пэм рискнула сделать шаг к нему.

Их разделяло восемь футов.

– Интересно, – сказала она.

– Что?

– Теперь я сократила дистанцию между нами. Два шага – два больших шага, – и я смогу очутиться в твоем личном пространстве, однако ты мне даже не пригрозил.

– Может, я хочу, чтобы ты очутилась в моем личном пространстве.

– Я была в твоем распоряжении, а ты предпочел трахнуть свою жену. Что меня беспокоит – не дает покоя, если хочешь, – это то, что ты прагматик.

– Я не улавливаю мысли.

Но он уловил.

– Ты говоришь мало и еще меньше вешаешь на уши лапшу. Это одна из причин, которые заставили меня тебя хотеть. Рискну предположить, что если бы в этом пистолете были патроны, ты бы уложил меня, вышиб из меня дух. Я имею в виду – при данном раскладе тебе ничего другого не остается, верно? Я кое-что просекла?

Она сделала к нему еще один шаг.

– Но кое-чего ты не учла, – сказал Итан.

– О?

– Может, я по другой причине хочу, чтобы ты очутилась в моем личном пространстве.

– И что это может быть за причина?

Еще один шаг.

Теперь он чуял ее запах. Шампунь, которым она мылась нынче утром. Ее мятное дыхание.

– Пристрелить – слишком уж безлично, – сказал Итан. – Может, вместо этого я хочу пригвоздить тебя к земле и забить до смерти голыми кулаками.

Пэм улыбнулась.

– У тебя уже был шанс это сделать.

– Помню.

– Ты внезапно набросился на меня. Это был нечестный бой.

– Для кого? Я был отравлен, хрена ради.

Итан поднял пистолет и направил ей в лицо.

– На конце этого пистолета есть солидная дыра, – сказала Пэм.

Итан большим пальцем взвел курок.

На одно биение сердца – нерешительность в ее глазах.

Она моргнула.

– Думай долго и усердно, – сказал Итан. – Ты хочешь, чтобы изо всех моментов, которые ты пережила в жизни, именно этот стал последним? Потому что дело быстро идет к тому.

Пэм дрогнула.

В ее глазах был не то чтобы страх, но нерешительность.

Отвращение из-за того, что она не может контролировать ситуацию.

Потом все прошло.

Возвращалась стальная решимость.

Губы ее скривились в ухмылке.

Она была храброй. Вокруг этого факта нечего было вилять. Она собиралась обвинить его в блефе.

Когда Пэм открыла рот, Итан нажал на спусковой крючок.

Курок ударил по бойку.

Пэм вздрогнула – краткий миг сомнения: «Я мертва?»

Итан крутнул пистолет, перехватил его за дуло и замахнулся изо всех сил. Четыре с половиной фунта сделанной в Израиле стали устремились к ее черепу и врезались бы в него, но в последнюю мыслимую секунду Пэм отклонилась.

Когда инерция замаха развернула Итана вбок, Пэм нанесла ему удар по почке с такой ошеломляющей и прямой силой, что его швырнуло на колени. Яркая вспышка жгучей боли полыхнула в его пояснице. Прежде чем он успел полностью воспринять эту боль, Пэм ударила его по горлу.

Итан лежал на земле, уткнувшись лицом в лесную подстилку, в перекошенном мире, и гадал – не размозжила ли она ему трахею, потому что не мог сделать вдох.

Пэм присела перед ним на корточки.

– Не говори, что это было так легко, – сказала она. – Я все это мысленно прорепетировала, знаешь ли. Но всего два выпада – и ты задыхаешься на земле, как маленькая сучка…

Сознание Итана блекло, в глазах зажигалась вызванная недостатком кислорода пиротехника.

Вот.

Наконец-то.

Прямо на пороге неудержимой паники что-то подалось.

Струйка драгоценного воздуха скользнула в его глотку.

Он попытался не выдыхать.

Глаза его поневоле выпучились, когда он медленно сунул руку в задний карман.

«Гарпия».

– Пока ты лежишь тут, задыхаясь, я хочу кое-что тебе рассказать.

Итан продел большой палец в дыру в клинке.

– Что бы ты ни пытался тут отколоть, ты проиграл, и Тереза с Беном…

Бёрк издал влажный, давящийся звук, который заставил Пэм улыбнуться.

– То, что мы сделали с Алиссой, покажется деньком на курорте в сравнении с тем, что я сотворю с ними.

Он открыл клинок и ткнул им прямо в ногу Пэм.

Нож был таким острым, что Итан понял, что хорошо прицелился, только тогда, когда она задохнулась.

Он крутнул запястьем, повернув клинок.

Пэм завопила и отшатнулась.

Кровь заставила потемнеть ее джинсы, потекла по обуви, в еловые иголки.

Итан с трудом сел.

Мучительно поднялся на ноги.

Почка пульсировала болью, но, по крайней мере, он снова мог дышать.

Пэм поползла прочь, отталкиваясь здоровой ногой и шипя:

– Ты покойник! Ты гребаный покойник!

Итан поднял «Пустынного орла» и последовал за ней.

Когда Пэм на него завопила, он нагнулся и саданул тяжелым пистолетом ее по затылку.

Лес снова затих.

Вечер становился темно-синим.

Он облажался.

Полностью облажался.

Сколько будет отсутствовать Пэм, прежде чем Пилчер пошлет на ее поиски людей?

Нет, не то. Поисков не будет. Он просто настроится на ее чип и выйдет прямо к ограде.

Если только не…

Итан вспорол «Гарпией» джинсы Пэм, сделав длинный разрез и обнажив заднюю часть ее левой ноги.

Как жаль, что она будет без сознания, когда он сделает это.

Глава 21

Суперструктура, Заплутавшие Сосны,

Айдахо, канун Нового года, 2013

Пилчер закрыл за собой двери своего кабинета.

У него слегка кружилась голова.

Он практически вибрировал энергией.

Пройдя мимо макета будущих Заплутавших Сосен, он открыл шкаф, в котором висел ненадеванный смокинг.

– Дэвид?

Он обернулся, улыбнулся.

– Милая, я тебя не заметил.

Его жена присела на одну из кушеток перед стеной мониторов.

Пилчер подошел к ней, расстегивая рубашку.

– Я думал, к этому времени ты будешь уже одета.

– Иди, посиди со мною, Дэвид.

Пилчер сел рядом с ней на плюшевую кожу.

Она положила руку ему на колено и сказала:

– Это важная ночь.

– И становится еще важней?

– Я искренне счастлива за тебя. Ты добился своего.

– Мы добились. Без тебя я…

– Просто послушай меня.

– Что случилось?

Ее глаза наполнились слезами.

– Я решила остаться.

– Остаться?

– Я хочу увидеть конец моей истории в настоящем. В этом мире.

– О чем ты говоришь?

– Пожалуйста, не повышай на меня голос.

– Я не повышаю, просто… Из всех ночей ты не нашла другой, чтобы сказать мне об этом… И давно ты пришла к такой мысли?

– Некоторое время назад. Я не хотела тебя разочаровывать. Я столько раз почти заговаривала с тобой…

– Ты боишься? Вот в чем дело?.. Послушай, это совершенно нормально.

– Дело в другом.

Пилчер откинулся на кушетке и уставился на темные экраны.

– Вся наша совместная жизнь была мостом к нынешней ночи. Все в ней было ради нынешней ночи. И ты от всего этого уходишь?

– Прости.

– Значит, ты уходишь и от нашей дочери.

– Нет, не значит.

Он уставился на нее.

– То есть? Объяснись.

– Алиссе десять лет. Средняя школа не за горами. Я не хочу, чтобы ее первый танец был в городе, который даже не построен, две тысячи лет спустя. Ее первый поцелуй. Университет. Путешествия по свету. Как насчет этих моментов?

– У нее все это еще может быть. Ну, кое-что из этого.

– Она уже слишком многим пожертвовала с тех пор, как мы переехали в суперструктуру. Ее жизнь, моя жизнь – здесь и сейчас, и ты не знаешь, что принесет будущее. Не знаешь, на что будет похож мир, когда мы выйдем из консервации.

– Элизабет, ты знакома со мною двадцать пять лет. Я когда-нибудь говорил или делал то, что заставило бы тебя поверить, будто я позволю забрать у меня дочь?

– Дэвид…

– Пожалуйста, просто ответь.

– Это нечестно по отношению к ней.

– Нечестно? Она получает возможность, которой никогда не предоставлялась ни одному человеку, – увидеть будущее.

– Я хочу, чтобы у нее была нормальная жизнь, Дэвид.

– Где она?

– Что?

– В данный момент. Где моя дочь?

– В своей комнате, собирает вещи. Мы останемся только на вечеринку.

– Пожалуйста.

Отчаяние в собственном голосе удивило его.

– Как, по-твоему, я перенесу разлуку с дочерью…

– Да черта с два!

На мгновение прорвалась сдерживаемая ярость.

– Она едва тебя знает, если уж на то пошло.

– Элизабет…

– Я едва тебя знаю, если уж на то пошло. Давай не будем притворяться, что все *это* не было твоей навязчивой идеей. Твоей первой любовью. Не я. Не Алисса.

– Неправда.

– Твой проект поглотил тебя. Последние пять лет я наблюдала, как ты превращаешься в нечто глубоко неприятное. Ты уже не раз заходил слишком далеко, и я гадаю – сознаешь ли ты полностью, чем стал.

– Я сделал то, что должен был, чтобы приблизиться к нынешней ночи. Я не ищу извинений. Я с самого начала сказал, что ничто меня не остановит.

– Что ж, надеюсь, в конце концов игра будет стоить свеч.

– Пожалуйста, не поступай так. Эта ночь должна была стать самой великой в моей жизни. Нашей жизни. Я хочу, чтобы ты была на другой стороне, когда мы очнемся.

– Я не могу. Прости.

Пилчер сделал глубокий вдох, медленно выдохнул.

– Наверное, тебе было трудно, – сказал он.

– Ты и понятия не имеешь – как.

– Ты хотя бы останешься на вечеринку?

– Конечно.

Пилчер подался к ней и поцеловал ее в щеку. Не смог вспомнить, когда делал это в последний раз.

– Я должен поговорить с Алиссой, – сказал он.

– После вечеринки мы распрощаемся.

Она встала.

Серое платье от «Шанель».

Волнистые серебряные волосы.

Он наблюдал, как Элизабет грациозно идет к дубовым дверям.

Когда она исчезла, Пилчер подошел к своему столу.

Поднял трубку телефона.

Набрал номер.

Арнольд Поуп ответил на первом же гудке.

*** * ***

Если бы Хасслер смог оценить напиток, то это было бы лучшее шампанское, какое он пробовал в жизни, но нервы давали о себе знать.

Это место было нереальным.

Поговаривали, что на прокладку тоннеля, взрывные и земляные работы ушло тридцать два года. Ярлычок с ценой, должно быть, перевалил за пятьдесят миллиардов. В пещерном складе мог бы поместиться целый флот 747-х[43], но интуиция подсказывала Хасслеру, что настоящие деньги были вбуханы в то помещение, в котором он стоял сейчас.

Помещение размером с супермаркет.

Сотни агрегатов величиной с автомат для продажи напитков стояли здесь, насколько хватало глаз, шипя и гудя. Некоторые из них выпускали белый газ, испарения качались в десяти футах над полом. Хасслер как будто шел сквозь холодный голубой туман. Потолка не было видно. Холодный воздух был чистым, ионизированным.

– Вы бы хотели увидеть ее, Адам?

Этот голос заставил его вздрогнуть.

Хасслер повернулся и оказался лицом к лицу с Пилчером. Тот выглядел щеголем в похрустывающем смокинге, с узким высоким бокалом шампанского в руке.

– Да, – сказал Хасслер.

– Туда.

Пилчер повел его по длинному проходу к задней части помещения, а потом – по другому проходу между механизмов.

– Вот и пришли, – сказал он.

Тут была клавиатура, датчики, индикаторы и цифровая надпись: «Тереза Лиден Бёрк. Дата консервации: 19.12.13. Сиэтл, штат Вашингтон».

Внизу в передней части аппарата тянулась полоса толстого стекла в два дюйма шириной. Сквозь нее виднелся черный песок и светлое пятно – часть щеки Терезы.

Хасслер невольно прикоснулся к стеклу.

– Мы собираемся начать, – сказал Пилчер.

– Она спит? – спросил Хасслер.

– Ни один из наших анализов – а их было проведено множество – не показывает ни малейшего уровня чувствительности во время консервации. Активность мозга отсутствует. Самый долгий период, какой пребывали в консервации объекты нашего исследования, – девятнадцать месяцев. Все время, пока они находились в таком состоянии, никто не докладывал ни о какой чувствительности.

– Значит, вот на что это похоже, когда гаснет свет?

– Что-то вроде того. Вы улучили минутку, чтобы прочитать памятку в вашей комнате? Все ее получили.

– Нет, я только что прошел медицинское исследование и сразу явился сюда.

– Ну, тогда вас ожидает несколько сюрпризов.

– Из вашей команды все погружаются в консервацию нынче ночью?

– Была отобрана маленькая группа тех, кто останется еще на ближайшие двадцать лет. Они будут продолжать собирать провизию. Позаботятся о том, чтобы у нас имелась новейшая технология. Закончат кое-какие дела.

– Но вы погружаетесь.

– Конечно. – Пилчер засмеялся. – Моложе я не становлюсь. Я предпочел бы отложить оставшееся мне время для грядущего мира. А теперь нужно вернуться туда.

Хасслер последовал за ним в пещеру.

Люди Пилчера ждали там – все разряженные в пух и прах. Мужчины в смокингах, женщины в коротких черных платьях.

Он, улыбаясь, забрался на деревянный ящик и окинул взглядом толпу.

При свете гигантского шара, свисающего на тросе со скалы наверху, Хасслеру показалось, что глаза Пилчера затуманились от чувств.

– Сегодня вечером мы приближаемся к концу тридцатидвухлетнего пути созидания. Но, как и любой конец, это к тому же начало. Говоря «прощай» знакомому миру, мы предвкушаем будущий мир. Мир, который ждет нас через две тысячи лет. Я возбужден. Знаю, что и вы тоже. И, может быть, вы в придачу боитесь, но это нормально. Страх означает, что вы живы. Раздвигаете пределы. Нет приключения без страха, и, господи, все мы на краю самого поразительного приключения.

Он поднял очки на лоб.

– Мне бы хотелось предложить тост. За вас – за всех до единого, кто зашел со мной так далеко и собирается совершить этот последний прыжок веры. Я обещаю, что парашюты раскроются.

По толпе пробежал нервный смех.

– Благодарю вас. Благодарю за ваше доверие. За вашу дружбу. Это – за вас!

Пилчер выпил.

Все выпили.

У Хасслера начали потеть ладони.

Дэвид взглянул на наручные часы.

– Одиннадцать вчера. Пора, друзья мои.

Пилчер передал свой бокал Пэм. Расстегнул галстук-бабочку и отбросил его. Снял пиджак и уронил на скалу. Люди начали аплодировать. Он сбросил с плеч подтяжки и расстегнул плиссированную рубашку.

Теперь начали раздеваться и остальные.

Арнольд Поуп.

Пэм.

Все мужчины и женщины рядом с Хасслером.

В пещере стало тихо.

Слышалось лишь шуршание одежды, которую снимали и бросали на пол.

Хасслер думал: «Какого черта?»

Но очень скоро, если он не присоединится к происходящему, останется единственным одетым человеком в помещении, и это почему-то казалось еще худшим, нежели раздеваться перед совершенно незнакомыми людьми.

Он снял галстук-бабочку, затем – костюм.

Спустя две минуты сто двадцать человек стояли в пещере нагишом.

Пилчер сказал со своего пьедестала:

– Извиняюсь за холод. С этим ничего не поделаешь. И, боюсь, там, куда мы отправляемся, будет еще холоднее.

Он слез с ящика и босиком направился к стеклянной двери, которая вела в зал консервации.

Войдя туда, Хасслер уже спустя тридцать секунд начал неудержимо дрожать – отчасти от страха, отчасти от холода.

В проходах образовались очереди, люди в белых лабораторных халатах направляли движение.

Приблизившись к одному из них, Хасслер сказал:

– Я не знаю, куда идти.

– Вы не прочитали памятку?

– Нет, простите, я только что получил…

– Ничего страшного. Как вас зовут?

– Хасслер. Адам Хасслер.

– Идемте со мной.

Лаборант проводил его к четвертому ряду и показал в проход между машинами со словами:

– Ваша посередине слева. Поищите табличку с вашим именем.

Хасслер последовал по проходу за четырьмя голыми женщинами. Казалось, испарения стали плотнее, и его дыхание вырывалось на холоде па́ром. Под подошвами его босых ног металлическая решетка над камнем была холодной, как лед.

Он прошел мимо мужчины, который забирался в машину.

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно.

Рассматривая каждую табличку с именем, Хасслер понял, что никогда не представлял себе этого момента. Никогда к нему не готовился. Конечно, он знал, что этот момент приближается. Знал, что осознанно на такое пошел. Но почему-то подсознательно он представлял себе нечто вроде общего наркоза. Маска, опускающаяся на лицо в теплой операционной. Лампы, меркнущие в наркотическом блаженстве. И уж как пить дать он не представлял, что будет топать голым в компании сотни других людей…

Вот!

Табличка с его именем.

Его, срань господня, машина.

«Адам Т. Хаслер. Дата консервации: 31.12.13. Сиэтл, штат Вашингтон».

Он рассмотрел кнопочную панель. Непонятный набор символов.

Поглядел налево и направо, но остальные уже исчезли в своих машинах.

К нему подошел еще один лаборант.

– Эй, можете меня выручить? – спросил Хасслер.

– Вы не прочитали памятку?

– Нет.

– Тогда понятно.

– Пожалуйста, не могли бы вы просто мне помочь?

Лаборант набрал что-то на клавиатуре и пошел дальше.

Раздалось шипение пневматики, как будто вырвался сжатый газ, а потом передняя панель машины приоткрылась на несколько дюймов.

Хасслер открыл ее до конца. За ней была тесная металлическая капсула. Маленькое сиденье и подлокотники из черного сплава, а на полу – контуры человеческих ступней.

Негромкий голос в голове Хасслера прошептал: «Ты выжил из ума, к чертям собачьим, если собираешься забраться в эту штуку».

Но он все равно это сделал, шагнув внутрь и примостившись на ледяном сиденье.

Из стен выстрелили оковы и сомкнулись вокруг его лодыжек и запястий.

Сердце его неистово заколотилось, когда дверь с грохотом закрылась, и он впервые заметил пластиковую трубку, которая змеилась по стене, заканчиваясь иглой ужасающих размеров.

Хасслер вспомнил о бескровном лице Терезы и подумал: «Блин!»

Над головой раздался звук, как будто что-то просачивалось сюда под давлением. Он не видел газ, но внезапно почуял запах, напоминающий запах роз, сирени и лаванды.

Женский компьютерный голос сказал:

– Пожалуйста, начинайте глубоко дышать. Нюхайте цветы, пока можете.

За двухдюймовой полоской стекла появился Пилчер.

Компьютерный голос сказал:

– Все будет хорошо.

Пилчер был без рубашки; гордо улыбаясь, он поднял вверх большие пальцы.

Хасслеру больше не было холодно.

Он больше не боялся.

Когда из динамиков полились звуки «Прядильщик снов» Гэри Райта, он закрыл глаза. Он собирался помолиться, собирался мысленно сосредоточиться на чем-нибудь красивом – например, на будущем, новом мире и женщине, с которой он будет этот мир делить. Но как каждый важный, значимый момент в его жизни, и этот промелькнул слишком быстро.

*** * ***

Пэм ждала в пещере.

Она накинула халат и держала еще один халат для Пилчера, перекинув его через руку.

– Моя дочь? – спросил он, вдев руки в рукава.

– Все схвачено.

Пилчер оглядел пещеру.

– Как тут теперь тихо, – сказал он. – Иногда я думаю о том, каким будет это место, когда все мы отключимся…

– Дэвид!

К ним по каменному полу шла Элизабет.

– Я искала повсюду, – сказала она. – Где она?

– Я отослал Алиссу в мой кабинет, прежде чем была снята одежда.

– Привет, миссис Пилчер, – сказала Пэм. – Вы сегодня восхитительно выглядите.

– Спасибо.

– Я очень сожалела, когда услышала, что вы к нам не присоединитесь.

Элизабет пристально посмотрела на мужа.

– Когда ты отключаешься?

– Скоро.

– Я не хочу оставаться тут на ночь. У тебя найдется кто-нибудь, кто отвезет меня и Алиссу обратно в Бойсе?

– Конечно. Все, что пожелаешь. И можешь взять самолет.

– Что ж. Думаю, уже пора…

– Верно. Почему бы тебе не пойти в мой кабинет? Я присоединюсь к тебе через минутку. Мне просто нужно позаботиться об одной последней вещи.

Пилчер наблюдал, как его жена идет через пещеру ко входу в первый уровень.

Он вытер лицо и сказал:

– Я не должен был проливать слезы нынче вечером. По крайней мере, *такие* слезы.

* * *

Элизабет вышла из лифта.

В их квартире было тихо. Эта квартира никогда не нравилась ей. Никогда не нравилась их жизнь внутри *горы*, ничуть. Сплошная клаустрофобия. Ощущение изоляции, с которой она так и не смогла смириться. Она чувствовала, что душа ее сутулится от всесокрушающего веса жизни с этим одержимым человеком, имеющим лишь одну цель. Но нынче вечером она и ее дочь наконец-то станут свободными.

Дверь, ведущая в кабинет Дэвида, открылась.

Она вошла.

– Алисса! Милая!

Нет ответа.

Она подошла к мониторам. Было уже поздно. Наверное, дочь свернулась на одной из кушеток, чтобы подремать.

Она добралась до кушеток.

Нет.

Пусто.

Элизабет медленно осмотрела комнату.

Может, Алисса вернулась наверх по лестнице? Они могли разминуться, хотя это казалось маловероятным.

Взгляд ее упал на стол Дэвида.

Тот всегда содержал свой стол в безукоризненном порядке. На нем не было никакого мусора. Вообще ничего не было.

Но теперь в центре стола лежал один-единственный белый листок.

И больше ничего.

Она подошла, притянула к себе бумагу по отполированному красному дереву, чтобы прочесть.

«Дорогая Элизабет, Алисса отправляется со мной. Ты можешь увидеть конец своей истории без нее. То, что осталось от этой истории. Дэвид».

У Элизабет появилось острое ощущение, что за ее спиной кто-то есть.

Она обернулась.

Арнольд Поуп стоял на расстоянии вытянутой руки. Ради праздника он побрился. Высокий, широкоплечий. Короткие светлые волосы, почти красивый. Все портили его глаза. Когда они сосредотачивались на тебе, в них было нечто слишком жестокое и хладнокровное. Элизабет чуяла в его дыхании запах шампанского.

– Нет, – сказала она.

– Простите, Элизабет.

– Пожалуйста.

– Вы мне нравитесь. Всегда нравились. Я сделаю это как можно быстрее. Но вы должны поработать вместе со мной.

Она опустила взгляд на его руки, почти ожидая увидеть в них нож или проволоку.

Но они были пусты.

Она ощутила слабость и тошноту.

– Дайте мне всего одну минутку, пожалуйста. Пожалуйста!

Она встретилась с ним глазами.

Глаза его были холодными, пристальными и печальными.

Готовящимися к чему-то.

И за полсекунды до того, как он набросился на нее, она поняла, что не получит этой минутки.

Часть IV

Глава 22

Тобиас согрел грязные руки над жаром огня.

Он разбил лагерь у реки, глубоко в горах той земли, которая некогда называлась Айдахо.

Оттуда, где он сидел, можно было вглядеться в каньон и увидеть, как солнце опускается между двух гор.

Так близко.

Сегодня он мельком видел зазубренное кольцо амфитеатра восточной гряды Заплутавших Сосен.

Единственное, что мешало ему добраться до ограды, – это тысячная стая аберов в лесу, граничившем с южным краем города. Даже находясь от аберов в двух милях, он чуял их. Если ночью они уйдут, путь домой для него будет открыт.

Искушение поспать на земле было очень сильным. Было нечто крайне привлекательное в сне на мягких сосновых иголках.

Но это было бы глупо.

Тобиас уже пристроил свой бивуачный мешок на одной из раскидистых сосен. Он потерял счет ночам, которые провел не на земле, и еще одна ночь его не убьет. А завтра, если все пойдет по плану и он не докатится до того, чтобы быть съеденным в свою последнюю ночь в глуши, он сможет забраться в теплую постель.

Тобиас открыл рюкзак, сунул руку в его глубину. Пальцы его коснулись холщового мешка с трубкой, спичками-книжкой из отеля «Андра» в Сиэтле и табаком. Он выложил все это на камень.

Странно. Столько раз он думал об этом моменте. Мысленно готовился к нему.

Его последняя ночь в глуши.

Тобиас взял с собой фунт табака – больший вес он не мог себе позволить – и истратил его в первые же месяцы, сэкономив ровно столько, чтобы выкурить последнюю трубку, если он до нее доживет. И все равно было столько ночей, когда он чуть было не расправился со своей заначкой… Доводы в пользу такого поступка были многочисленными и убедительными.

«Ты в любой момент можешь погибнуть».

«Ты никогда не доберешься обратно».

«Не быть съеденным? Даже это не перевешивает радости получаса курения».

И все-таки он выдержал.

Это не имело смысла. Его шансы на возвращение были равны нулю. Но когда он открыл полиэтиленовый пакетик и вдохнул запах ароматной смеси, это, бесспорно, стало одним из самых счастливых моментов его жизни.

Он не торопился, набивая чашечку трубки.

Потом примял табак пальцем, убедившись, что каждый побег любовно уложен.

Табак красиво занялся.

Он затянулся.

Господи, этот запах…

Дымок вился вокруг его головы.

Тобиас прислонился к стволу дерева, которое, как он надеялся, будет последним деревом, на котором ему когда-либо придется спать.

Небо порозовело. Можно было видеть его цвет в реке.

Он курил, наблюдал за текущей водой и впервые за целую вечность чувствовал себя человеком.

Глава 23

В 8 вечера Итан снова сидел за своим столом в участке.

Зазвонил телефон.

Когда он поднял трубку, Пилчер сказал:

– Доктор Митер не на шутку зол на вас, Итан.

В голове Бёрка всплыл образ Пилчера, забирающегося на стол для аутопсии и наносящего своей дочери удар ножом.

«Ты – монстр».

– Вы слышите? – спросил Итан.

– Что слышу?

Бёрк помолчал пять секунд.

– Звук, говорящий о том, что мне насрать.

– Вы все еще без чипа, и мне это не нравится.

– Послушайте, мне неохота так быстро снова идти под нож. Завтра я первым делом появлюсь в *горе* и покончу с этим.

– Вы, часом, не встречали Пэм?

– Нет, а что?

– Ей следовало бы быть в *горе,* на совещании, еще тридцать минут назад. А ее сигнал показывает, что она до сих пор в долине.

Вернувшись в город, Итан отправился на Главную улицу и сунул окровавленный микрочип Пэм в сумочку женщины, с которой разминулся на тротуаре. Рано или поздно Пилчер начнет изучать показания камер. Когда камера засечет микрочип Пэм, но сама она все еще будет загадочно отсутствовать, Пилчер поймет: что-то стряслось.

– Если я ее увижу, передам, что вы ее ищете, – сказал Итан.

– Я не слишком беспокоюсь. Она склонна время от времени бродить где вздумается. В данный момент я сижу у себя в кабинете с бутылкой очень милого скотча и наблюдаю за своей панелью мониторов, готовый к началу шоу. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– Нет.

– Вы просмотрели руководство? Понимаете последовательность звонков? Инструкции, которые будете давать?

– Да.

– Если Кейт и Гарольд будут убиты в лесу, если они будут убиты где-нибудь еще, кроме Главной улицы в центре города, я возложу ответственность за это лично на вас. Не забывайте, что у них есть тайная поддержка, поэтому дайте первой волне чиновников немного лишнего времени.

– Понимаю.

– Пэм сегодня доставила в ваш офис телефонные коды.

– Они тут, на столе, рядом с руководством. Но вы и сами это видите, верно?

Пилчер только засмеялся.

– Я знаю, что у вас было с Кейт Бэллинджер, – сказал он, – и мне жаль, если это слегка омрачит вам нынешнюю ночь…

– Слегка омрачит?

– …но «красные дни» бывают не так уж часто. Иногда между ними проходит год или два. Поэтому вопреки всему я надеюсь, что вы попробуете этим наслаждаться. Как бы я их ни ненавидел, в этих ночах есть что-то воистину волшебное.

В своей прошлой жизни Итан усвоил дурную привычку показывать неприличный жест телефону, когда ему не нравился человек на другом конце провода или его речи. Каким-то образом он нашел в себе силы сейчас воздержаться от этого, что было весьма благоразумно.

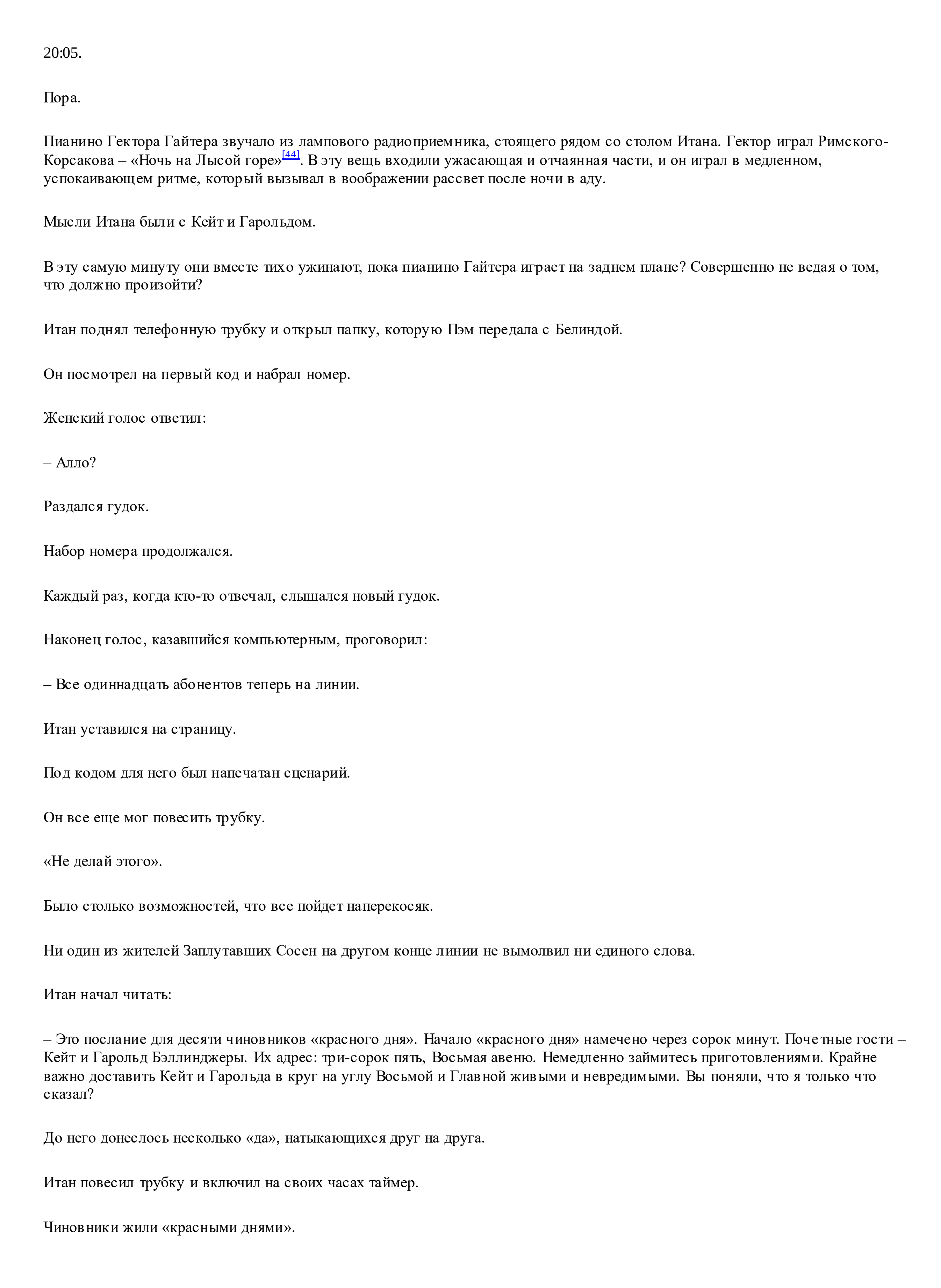
– Что ж, не буду вас задерживать, Итан. У вас еще много дел. Если утром у вас не будет слишком сильного похмелья, я пошлю Маркуса, чтобы он вас привез. Мы позавтракаем и поговорим о будущем.

– Я это предвкушаю, – ответил Итан.

* * *

Белинда ушла домой.

В участке было тихо.

20:05.

Пора.

Пианино Гектора Гайтера звучало из лампового радиоприемника, стоящего рядом со столом Итана. Гектор играл Римского-Корсакова – «Ночь на Лысой горе»[44]. В эту вещь входили ужасающая и отчаянная части, и он играл в медленном, успокаивающем ритме, который вызывал в воображении рассвет после ночи в аду.

Мысли Итана были с Кейт и Гарольдом.

В эту самую минуту они вместе тихо ужинают, пока пианино Гайтера играет на заднем плане? Совершенно не ведая о том, что должно произойти?

Итан поднял телефонную трубку и открыл папку, которую Пэм передала с Белиндой.

Он посмотрел на первый код и набрал номер.

Женский голос ответил:

– Алло?

Раздался гудок.

Набор номера продолжался.

Каждый раз, когда кто-то отвечал, слышался новый гудок.

Наконец голос, казавшийся компьютерным, проговорил:

– Все одиннадцать абонентов теперь на линии.

Итан уставился на страницу.

Под кодом для него был напечатан сценарий.

Он все еще мог повесить трубку.

«Не делай этого».

Было столько возможностей, что все пойдет наперекосяк.

Ни один из жителей Заплутавших Сосен на другом конце линии не вымолвил ни единого слова.

Итан начал читать:

– Это послание для десяти чиновников «красного дня». Начало «красного дня» намечено через сорок минут. Почетные гости – Кейт и Гарольд Бэллинджеры. Их адрес: три-сорок пять, Восьмая авеню. Немедленно займитесь приготовлениями. Крайне важно доставить Кейт и Гарольда в круг на углу Восьмой и Главной живыми и невредимыми. Вы поняли, что я только что сказал?

До него донеслось несколько «да», натыкающихся друг на друга.

Итан повесил трубку и включил на своих часах таймер.

Чиновники жили «красными днями».

Они были единственными горожанами, которым разрешалось держать дома настоящее оружие – мачете, которые изготавливал Пилчер. Все остальные прибегали к самодельным оружиям убийства – кухонным ножам, камням, бейсбольным битам, топорам, резакам, железным кочергам из набора для камина – любой вещи с большим весом, острием или лезвием.

Итан все утро гадал, каким будет этот отрезок времени – сорок минут между тем, как он приведет все в движение, и последним телефонным звонком.

И вот он живет в этом отрезке, и время с визгом, с невообразимой скоростью проносится мимо…

Может, примерно так же ощущается последний обед в корпусе для приговоренных к смерти?

Время летит со скоростью света.

Частота пульса ускоряется.

Жуткий, лихорадочный обзор того, что привело к этому моменту.

А потом он глядит, как на его часах отсчитываются последние десять секунд, гадая, куда же подевалось время.

Итан выключил звонок будильника.

Поднял телефонную трубку.

Набрал второй код.

Тот же компьютерный голос посоветовал:

– Пожалуйста, оставьте ваше сообщение после сигнала.

Он подождал.

Раздался сигнал.

Он зачитал второй сценарий:

– Это шериф Итан Бёрк. Начинается «красный день». Почетные гости – Кейт и Гарольд Бэллинджеры. Их следует поймать и невредимыми доставить на угол Главной и Восьмой…

Он с трудом произнес последние слова:

– И казнить в кругу.

После долгой паузы тот же самый компьютерный голос проговорил:

– Если вы удовлетворены своим сообщением, нажмите «один». Чтобы прослушать ваше сообщение перед отправкой, нажмите «два». Чтобы заново записать сообщение, нажмите «три». Для всех остальных вариантов нажмите «четыре».

Итан нажал «один» и убрал телефон на полку.

Встал.

На его столе под лампой поблескивал никелем «Пустынный орел».

Он перезарядил его, убрал в кобуру и подошел к шкафу. Снял с полки головной убор, с крючка – плащ из медвежьей шкуры.

В трех шагах от двери Бёрк услышал звонки.

Первый донесся из радиоприемника.

Пианино перестало играть.

Итан услышал, как скрипнуло сиденье – Гайтер вставал.

Звук его отдаляющихся шагов.

Звук поднятой телефонной трубки.

– Алло?

Потом голос самого Итана – послание, которое он только что записал, – тихо зазвучал в динамиках.

Гайтер прошептал:

– О господи, – и радиопередача оборвалась в разрядах статики.

Итан пошел по коридору, думая только о Кейт.

Твой телефон зазвонил?

Ты взяла трубку и услышала, как мой голос приговаривает тебя к смерти?

Ты думаешь, что я предал тебя?

Он прошел мимо стола Белинды, пересек темный вестибюль. Луны сегодня не было, лишь полным-полно звезд в небе.

Он слышал этот звук и раньше, когда начиналась его собственная «красная ночь», но сегодня звук казался более зловещим, потому что Итан полностью понимал, что он означает.

Сотни и сотни телефонов, звонящих одновременно – весь город получает распоряжение убить одного из своих сограждан.

Мгновение Итан просто стоял и слушал с неким полным ужаса изумлением.

Звук наполнил долину, как безумные церковные колокола.

Кто-то пробежал мимо.

В нескольких кварталах отсюда завопила женщина, хотя непонятно было – от возбуждения или от боли.

Итан прошел по тротуару и вгляделся в большие стеклянные окна «Бронко». Они были тонированы, и, поскольку единственным источником света служил уличный фонарь на другой стороне улицы, невозможно было разглядеть, что находится внутри машины.

Итан осторожно открыл дверь со стороны водителя.

Ни звука.

Ни движения.

Швырнув на пассажирское сиденье плащ и головной убор, он сел за руль.

* * *

Он как будто ехал по своему прежнему кварталу в Сиэтле в ночь Хэллоуина.

Повсюду люди.

На тротуарах.

На улицах.

Бродят, пошатываясь, держа открытые стеклянные банки.

Факелы.

Бейсбольные биты.

Клюшки для гольфа.

Костюмы были уже наготове и ждали.

Он проехал мимо мужчины в старом заляпанном пятнами крови смокинге, с палкой в руке: один конец изгибался, образуя ручку, другой был утыкан острыми кусками металла, как булава.

Все дома стояли с темными окнами, но тут и там появлялись точки света. Фонарики двигались через кусты и по переулкам. Конусы света падали на деревья.

Даже сидя за рулем машины, Итан видел, что толпа неоднородна. Видел, что некоторые видят в «красной ночи» лишь шанс вырядиться, напиться и немного побезумствовать. Видел в облике других злую целеустремленность – явное стремление пролить кровь или хотя бы упиться вволю созерцанием творящегося насилия. Видел, что некоторые едва держатся на ногах и слезы текут по их лицам, когда они продвигаются к центру безумия.

Он держался боковых улочек.

Между Третьей и Четвертой фары выхватили толпу детей человек в тридцать: они бежали через дорогу, заходясь ужасным смехом, как гиены, все в костюмах, и ножи поблескивали в их маленьких руках.

Итан продолжал высматривать чиновников – они должны были быть во всем черном, с мачете в руках, – но не видел их.

Он свернул на Первую и поехал на юг, прочь из города.

На дороге возле пастбища Бёрк остановил «Бронко». Выключил зажигание, вышел из машины.

Телефоны перестали звонить, но шум собирающейся толпы становился громче.

Итану подумалось, что четыре дня тому назад на этом самом месте он обнаружил Алиссу Пилчер.

Господи, как же быстро все докатилось до такого!

Еще не пришло время, когда он должен был появиться, но скоро придет.

Ты все еще бежишь, Кейт? Тебя поймали? Тащат тебя и твоего мужа в сторону Главной улицы? Ты перепугана? Или в глубине души уже давно приготовилась к этому? Приготовилась к тому, что кошмар наконец-то закончится?

На окраине Заплутавших Сосен было холодно и темно.

Итан чувствовал себя в странной изоляции. Это было все равно что стоять возле стадиона и слушать шум игры.

В городе что-то взорвалось.

Разлетелись стекла.

Люди разразились радостными криками.

Итан прождал пятнадцать минут, сидя на капоте «Бронко»; тепло двигателя проникало сквозь металл.

Пусть они соберутся.

Пусть сойдут с ума.

Без него ничего не произойдет.

Без него не прольется кровь.

* * *

Когда Пэм открыла глаза, было темно.

Она дрожала.

В голове пульсировала боль.

Левую ногу жгло, как огнем, будто кто-то вырвал из нее кусок.

Она села.

«Где я?»

Было ужасно холодно и темно, и последнее, что ей запомнилось, – как она сегодня покинула больницу после очередного сеанса психотерапии.

Постойте.

Нет.

Она заметила «Бронко» Итана Бёрка, который ехал на юг, прочь из города. И последовала за ним пешком…

Она разом вспомнила все.

Они дрались.

И, очевидно, она проиграла.

Какого дьявола он с нею сделал?

Пэм встала, и боль в ноге заставила ее закричать. Она потянулась назад. Большой клок джинсов оказался вырезан, на левом бедре кровоточила паршивая открытая рана.

Он вырезал ее микрочип.

Этот гребаный пидор.

Ярость ударила ее, как доза морфия. Она больше не чувствовала боли, даже когда пустилась бегом прочь от ограды, обратно в город, все быстрее и быстрее через темный лес, пока гул электричества не затих вдали.

Ее остановили вопли, раздавшиеся в отдалении.

Вопли аберов.

Много, много воплей аберов.

Но что-то было не так.

С какой стати вопли доносятся прямо впереди?

Там, впереди, находятся Заплутавшие Сосны.

Вообще-то она уже должна была бы добраться до дороги к этому…

Дерьмо.

Дерьмо.

Дерьмо.

Пэм не знала, сколько времени бежала, но бежала она изо всех сил, несмотря на боль. От ограды ее теперь отделяло не меньше мили.

В придачу к крикам, похоже, большой стаи аберов она услышала, как впереди кто-то движется в ее сторону – ветки ломались, трещали сучья.

И она могла бы поклясться, что даже чует их – вонь мертвечины, от которой слезились глаза, становилась сильней с каждой секундой.

За всю жизнь ей еще никогда так отчаянно не хотелось сделать кому-то больно.

Итан Бёрк не просто вырезал ее микрочип.

Он каким-то образом сумел бросить ее по другую сторону ограды, в злобном диком мире.

* * *

Итан забрался обратно в «Бронко», включил двигатель, вдавил в пол педаль газа.

Покрышки взвизгнули по мостовой, когда машина рванулась вперед.

Он влетел в лес и сделал большой крюк, который привел его обратно на дорогу, ведущую в город.

Спидометр показывал восемьдесят, когда он пронесся мимо приветственного билборда. Затем снял ногу с педали газа и дал оборотам утихнуть.

Теперь он был на Главной улице и все еще в четверти мили от цели, но уже видел вдалеке пламя, здания, сплошь озаренные светом факелов, и мельтешащие тени толпы.

Проехал мимо больницы.

В четырех кварталах от перекрестка Восьмой и Главной обогнул людей, собравшихся на дороге. В стекло фасада магазина «Сладкоежка» что-то швырнули, и ребятишки теперь растаскивали сладости.

Все это было приемлемо и ожидаемо.

Толпа стала плотней.

В окно машины с пассажирской стороны ударило яйцо, желток потек по стеклу.

Теперь он еле-еле продвигался, на пути непрерывно попадались люди.

Все в костюмах.

Итан проехал через группу мужчин, одетых в женские платья, с ослепительной губной помадой на губах, в бюстгальтерах своих жен и женских трусиках поверх длинных джинсов. Один из них был вооружен чугунной сковородой.

Целая семья, включая детей, обвела глаза тенями и раскрасила лица белым, чтобы напоминать ходячих мертвецов.

Итан увидел рога дьявола.

Зубы вампира.

Парики со стоящими дыбом волосами.

Крылья ангела.

Шляпы-цилиндры.

Заостренные трости.

Монокли.

Накидки с капюшонами.

Викингов.

Королей и королев.

Маски палачей.

Шлюх.

Теперь улица была полна народу – от одного края до другого.

Итан нажал на клаксон.

Людское море обиженно расступилось перед ним.

Медленно продвигаясь между Девятой и Восьмой, Итан увидел и другие разнесенные витрины магазинов, а впереди – источник пламени.

Люди вытолкнули машину на середину Главной и подожгли. Теперь осколки ее окон усеивали мостовую, стекло поблескивало в свете огня, пламя лизало лобовое стекло, сиденья и плавящийся щиток. Над всем этим как ни в чем не бывало менял цвета светофор.

Итан свернул в парк и заглушил двигатель.

За ветровым стеклом царила темная, изменчивая энергия – злое живое существо. Он рассматривал лица, красноватые в свете огня, глаза, стеклянные от самогона, который был припасен и теперь раздавался. Самое странное, что Пилчер был прав. Это ясно подтверждал «красный день»: он отвечал каким-то глубоким, всепоглощающим стремлениям этих людей.

Итан оглянулся на заднее сиденье «Бронко» и сверился со своими часами.

Уже скоро.

Шерстяная подкладка головного убора была ушита, и убор точно ему подошел. Он потянулся и запер пассажирскую дверь, хотя сомневался, что в конце концов это что-то даст. Схватил вонючий плащ и мегафон, открыл дверь со своей стороны, запер ее снаружи и шагнул прочь от машины, в сумятицу.

Разбитое стекло хрустнуло под сапогами.

Воздух пропитался запахом спиртного.

Итан надел плащ.

Пробился сквозь толпу.

Люди вокруг него начали аплодировать и издавать приветственные крики.

Чем дальше к светофору он продвигался, тем громче становился шум.

Аплодисменты, крики, вопли.

И все это было ради него.

Его имя выкрикивали, его хлопали по спине.

Кто-то всунул банку в его правую руку.

Он продолжал идти.

Люди стояли так тесно, что пространство между ними почти нагревалось.

Наконец Итан пробился в «глаз бури» – круг не больше тридцати футов в диаметре.

Шагнул прямо внутрь этого круга.

У него сжалось горло от горя при виде них.

Гарольд, лежа на тротуаре, пытался встать; кровь текла по его лицу после нескольких ударов по голове.

Двое облаченных в черное чиновников держали Кейт – женщину, которую Итан некогда любил, – держали за обе руки, чтобы она не упала.

Гарольд выглядел ошеломленным, но Кейт полностью сознавала, что происходит, и смотрела прямо на Итана. Она плакала, и, не успев разобраться в своих ощущениях, он почувствовал, как по его лицу тоже текут слезы. Ее губы шевелились. Она вопила на него, вопила вопросительно и неверяще, наверняка умоляя ее пощадить, но крики заглушал шум толпы.

Кейт была в изорванной ночной рубашке и босиком, она дрожала; ее колени были перепачканы травой и землей, одно из них было ободрано до кости, кровь текла по голени; левый глаз ее заплыл и закрылся.

Итан начал понимать, как именно все произошло.

Она и Гарольд рано легли в постель – наверное, у них все еще было похмелье после прошлой ночи. Ворвались чиновники. Не было времени даже одеться. Кейт выпрыгнула в окно и, возможно, совершила рывок в сторону канализационных тоннелей под городом. На ее месте он бы так и поступил. Но десять чиновников окружили ее дом. Скорее всего, ее догнали в квартале или в двух от дома.

Итану еще никогда в жизни ничего так не хотелось, как подойти к ней. Обнять ее, сказать, что все будет в порядке. Что она выживет.

Но вместо этого он повернулся к ней спиной и снова пошел сквозь толпу.

Добравшись до «Бронко», Итан забрался на капот, а потом – дальше, вверх через ветровое стекло.

Он встал на крыше. Металл прогнулся под его весом, но выдержал.

Толпа снова впала в неистовство, вопя так, будто их рок-звезда только что вышла на сцену.

Оттуда, где стоял Итан, было видно все: освещенные пламенем лица людей, зажатых между домами, горящую машину, круг, в котором Кейт с Гарольдом ожидали смерти. Он не видел Терезу и Бена, и это дало ему хотя бы маленькое утешение. Он предупредил жену, чтобы та не приходила. Дал ей указания забрать сына – если понадобится, против его воли – и уйти от «красного дня» в относительно безопасный склеп.

Итан поднял вверх стеклянную банку с подозрительным напитком. Толпа ответила на этот жест – сотни бутылок поднялись вверх, в них отразился свет горящей машины.

Тост в аду.

Он выпил.

Все выпили.

Мерзость.

Итан разбил банку о мостовую, вытащил «Пустынного орла» и трижды выстрелил в небо.

Гребаная отдача!

Толпа просто спятила.

Итан вложил оружие в кобуру и взял мегафон, болтавшийся у него на плече на ремне.

Все утихли.

Все, кроме Кейт.

Она выкрикивала его имя, вопила, вопрошая: «Почему, ради бога, почему ты так поступаешь со мной, я доверяла тебе, я тебя любила, почему?»

Он позволил ей кричать и дальше, позволил выдохнуться, позволил выплеснуть все, что было у нее на душе.

Потом поднял мегафон.

– Добро пожаловать на «красный день»!

Вопли и приветствия.

Итан заставил себя улыбнуться и сказал:

– С этой стороны мегафона он нравится мне даже больше!

Это заставило всех оглушительно захохотать.

В руководстве имелись точные указания насчет того, как шериф должен справиться с этим моментом, когда все собрались и приблизилось время казни.

«Хотя горстка жителей может не испытывать никаких проблем с убийством своих соседей, может даже наслаждаться этой работой, но, когда время по-настоящему подходит к казни, большинство чувствуют себя неуверенно и не рвутся проливать кровь. Вот почему ваша работа как начальника «красного дня» так необходима для полного его успеха. Вы задаете тон празднику. Вы создаете настроение. Напомните, почему выбраны почетные гости. Напомните, что «красный день» в конечном итоге призван сохранить безопасность Заплутавших Сосен. Напомните, что уклонение от правил ведет к беде и легко может закончиться тем, что в следующий раз один из уклоняющихся окажется в кругу».

Итан сказал:

– Вы все знаете Кейт и Гарольда Бэллинджеров. Многие из вас называли их друзьями. Вы преломляли с ними хлеб. Вы смеялись и плакали с ними. И, может, вы думаете, что из-за этого трудно проглотить горькую пилюлю нынешней ночи.

Он посмотрел на наручные часы.

Прошло уже больше трех часов.

Блин! Да когда уже?

– Позвольте рассказать вам о Кейт и Гарольде. Настоящих Кейт и Гарольде. Они ненавидят этот город!

Толпа разразилась агрессивными возгласами.

– По ночам они тайком выходят и, что самое худшее… Встречаются с остальными. Остальными такими же, как они, теми, кто презирает наш маленький кусочек рая.

Итан вложил в свой голос ярость:

– Как кто-то может ненавидеть этот город?

На мгновение шум стал оглушительным.

Он взмахом руки велел всем умолкнуть.

– Некоторые из этих людей, тайные друзья Бэллинджеров… Они этой ночью здесь, с нами. Стоят в этой самой толпе. Разряженные и притворяющиеся, что они точно такие же, как вы.

Кто-то закричал:

– Нет!

– Но в глубине сердца они ненавидят Заплутавшие Сосны. Оглянитесь вокруг. Их больше, чем вы думаете. Но я обещаю вам… Мы избавимся от них!

Это было не слишком умно, но, когда толпа снова взревела, Итан почувствовал, как «Бронко» едва уловимо качнулся на амортизаторах.

– Итак, встает вопрос: почему они ненавидят Заплутавшие Сосны? У нас здесь есть все необходимое. Еда. Вода. Кров. Безопасность. Мы ни в чем не знаем нужды, и все равно некоторые люди чувствуют, что этого недостаточно.

Что-то ударило в металлическую крышу под сапогами Итана.

– Они хотят большего. Они хотят права покидать город. Говорить от чистого сердца. Знать, чему учат в школе их детей.

Выкрики продолжались, но куда менее уверенно.

– Они имеют мужество желать знать, где находятся.

Выкрики полностью стихли.

– Знать, почему они здесь!

В толпе наступила мертвая тишина. Головы склонились набок, брови начали хмуриться, когда люди ощутили, что речь шерифа принимает неожиданный оборот.

– Почему им не разрешают уйти!

Итан завопил в мегафон:

– Да как они смеют?!

Думая: «Ты наблюдаешь за мной, Пилчер?»

«Бронко» задрожал под его ногами, и он задался вопросом – слышит ли толпа этот шум.

– Почти три недели назад, – продолжал Итан, – в холодную дождливую ночь я наблюдал из этого окна, – он показал на многоквартирный дом, выходивший на Главную улицу, – как вы, люди, забиваете до смерти женщину по имени Беверли. Вы бы убили и меня. Бог ведает – вы старались это сделать. Но я спасся. И теперь стою здесь, под личиной того, что возглавляет это празднество порока.

Кто-то закричал:

– Что ты делаешь?

Итан не обратил внимания на крик.

– Позвольте спросить вас кое о чем, – продолжал он. – Вам нравится жизнь в Заплутавших Соснах? Вам нравятся камеры в ваших спальнях? Вам нравится ничего не знать?

Никто в толпе не осмелился ответить.

Итан заметил двух чиновников, которые прокладывали путь сквозь народ, без сомнения, прорываясь к нему.

– Подчинились ли вы все Заплутавшим Соснам? Жизни в этом городе во тьме? Или кто-то из вас все еще лежит в постели ночью рядом со своей женой или мужем, которых едва знает, гадая, почему вы здесь? Мечтая о том, что находится за оградой?

Озадаченные, ошеломленные лица.

– Вы хотите знать, что находится за оградой?

Чиновник вырвался из толпы и побежал к «Бронко» с мачете в руке.

Итан вытащил «Пустынного орла», прицелился этому человеку в грудь и сказал в мегафон:

– Забавный факт. Одна только ударная волна от пули пятидесятого калибра остановит твое сердце.

Заднее левое окно «Бронко» взорвалось, стекла дождем посыпались на людей, столпившихся возле машины.

Наконец-то!

Итан посмотрел вниз и увидел руку с когтями, торчащую из дыры в окне.

Рука исчезла, потом снова просунулась в дыру.

Толпа подалась назад.

Вопль, который никто бы не принял за человеческий, вырвался из недр «Бронко».

По толпе пробежали изумленные вздохи.

Стоявшие к «Бронко» ближе других отступали, в то время как те, кто не видел, что происходит, пытались прорваться в передний ряд.

Абер внутри машины впал в неистовство, его когти рвали сиденья в клочья, когда он сражался с цепью, которой Итан приковал его за шею.

Бёрк все еще целился в чиновника из «Пустынного орла», но тот даже не следил за пистолетом. Вместо этого он уставился сквозь ветровое стекло «Бронко» на существо, которое пыталось выбраться из машины.

Итан сказал в мегафон:

– Я хочу рассказать вам сказку. Однажды, давным-давно, был город под названием Заплутавшие Сосны. Это был последний город на земле, и люди, которые в нем жили, были последними из своей расы.

Он больше не слышал звяканья цепи.

Абер вырвался и вскарабкался на переднее сиденье.

– Их законсервировали на две тысячи лет в своего рода капсуле времени. Только они об этом не знали. Их держали в неведении. В страхе. Иногда с помощью силы. Их подвели к вере в то, что они мертвы или спят.

Абер пытался прорваться сквозь ветровое стекло.

– Некоторые из жителей, такие как Кейт и Гарольд Бэллинджеры, в глубине души знали: что-то очень не так. Знали, что все это не по-настоящему. Другие же предпочли поверить в ложь. Они приспособились и жили паиньками. Извлекали лучшее из хреновейшей ситуации и пытались просто жить своей жизнью. Но это была не жизнь. Это была всего лишь красивая тюрьма, управляемая психопатом.

Большой кусок ветрового стекла вылетел и ударился о капот.

– А потом однажды в городе проснулся человек по имени Итан Бёрк. Он не знал этого, жители Заплутавших Сосен не знали этого, и извращенный подонок, который построил город, наверняка не знал этого, блин, но Бёрк пришел в себя, чтобы снять пелену с глаз людей. Показать им правду. Дать им шанс снова жить, как настоящие люди. Вот почему я сейчас стою здесь. Так скажите мне: вы хотите знать правду?

Абер под ним задыхался, неистово атакуя стекло.

– Или вы хотите и дальше жить во тьме?

Абер просунул голову в дыру.

Рычащий.

Яростный.

– Сейчас на две тысячи лет больше, чем вы думаете, – сказал Итан, – и наш род выродился в монстров, один из которых находится внутри моей машины.

Он показал пистолетом на голову абера.

Голова исчезла.

Наступило долгое мгновение тишины.

Люди просто таращились.

С отвисшими челюстями.

Затаив дыхание.

Абер прорвался сквозь ветровое стекло, царапнув когтями по металлу капота, и врезался в чиновника, стоящего на бампере, прежде чем тот успел хотя бы подумать о том, чтобы поднять мачете.

Итан прицелился в затылок абера и выстрелил. Тот обмяк, а человек под ним бился и вопил, пока двое мужчин, переодетых в женщин, не помогли стащить с него тварь.

Чиновник сел, залитый кровью, с изорванными предплечьями – кожа висела клочьями в тех местах, которыми он пытался защитить лицо.

Но он был жив.

– Вам все это не по силам? – спросил Итан. – Хотите вернуться к убийству себе подобных? Или хотите сейчас пойти вместе со мною в театр? Я знаю, что у вас есть вопросы. Что ж, у меня есть ответы. Я встречусь с вами там через десять минут, и клянусь богом, если кто-нибудь попробует хоть пальцем тронуть Кейт и Гарольда, я пристрелю такого человека на месте.

Итан снял головной убор, сбросил плащ. Спрыгнул на капот, а оттуда шагнул на мостовую. Толпа расступилась, оставив для него широкое, почтительное пространство. Он все еще держал «Пустынного орла», и кровь его жарко кипела, требуя драки.

Оттолкнув в сторону одного из чиновников, Бёрк шагнул в круг.

Гарольд в пижаме сидел на мостовой, двое чиновников все еще держали Кейт.

Итан прицелился в того, который был справа.

– Ты слышал, что я только что сказал?

Тот кивнул.

– Тогда почему ты все еще прикасаешься к ней?

Чиновники выпустили Кейт. Она осела на тротуар.

Итан подбежал к ней, опустился на колени, снял свою парку и накинул ей на плечи.

Кейт подняла на него глаза.

– Я думала, что ты…

– Знаю. Прости. Прости, пожалуйста. Другого способа не было.

Гарольд не сознавал, что происходит, – сейчас он был где-то в другом мире.

Итан поднял Кейт на руках.

– Где болит?

– Только колено и глаз. Я в порядке.

– Давай подлатаем тебя.

– После, – сказала она.

– После чего?

– После того, как ты нам все расскажешь.

Глава 24

Итан повел весь город в театр.

Убитого абера положили на сцену, чтобы все могли его видеть.

Все стулья в здании были заняты, люди толпились в проходах и сидели на краю сцены.

Итан посмотрел на свою семью, сидящую в первом ряду, но не мог выбросить из головы Пилчера. Как тот поступит? Может, в эту самую минуту он посылает своих людей в город? Набросится ли он на Итана? На Терезу и Бена? На весь город?

Нет. Новостей не дождешься. И, несмотря ни на что, сколько раз Итан слышал, как Пилчер, упоминая о городе, говорил «мои люди»!

Ведь в конце-то концов они были самым ценным его имуществом. Он мог мстить Итану, но теперь жители Заплутавших Сосен знали правду, и этого уже не изменить.

Кто-то включил осветительную лампу.

Итан шагнул в ее луч.

Теперь он не видел лиц. Только резкий голубоватый свет, сияющий из глубины театра.

Он рассказал им все.

Как их похитили, законсервировали и заперли в этом городе.

Как возникли аберрации.

О Пилчере и его узком кружке в *горе*.

Несколько человек вышли, не в силах слышать правду или не поверив в нее.

Но большинство остались.

Итан чувствовал, как настроение собравшихся в зале изменилось от недоверия к грусти, а потом – к гневу, когда он рассказал, как Пилчер снимал на видео и тщательно изучал каждый их личный момент.

Когда он рассказал о микрочипах, одна женщина вскочила, вскинула кулак и закричала туда, где, как она поняла, в потолке спрятана камера:

– Иди сюда! Ты наблюдаешь за этим? Иди и ответь за свои поступки, сукин ты сын!

И словно в ответ, огни в театре стали меркнуть.

Зато включился проектор в задней части комнаты и послал изображение на перламутровый киноэкран позади Итана.

Тот повернулся, посмотрел на тяжелый белый винил – и тут на нем появился Дэвид Пилчер. Он сидел за своим столом в позе, смутно напоминающей обращение президента – предплечья на столешнице, пальцы переплетены.

В театре воцарилась тишина.

– Итан, не могли бы вы отойти в сторонку и позволить мне сказать словцо? – спросил Пилчер.

Итан отступил от света рампы.

Мгновение Пилчер просто пристально смотрел туда, откуда его снимала камера. Наконец он сказал:

– Некоторым из вас я известен как доктор Дженкинс. Мое настоящее имя Дэвид Пилчер, и я буду говорить коротко и ясно. Все, что только что рассказал ваш дорогой шериф, – правда. Если вы думаете, что я здесь для того, чтобы объясниться или извиниться, позвольте вас в этом разубедить. Все, что вы видите – абсолютно все, – создал я. Этот город. Этот рай. Технологию, которая сделала возможным ваше присутствие здесь. Ваши дома. Ваши постели. Воду, которую вы пьете. Еду, которую вы едите. Работу, которая занимает ваше время и заставляет вас чувствовать себя людьми. Вы дышите по одной-единственной причине: потому что я это дозволяю. Позвольте показать вам кое-что.

Изображение Пилчера сменилось видом с воздуха на огромную равнину, на которой стая в несколько сотен аберов пересекала волнующуюся траву. Стая двигалась под голос Пилчера, заполнивший театр:

– Вижу, у вас там на сцене лежит мертвым один из этих монстров. Все вы должны хорошенько на него посмотреть и понять, что за пределами безопасных Заплутавших Сосен их миллионы и миллионы. Вот как выглядит *маленькая* их стая.

Пилчер появился снова, только теперь он сам держал камеру, и лицо его занимало всю поверхность экрана.

– Давайте говорить прямо. За последние четырнадцать лет я – единственный Бог, какого вы знали, и в ваших интересах продолжать действовать так, будто я все еще им являюсь.

Из темноты вылетел камень и ударил в экран.

Кто-то в толпе закричал:

– Чтоб ты сдох!

Пилчер посмотрел в сторону, глядя, как происходящее разворачивается на его стене мониторов.

Итан из-за кулис наблюдал, как на сцену взобрались трое мужчин и начали срывать экран.

Пилчер принялся было говорить, но кто-то в глубине зала вырвал проектор из стены и разбил на куски.

* * *

Пилчер в одиночестве сидел за своим столом.

Он взял бутылку скотча, осушил ее и швырнул в мониторы.

Ему пришлось держаться за стол, когда он с трудом поднялся на ноги.

Качаясь.

Ему уже доводилось быть пьяным.

Но теперь он был просто в умате.

Неверными шагами Пилчер двинулся от стола, ступая по полу из темного дерева.

Винсент Ван Гог с выбритым лицом и перевязанным правым ухом наблюдал за ним со стены.

Пилчер схватился за большой стол в центре комнаты и удержался на ногах. Он уставился сквозь стекло на макет Заплутавших Сосен, водя пальцем по перекрестку Восьмой и Главной.

Его кулак прошел сквозь стекло с первой же попытки и расплющил сложную модель театра. Когда он вытащил руку, в нее вонзились осколки стекла.

Он ударил окровавленным кулаком по другой части стекла.

И еще по одной.

Рука его обильно кровоточила к тому времени, как он полностью разбил стекло; крошечные осколки и обломки рассыпались по городу, словно следы библейской бури с градом.

Спотыкаясь, Пилчер пошел вдоль стола, пока не добрался до желтого викторианского дома Итана.

Расплющил его.

Расплющил полицейский участок шерифа.

Расплющил дом Кейт и Гарольда Бэллинджеров.

Этого было совершенно недостаточно.

Он схватился за столешницу, согнул колени, приподнял стол и перевернул его вверх тормашками.

* * *

Хотя Итан уже рассказал им все, люди остались на своих местах после того, как был сорван экран.

Никто не ушел.

Некоторые сидели в оцепенении. Ошеломленные.

Другие открыто плакали.

В одиночку.

Или маленькими группами.

На плече супруга или супруги, с которыми их вынудили сочетаться браком.

Все в комнате были потрясены. Эмоции напоминали подавленное опустошение на похоронах. Во многих отношениях это и были похороны. Люди оплакивали потерю своих прежних жизней. Всех любимых, которых они никогда больше не увидят. Все, что у них было украдено.

Столько всего требовалось обдумать.

О стольком погоревать.

И стольког еще надо было бояться…

*** * ***

Итан со своей семьей сидел на сцене за занавесом, крепко обнимая жену и сына.

Тереза прошептала ему на ухо:

– Я так горжусь тем, что ты сделал сегодня ночью. Если ты когда-нибудь задумаешься, каким был лучший твой момент, – ты только что его пережил.

Он поцеловал ее.

Бен плакал.

– То, что я сказал тебе недавно на скамье…

– Все в порядке, сын.

– Я сказал, что ты не мой отец.

– Ты же не хотел.

– Я думал, что мистер Пилчер хороший. Я думал, что он бог.

– Это не твоя вина. Он обманул тебя. Каждого ребенка в той школе.

– Что же теперь, папа?

– Сын, я не знаю, но в любом случае с этого момента наша жизнь снова принадлежит нам. Только это и важно.

*** * ***

Люди начали подходить, чтобы посмотреть на мертвую аберрацию. Она была небольшой, всего в сто двадцать фунтов. Итан решил, что именно из-за ее маленького размера действие транквилизирующего дротика продлилось дольше, чем он рассчитывал.

Уже миновала полночь. Он глядел на всех этих людей, чью жизнь он только что бесконечно изменил, когда услышал звонки телефона в фойе.

Итан слез со сцены и двинулся по проходу, потом толкнул двери, ведущие из театра.

Звонки доносились из билетной кассы.

Он присел за окошком билетера и поднес трубку к уху.

– Как дела, шериф?

Голос Пилчера был сиплым от виски и необычно счастливым.

– Нам нужно встретиться завтра, – сказал Итан.

– Выхотелибызнатьчтонатворили?

– Простите?

Пилчер сказал медленно, тщательно выговаривая слова:

– Вы хотели бы знать, что натворили?

– Думаю, я и так хорошо это знаю.

– Да ну? Что ж, я все равно расскажу. Вы только что купили себе город.

– Боюсь, я не понимаю, о чем вы.

Люди выходили из театра и собирались возле окна билетной кассы.

– Не понимаете, о чем я? Я о том, что они теперь ваши. Все до единого. Мои поздравления.

– Я знаю, что вы сделали со своей дочерью.

На другом конце провода… Тишина.

– Каким же монстром… – начал Итан.

– Она меня предала. Меня и всех в этой *горе*. Она подвергла опасности Заплутавшие Сосны. Она не просто рассказала людям о «слепых пятнах» в городе. Она их создала. Саботировала все, что я…

– Ваша дочь, Пилчер.

– Я дал ей все шансы…

– Ваша *дочь*.

– Это требовалось сделать. Может, не таким образом, но… Я потерял голову.

– Я гадаю – почему вы поручили мне расследовать ее убийство? Сделали так, чтобы я нашел ее тело на дороге? Полагаю, вы этим дирижировали. Чего вы вообще надеялись таким образом добиться?

– Алисса так и не выдала группу Бэллинджеров. Я не думал, что вы и в самом деле будете преследовать свою бывшую напарницу, если только не решите, что она и вправду кого-то убила. А вы должны были прийти к выводу, что убийца – Кейт. Вы обязательно пришли бы к такому выводу, если б обыскали ее дом. Я сунул оружие, которым была убита Алисса, в ящик с инструментами в сарае Кейт и Гарольда. Вам полагалось его найти, но вы даже не устроили обыск, потому что, полагаю, никогда всерьез не думали, что это сделала Кейт… Что ж, теперь это уже неважно.

– И как вам спится ночами, Дэвид?

– Я знаю – что бы я ни сделал, все это делалось ради создания Заплутавших Сосен. Ради защиты Заплутавших Сосен. А важнее этого нет ничего. Поэтому я сплю великолепно. И, между прочим, я придумал для вас новое прозвище.

– Нам нужно встретиться, – сказал Итан. – Нужно поговорить о том, что будет дальше.

– Несущий Свет. Вот какое новое прозвище я вам придумал. Это перевод с латинского «Люцифер». Вы знаете миф о Люцифере? Он полностью подходит к случаю. Люцифер был ангелом Господа. Самым красивым созданием из всех ангелов. Но его красота ввела его в заблуждение. Он начал думать, что так же прекрасен, как и его создатель. Что, возможно, ему следует стать Богом.

– Пилчер…

– Люцифер возглавил отряд ангелов и поднял восстание против Всемогущего. А теперь я хочу задать вопрос… Чем это для них закончилось?

– Вы – больной. Эти люди заслуживают свободы.

– Поделюсь тем, что закончилось это очень скверно. Знаете, что с ними сделал Бог? Он изгнал их. Он создал место под названием «ад» для Люцифера и его падших ангелов.

– И кто я в этой сказке? – спросил Итан. – Люцифер? Полагаю, в таком случае вы – Бог?

– Очень хорошо, шериф.

Было слышно, как Пилчер улыбается, говоря по телефону.

– И если вы гадаете, куда пойти, чтобы найти место вечных мук, которое я собираюсь для вас создать, скажу: больше не ищите.

– О чем вы?

– Ад сам идет к вам.

Две секунды в ухо Итану трубили гудки.

Потом все огни замерцали и погасли.

Глава 25

Заплутавшие Сосны, Шестая улица, 1040

Три года и семь месяцев назад

В тот последний день, который они провели вместе, она приготовила его любимые блюда. Весь день провела на кухне – резала, помешивала, добавляла.

Простая работа, которой занимались ее руки, каким-то образом помогала ей жить от одного момента до другого.

Но требовалось усилие воли, чтобы сосредоточиться, потому что стоило утратить бдительность, как в тот же миг на нее разом наваливалось все.

Три раза она теряла самоконтроль.

Падала на колени.

Ее всхлипывания наполняли пустой дом.

Здесь было так трудно жить.

Страшно, и одиноко, и, конечно же, безнадежно.

Но потом появился он. Как сон.

Они нашли утешение друг в друге, и на некоторое время все стало лучше. Она и впрямь была счастлива в этом странном маленьком городке.

Передняя дверь открылась и закрылась.

Она положила нож на кухонную доску.

Вытерла глаза посудным полотенцем.

Повернулась к нему лицом.

Он стоял напротив нее по другую сторону стола.

– Ты плакала, – сказал он.

– Немножко.

– Иди сюда.

Она подошла к нему, обхватила его руками и заплакала, уткнувшись ему в грудь, а он пропускал ее волосы сквозь пальцы.

– Ты поговорил с ними? – спросила она.

– Да.

– И?..

– Без изменений.

– Это нечестно.

– Я знаю.

– Что, если бы ты просто сказал…

– Тут у меня нет выбора.

– А ты не можешь…

– Не проси меня. Пожалуйста.

Он понизил голос и прошептал ей на ухо:

– Ты же знаешь, я не могу об этом говорить. Знаешь, каковы будут последствия.

– Не понимать – это меня убивает.

– Посмотри на меня.

Он взял ее лицо в ладони и уставился сверху вниз в ее глаза. Никто никогда не любил ее так, как этот мужчина.

– Мы все это преодолеем.

Она кивнула.

– Надолго? – спросила она.

– Не знаю.

– Это опасно?

– Да.

– Ты вернешься?

– Конечно, вернусь. Он наверху?

– Он еще не вернулся из школы.

– Я пытался поговорить с ним об этом, но…

– Ему нелегко будет это пережить.

Он обхватил ее за талию.

– Послушай, все уже сделано, и мы ничего не можем тут предпринять, поэтому давай радоваться тому времени, которое у нас есть. Хорошо?

– Хорошо.

– Поднимемся ненадолго наверх? Мне бы хотелось получить от тебя немножко кое-чего на память.

– Я не хочу, чтобы сгорел обед.

– К чертям собачьим обед.

* * *

Она лежала в постели, в его объятьях, наблюдая в окно за темнеющим небом. Потом сказала:

– Даже представить себе не могу, каково это будет.

– Ты сильная. Сильнее, чем думаешь.

– А если ты ко мне не вернешься?

– Тогда знай вот что. То время, которое я провел с тобой в этой долине, в этом доме, было лучшим в моей жизни. Лучше, чем вся моя жизнь в прошлом мире. Я люблю тебя, Тереза. Безумно и навечно и…

Она поцеловала его и притянула его к себе, поверх себя…

В себя.

Она снова плакала.

– Просто будь здесь, рядом, – сказала она. – Я люблю тебя. Господи, я так тебя люблю, Адам, не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй меня…

Часть V

Глава 26

При последних бликах дневного света Тобиас открыл свой дневник в кожаной обложке и прочитал первую страницу с посвящением – наверное, уже в тысячный раз.

«Когда ты вернешься – а ты обязательно вернешься, – я трахну тебя так, солдат, будто ты только что вернулся домой с войны».

Он пролистал три четверти тетради до того места, на котором остановился.

От карандаша остался последний дюйм.

Трубка угасала.

Тобиас примял пепел и сделал последнюю затяжку, собираясь с мыслями, а река с журчанием текла мимо.

Там, где он сидел, солнце покинуло здание[45], хотя все еще касалось вершины горы по другую сторону реки, в полумиле отсюда.

Стая аберов, похоже, уходила.

Он слышал, как аберы вопят и визжат, двигаясь по долине, освобождая ему дорогу к дому.

Тобиас написал: «День 1308. Я буду краток. Моя последняя ночь в глуши и так много эмоций. Из своего лагеря я вижу горы, окружающие Заплутавшие Сосны, и, если повезет, уберусь из холодины завтра днем. Я столько всего предвкушаю… Теплую постель. Теплую еду. Я снова буду разговаривать с другим человеческим существом. Сидеть с бокалом виски и рассказывать людям обо всем, что видел.

Только у меня есть ключ к тому, что всех нас спасет. Я в буквальном смысле слова единственный человек в мире, который может спасти мир. Я несу на плечах груз знаний, но все это не столь важно.

Потому что чем ближе я к Заплутавшим Соснам, тем больше мои мысли заняты лишь тобой.

Нет ни единого дня, когда бы я о тебе не думал.

О времени, которое мы провели вместе. О том, что я чувствовал, обнимая тебя в ту последнюю ночь.

А завтра я снова тебя увижу.

Мой милый, дорогой ангел…

Чувствуешь ли ты, что я близко? Чувствуешь ли каким-то образом, нутром, что всего спустя несколько часов мы снова будем вместе?

Я люблю тебя, Тереза Бёрк.

Всегда.

Никогда не думал, что доживу до того, чтобы написать эти слова, но…

Засим подписывается

Адам Тобиас Хасслер».

Глава 27

Подожженная машина все еще дымилась. Светофор не горел, и уличные фонари погасли. Теперь, когда во всей долине не горела ни одна лампа, звезды светили с яркой ледяной силой.

Итан вышел на середину улицы, Тереза цеплялась за его руку, с другой стороны шла Кейт.

Если Терезу и раздражало, что они втроем так близко друг от друга, она ничем это не показывала. По правде говоря, Итан не был уверен, что именно чувствует сам, идя между ними. Так много любви, и страсти, и боли…

Как будто он оказался между противоборствующими силами.

Одинаковыми полюсами двух магнитов, находящимися в опасной близости друг от друга.

Люди начали выходить из театра.

Итан протянул Кейт мегафон и сказал:

– Сделай мне одолжение. Удержи всех здесь. Мне нужно кое-что проверить.

– Что происходит? – спросила Тереза.

– Я не вполне уверен.

Он отодвинулся от нее и пошел к «Бронко».

Абер разнес машину в пух и прах. В середине ветрового стекла зияла большая дыра, передние сиденья были усыпаны стеклом и выпотрошены, из них была выброшена поролоновая набивка. Итан ничего не видел сквозь ветровое стекло, поэтому забрался на капот и выбил ногой остатки стекла.

Он поехал на юг по Главной, и ветер струился в ничем не защищенное окно, так что слезились глаза.

Добравшись до изгиба дороги, Итан свернул и поехал дальше, по отпечаткам шин, оставшимся после его прошлого набега в лес. Фары дальнего света посылали лучи между деревьями.

Он нашел путь к засохшему сосновому пню и выключил двигатель.

Вышел и шагнул в темный лес.

Что-то было не так, и, приблизившись к ограде, Итан понял, что его так тревожит. Тишина.

Здесь не должно было быть так тихо.

Этим проводам и утыканной шипами проволоке следовало бы гудеть.

Он пошел вдоль мертвой ограды на запад.

Потом пустился трусцой.

Потом побежал.

Спустя сотню ярдов Итан добрался до ворот – тридцатифутовой секции на петлях, через которую можно было выйти в долину. Именно через эти ворота уходили Кочевники и через них же – изредка – возвращались. Через них Пилчер иногда посылал в дикие места грузовики, чтобы запастись дровами или провести ближнюю разведку.

До настоящего момента Итан никогда еще не созерцал ужасного зрелища широко распахнутых ворот.

Он стоял, глядя через ворота на невообразимо враждебную землю за ними, и его поразила мысль, несущая с собой слабость и озноб: он полностью ошибся в оценке Пилчера.

В лесах раздался вопль.

Потом еще один.

И еще.

Шум ширился, усиливался, пока не показалось, что от него дрожит земля, словно через лес мчится ад.

К обесточенной ограде.

К открытым воротам.

К Заплутавшим Соснам.

Еще две секунды Итан стоял, застыв, и в голове его крутился один-единственный вопрос, а в душе нарастали паника и ужас.

«Что. Ты. Наделал?!»

И он побежал.

А теперь заглянем в третью книгу из серии «Заплутавшие Сосны»…

Итан рванул обратно к «Бронко». Паника нарастала с каждым шагом, с каждым отчаянным вдохом. Он уже пытался отыскать выход, способ все это исправить.

Но эта умолкшая ограда…

Открытые ворота…

Это была смерть – без вариантов.

Он ехал между деревьями слишком быстро, выжав из подвесок все возможное, стряхнув последние острые осколки с лобового стекла.

Вверх по насыпи, на дорогу.

Он вдавил педаль газа в пол.

* * *

Весь город ждал Итана перед театром.

Четыреста с лишним человек стояли кру́гом в темноте, как будто всех их вышибли с костюмированного бала.

«У нас нет шансов», – подумал Итан.

Шум толпы был оглушительным.

Люди оправлялись от недоверия и шока, начиная разговаривать друг с другом – в некотором смысле, разговаривать впервые.

Подошла Кейт. Она раздобыла настоящую одежду, и кто-то наспех зашил ей разрыв над левым глазом.

Итан подвел ее к машине – туда, где их нельзя было подслушать.

– Пилчер вырубил электричество, – сказал он.

– Да, я догадалась.

– Нет, я имею в виду – вырубил электричество ограды. А еще он открыл ворота.

Кейт сделала шаг назад и внимательно в него вгляделась. Словно пытаясь оценить, насколько же плохую новость только что услышала.

– Итак, те твари… Аберрации…

– Теперь они могут сюда проникнуть. И они идут.

– Сколько их, как ты думаешь?

– Невозможно сказать. Но даже маленькая группка нас сметет.

Кейт оглянулась на толпу.

Разговоры затихали, люди придвигались ближе, чтобы услышать новости.

– У некоторых из нас есть оружие, – сказала Кейт. – Кое у кого есть мачете. Мы защитим остальных.

– Ты не знаешь этих тварей.

– А ты смотришь на меня так, будто не знаешь, что делать.

– Есть идеи, напарница?

– Ты можешь вразумить Пилчера? Позвонить ему? Заставить его передумать?

– Вряд ли это возможно.

– Тогда мы должны увести всех обратно в театр. Там нет окон. Только по одному входу с каждой стороны сцены. Внутрь ведут двойные двери. Мы забаррикадируемся внутри.

– А что потом? Что, если осада продлится много дней? Ни еды. Ни тепла. Ни воды. И нет такой баррикады, которая смогла бы вечно удерживать аберов. Ты понимаешь, что будет, если внутрь прорвется всего одна из этих тварей?

– Что тогда, Итан? Что ты предлагаешь?

– Я не знаю, но они идут, и мы не можем просто отослать людей по домам.

– Некоторые уже ушли.

– Я же сказал тебе удержать всех здесь.

– Я пыталась.

– Сколько человек ушло?

– Пятьдесят-шестьдесят.

– Иисусе…

– Итан, мы справимся с этим.

– Ты не понимаешь, что надвигается. Когда несколько недель тому назад я сбежал, на меня напала одна из этих тварей. Маленькая. Меня едва не разорвали в клочья.

– Так ты говоришь, что это смертный приговор? Мы все умрем, и никаких вариантов?

Итан увидел, что к ним идут Тереза и Бен.

– Если я смогу попасть в суперструктуру, если смогу показать тамошним людям, каков на самом деле тот, кому они служат, у нас может быть шанс.

– Так иди. Иди, немедленно!

– Я не оставлю свою семью… Нет, не так. Не оставлю, пока у меня нет настоящего плана.

Тереза приблизилась. Они обнялись.

Она поцеловала его на глазах у Кейт.

Демонстративно поцеловала, как подумалось Итану.

– Что ты выяснил? – спросила Тереза.

– Ничего хорошего.

– Постой, – сказала Кейт.

– Что?

– Нам нужно переждать в каком-нибудь безопасном месте, пока ты вламываешься в суперструктуру.

– Верно.

– В каком-нибудь защищенном месте. Которое можно будет оборонять. И в котором уже есть запасы провизии.

– Именно.

Кейт улыбнулась.

– Возможно, я знаю именно такое место.

*** * ***

Итан встал на крыше «Бронко» с мегафоном в руках.

– Мы разделяемся на четыре группы примерно по сто человек в каждой. Гарольд Бэллинджер возглавит первую группу. Кейт Бэллинджер – вторую. Дэйв и Энн Инглеры – третью и четвертую. Нет времени, чтобы объяснять все, но, пожалуйста, поверьте – на всех надвигается опасность.

Кто-то закричал:

– У меня есть вопрос!

Ответом на это стал единственный далекий вопль.

Толпа только что гудела.

Теперь все резко замолчали.

Звук раздался к югу от города – ломкий злобный вой.

Подобного нельзя было описать или объяснить, потому что люди не просто услышали его. Они *почувствовали*, что он означает.

А означал он вот что: сюда идет смерть.

* * *

Брэд Фишер неловко сидел на раскуроченном переднем пассажирском сиденье «Бронко», вцепившись в дверную ручку, пока Итан гнал через город.

– Мы были в театре, когда вы говорили, – сказал Брэд. – А потом я оглянулся – а ее нет.

Бёрк пытался собраться с мыслями, совладать со своим страхом, увидеть такой исход игры, который не повлек бы массовые жертвы.

Но человек рядом с ним плакал.

– Она, наверное, испугалась за свою жизнь, учитывая, что она делала с детьми, – сказал Итан. – Решила, что люди сочтут ее предательницей… – Он взглянул на Брэда. – Какие чувства вы испытываете к Меган?

Это как будто озадачило Фишера, застало его врасплох.

– Не знаю. Я никогда по-настоящему не ощущал, что знаю ее или что она знает меня. Но мы жили вместе. Мы спали в одной постели. Иногда спали друг с другом.

– Смахивает на большинство настоящих браков. Вы любили ее?

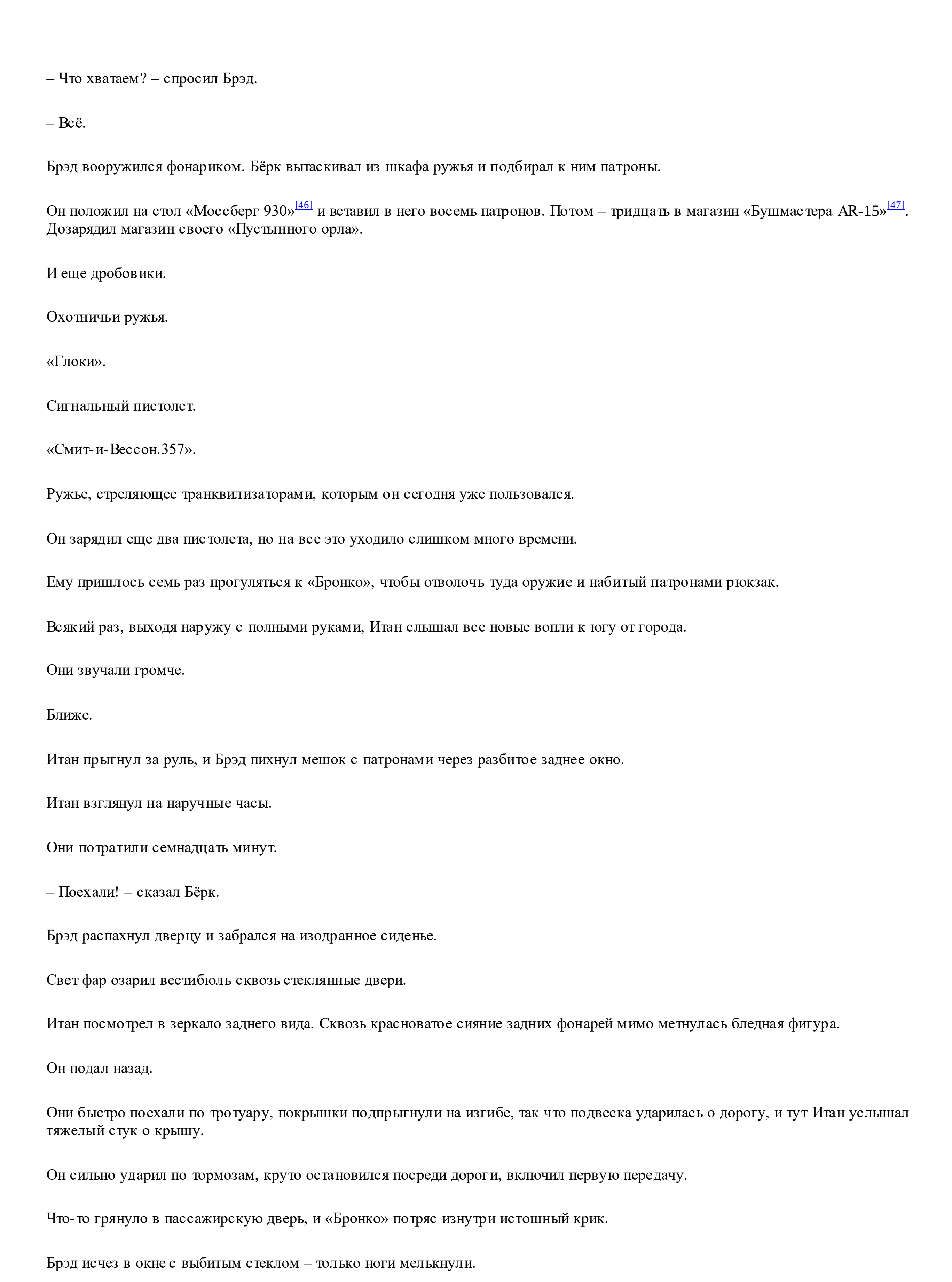
Брэд вздохнул.

– Все это сложно.

Фары дальнего света полоснули по полицейскому участку.

Итан свернул к бордюру, завел «Бронко» прямо на тротуар, так что колеса оседлали его, и остановился в нескольких футах от входа. Вылез, включил фонарик, вместе с Брэдом подошел к двойным дверям, отпер их и открыл.

Они пробежали через вестибюль и свернули в коридор, ведущий к кабинету Итана.

– Что хватаем? – спросил Брэд.

– Всё.

Брэд вооружился фонариком. Бёрк вытаскивал из шкафа ружья и подбирал к ним патроны.

Он положил на стол «Моссберг 930»[46] и вставил в него восемь патронов. Потом – тридцать в магазин «Бушмастера AR-15»[47]. Дозарядил магазин своего «Пустынного орла».

И еще дробовики.

Охотничьи ружья.

«Глоки».

Сигнальный пистолет.

«Смит-и-Вессон.357».

Ружье, стреляющее транквилизаторами, которым он сегодня уже пользовался.

Он зарядил еще два пистолета, но на все это уходило слишком много времени.

Ему пришлось семь раз прогуляться к «Бронко», чтобы отволочь туда оружие и набитый патронами рюкзак.

Всякий раз, выходя наружу с полными руками, Итан слышал все новые вопли к югу от города.

Они звучали громче.

Ближе.

Итан прыгнул за руль, и Брэд пихнул мешок с патронами через разбитое заднее окно.

Итан взглянул на наручные часы.

Они потратили семнадцать минут.

– Поехали! – сказал Бёрк.

Брэд распахнул дверцу и забрался на изодранное сиденье.

Свет фар озарил вестибюль сквозь стеклянные двери.

Итан посмотрел в зеркало заднего вида. Сквозь красноватое сияние задних фонарей мимо метнулась бледная фигура.

Он подал назад.

Они быстро поехали по тротуару, покрышки подпрыгнули на изгибе, так что подвеска ударилась о дорогу, и тут Итан услышал тяжелый стук о крышу.

Он сильно ударил по тормозам, круто остановился посреди дороги, включил первую передачу.

Что-то грянуло в пассажирскую дверь, и «Бронко» потряс изнутри истошный крик.

Брэд исчез в окне с выбитым стеклом – только ноги мелькнули.

Он завопил.

Итан не увидел в темноте крови, но почуял ее – внезапную сильную струю ржавчины в воздухе.

Он вытащил пистолет, но вопли смолкли.

Теперь был слышен лишь затихающий звук, с которым ботинки Брэда скребли по тротуару, когда его волокли прочь.

Итан схватил фонарик, который Брэд уронил между сиденьями, и посветил на улицу.

Луч упал на абера. Тот присел на задних ногах над Брэдом, зарывшись мордой в его глотку.

Ненасытный.

Рвущий.

Абер поднял глаза – пасть его была темной от крови – и зашипел на свет со злобным предостережением волка, защищающего свою добычу.

Неподалеку за ним свет озарил другие бледные фигуры, приближающиеся к машине по середине улицы.

«Просто езжай, блин! Он мертв».

Итан врубил газ.

В зеркале заднего вида дюжина аберов неслась к машине на четвереньках. Тот, что был впереди, поравнялся с дверью. Он прыгнул на окно Итана и выбил бы его, но «Бронко» уже разогнался настолько, что абер промахнулся, ударился вместо окна о бок машины и отскочил от него.

Итан увидел, как абер покатился по улице, и вдавил педаль газа в пол изо всех сил.

Когда он снова посмотрел сквозь ветровое стекло, в двадцати шагах перед решеткой машины стоял маленький абер: оскалив зубы, он застыл в свете фар.

Итан приготовился к столкновению.

Удар.

Бампер отшвырнул абера назад на тридцать шагов. Итан переехал его и протащил за собой полквартала, «Бронко» дребезжал так, что он едва удерживал руль. Шасси вышвырнули абера на дорогу.

Итан рванул на север.

Зеркало заднего вида показало темную пустую улицу.

Он снова начал дышать…

Благодарности

Дэвид Хейл Смит, Ричард Пайн, Алексис Херли, Натаниэль Джекс и все в «Инквел менеджмент» – спасибо вам за поддержку и советы.

Анджела Кленг Каплан и Джоэл Вандерклут, вы – рок-звезды. Я так благодарен за то, что вы – мои болельщики.

Особенные благодарности Жаку Бен-Зерки за великолепную редактуру этой книги.

И Дженни Уилльямс за изумительную корректуру и «Сосен», и этого романа.

Дэвид Вандаргрифф: спасибо вам. Вы знаете, за что.

Сотрудникам «Томаса и Мерсера» и «Амазона» – Энди М. Ф. Бартлетту, Алану Теркусу, Дафне Дерхэм, Вики Гриффит, Джеффу Белли, Даниэлле Маршалл, Джону Файну, Саре Томашек, Рори Коннеллу (ушедшему, но не забытому), Миа Липман, Паулю Даймонду, Эми Вейтс, Риме Аль-Забен, Кристи Колутер, Филипу Патрику, Саре Гельман и Джоди Маршоу – что я могу сказать? Все вы каждый день выкладываетесь по полной. Для меня честь и удовольствие то, что вы применяете свои реактивные двигатели к моим книгам.

Джо Конрат, Барри Эйслер, Маркус Сэки, Джордан Крауч, Джероен тен Берг и Энн Восс Петерсон: спасибо за ободрения, понукания и дружбу.

Брайан Аззарелло: я должен был поблагодарить еще в прошлый раз за то, что вы дали название «Соснам». Итак, спасибо!

Уилл Деннис из «Вертиго»: вы безмерно помогли на ранних этапах создания этой серии и дали мне ощущение того, как велик может быть мир.

Домашняя команда – Ребекка, Айдан, Эннсли и пока не имеющая названия третья книга из серии про Заплутавшие Сосны: я люблю вас, ребята. Надеюсь, вы знаете, как сильно.

Сноски

1

Перевод А. Андреева.

2

Параллакс – видимое смещение объекта при его наблюдении с двух различных точек (когда объект или перекрестие неподвижны).

3

«Супер-магнум» (Super Magnum или Arctic Warfare Magnum) – британская снайперская винтовка.

4

«Лапуа Магнум» (Lapua Magnum) – патрон для стрельбы на большие дистанции; широко используется также охотниками и стрелками-спортсменами.

5

Слово «Странники» уже занято Стругацкими, слово «Скитальцы» – здешними диссидентами; разведчиков Пилчера пришлось назвать Кочевниками, с большой буквы, хотя в подлиннике nomads с маленькой.

6

Перу известного американского поэта Роберта Фроста принадлежат стихи «Неизбранный путь», «Остановившись у леса снежным вечером» и «Починка стены».

7

У. Шекспир «Как вам это понравится», *пер. Т. Щепкиной-Куперник.*

8

Скорость выражена в милях в час, т. е. порядка 110 км/ч.

9

Закон Мерфи – житейский постулат, который формулируется следующим образом: если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет; аналогичен нашему «правилу бутерброда».

10

Перевод М. Зенкевича.

11

«Астротэф» – фирменное название искусственного травяного покрытия, обычно применяется на спортивных площадках.

12

Упоминание о пространственно-временных туннелях и конденсаторах временных потоков – ссылка на фантастическую кинотрилогию Роберта Земекиса «Назад в будущее».

13

«Норд фейс» – компания, специализирующаяся на производстве спортивной и горной одежды и туристического инвентаря.

14

Гранд-сентрал – Центральный железнодорожный вокзал в Нью-Йорке.

15

Норман Рокуэлл (1894–1978) – американский художник, иллюстратор; автор множества милых картин и иллюстраций на темы жизни и быта американцев.

16

«Барбур» (Barbour) – британский бренд, основанный в конце XIX века, особенно известный своей верхней одеждой, в частности, вощеными и стегаными куртками.

17

Популярная разновидность охотничьего ножа.

18

Остроконечные горы – штат Айдахо, там находится национальная зона отдыха.

19

Дей-гло (Dayglo) – краска с люминесценцией дневного света.

20

Рубашки против кожи (shirts versus skins) – распространенный способ обозначения команд в неофициальной игре, обычно, когда на улице играют мужчины: одна команда остается в рубашках, другая снимает их.

21

Банши – фигура ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

22

Телазол – ветеринарный седативный и анальгезирующий препарат.

23

Ли Чайлд (наст. Джим Грант, р. 1954) – современный английский писатель. Герой ряда его произведений – Джек Ричер, бывший военный полицейский, «волк-одиночка», всюду борящийся с несправедливостью.

24

Корд – примерно 3,6 куб. м.

25

«Дельта» (1-й оперативный отряд Специального Назначения «Дельта») – подразделение специального назначения для борьбы с терроризмом, внутренними волнениями и др.

26

401 (k) – накопительный пенсионный счет частной пенсионной системы в США.

27

Buenas noches – спокойной ночи (*исп.*).

28

Спейс-Нидл (*англ.* Space Needle – «космическая игла») – символ города Сиэтл, башня 184 метра высотой.

29

«Шарпи» – товарный знак канцелярских маркеров различного назначения, в том числе с нестираемыми или несмываемыми составами производства компании «Санфорд».

30

«Сгусток мышц» – двухдверный спортивный автомобиль с непропорционально мощным двигателем и усиленной подвеской.

31

Musculus biceps femoris (*лат.*) – двуглавая мышца бедра.

32

Монк Телониус (1917–1982) – американский джазовый пианист, композитор, один из родоначальников бибопа.

33

Имеется в виду миниатюрная туристическая железная дорога и парк развлечений в Сономе, штат Калифорния.

34

«Прицепи хвост ослу» – детская игра: игрок с завязанными глазами должен правильно приложить хвост к изображению осла.

35

Кульверт – водопропускная труба.

36

«Джонни Уокер Блю» – дорогая разновидность шотландского купажированного виски.

37

АА – общество «Анонимные алкоголики».

38

Силиконовая долина – название района на западе штата Калифорния к югу от г. Сан-Франциско, где сконцентрировано высокотехнологичное производство, в том числе с использованием полупроводниковых кремниевых плат.

39

Имеются в виду террористические акты в США 11 сентября 2001 г.

40

«Блэк Хок» (UH-60 Black Hawk) – многоцелевой вертолет, созданный американской компанией «Сикорски».

41

«Пустынный орел» (*англ.* Desert Eagle) – крупнокалиберный полуавтоматический пистолет (калибр до 12,7 мм).

42

«Маглайт» – американский бренд ручных и карманных фонарей.

43

Имеются в виду пассажирские самолеты «Боинг-747».

44

«Ночь на Лысой горе» – одноактный балет на музыку симфонической поэмы М. П. Мусоргского «Иванова ночь на Лысой горе» в инструментальной обработке Н. А. Римского-Корсакова.

45

Отсылка к известному выражению «Элвис покинул здание», означавшему, что Элвис Пресли закончил концерт и ушел со сцены.

46

«Моссберг 930» (Mossberg 930) – полуавтоматическое ружье.

47

«Бушмастер AR-15» (Bushmaster AR-15) – семизарядный вариант штурмовой винтовки AR-15.
